

ПРОКОПИЙ

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ
PROCOPII CAESARIENSIS
ARCANA HISTORIA

Перевод С. П. Кондратьева

1. Все то, с чем пришлось встретиться римскому народу в его военных предприятиях вплоть до сегодняшнего дня, я излагал до сих пор в таком порядке, при котором мог все свое повествование о событиях связать с определенным временем и местом действий. Но теперь рассказ мой пойдет не этим путем, так как я стану повествователем того, чему суждено было совершиться в различных местах и в различные сроки в пределах Римской державы. 2. Причина этого в том, что описывать все как следует раньше было мне совершенно невозможно, пока были еще живы вершители всех этих дел. Ведь сделать это незаметно при том множестве шпионов, какое тогда было, для меня не представлялось возможным, а уличенный—я неизбежно должен был погибнуть самую жалкою смертью: ведь в этом случае я не мог полагаться даже на самых близких своих родных. 3. Да и в прежних своих работах я был вынужден умолчать о причинах многого из того, о чем я писал. Поэтому я считаю своим долгом в данном сочинении высказать все, о чем до сих пор я должен был молчать, а равно и объяснить причины событий, рассказанных мною прежде. 4. Но приступая к этому новому предприятию, труду тяжкому и трудно преодолимому, к рассказу о жизни Юстиниана и Феодоры, лишь только я как следует подумаю об этом, робость нападает на меня, и я готов отказаться от своего намерения: я боюсь, как бы то, о чем я теперь буду писать, позднейшим потомкам нашим не показалось и недостоверным, и неправдоподобным. Особенно, когда в дальнейшем течении времени то, о чем мы слышим теперь, по давности времени станет забываться; я боюсь, как бы меня не сочли составителем каких-то басен и не занесли в число писателей и исполнителей трагедий для театра. 5. Однако, несмотря на все бремя моего столь важного предприятия, я не откажусь от своей решимости, ввиду того, что рассказ мой имеет себе многих свидетелей. Ведь ныне живущие люди, являясь непререкаемыми свидетелями всех этих дел, и на будущие времена будут вернейшими спутниками правдивости всех моих сообщений. 6. Но было и другое соображение, которое при всем моем горячем стремлении к предпринятой мной работе, не раз и в течение долгого времени держало меня как бы в узде. Мне представлялось, что для людей будущих поколений все это не принесет никакой пользы, так как для будущих времен лучше всего не знать о позорных деяниях прошлого, а то как бы, услышав о них, тираны не захотели подражать

и превзойти их. 7. Ведь большинство властителей—люди малообразованные, легко и охотно подражают всему дурному, что было у их предшественников, и без труда, не задумываясь, склоняются к порокам и преступлениям прошлых веков. 8. Но затем к решимости написать историю этих деяний меня привело вот какое соображение: ведь для тех, кто в будущем станут тиранами, будет совершенно ясно, что и им никак не избежать отмщения за свои преступления, подобно тому, как и этим людям пришлось понести такое же возмездие, а затем и их позорные поступки и образ жизни, записанные в истории, будут всегда напоминать об их преступлениях; потому они с большим опасением будут совершать свои правонарушения. 9. Кто из позднейших людей знал бы распутную жизнь Семирамиды или безумие Сарданапала и Нерона, если бы память о них не была сохранена в работах тогдашних историков? С другой стороны, и для тех, которым предстоит, если такова уж будет их судьба, стать жертвами подобных беззаконий со стороны будущих тиранов, не совсем бесполезным будет знакомство с моим рассказом. 10. Для находящихся в несчастье обычно является утешением, что не они одни подверглись таким бедствиям. Поэтому я хочу сначала рассказать, что было сделано постыдного Велизарием; а затем изложу и постыдные деяния Юстиниана и Феодоры. 11. У Велизария была жена¹, о которой я упоминал в своих прежних книгах. Ее дед и отец были возницами (в цирке), занимавшимися этим делом в Византии и в Фессалонике, мать же была из тех, которые служили при театре, занимались проституцией. 12. Сама она вначале вела распутную жизнь, по своему характеру не зная удержу в своих страстях; она была опытной в ядах и снадобьях—знание, наследственное в их семье. Обучившись всему, что ей было нужно, она впоследствии стала законной женой Велизария, бывши до него матерью многих детей. 13. Но и затем, даже после брака, с самого же начала она считала для себя допустимым нарушать развратом супружескую верность, однако старалась делать это в тайне, не потому, чтобы она хотела скрывать свои прирожденные привычки или испытывала какой-либо страх перед мужем, (она никогда не стыдилась никакого позорного дела, а мужа своего, ослепленного многими ее чарами, держала в своих руках), но боясь наказания от императрицы: Феодора была очень на нее сердита и открыто гневалась на нее. 14. Но затем, оказав Феодоре услугу в очень тяжелый для нее момент, Антонина приобрела ее дружбу и забрала ее в свои руки; она сначала умертвила (папу) Сильверия,—каким образом, об этом будет рассказано позднее², а потом покончила с Иоанном из Каппадокии, о чем я говорил в прежних книгах³; с этого времени она без малейшего страха, и уже ничуть не скрываясь, считала для себя вполне дозволенным всякий грех (и распущенность). 15. Был один юноша из Фракии в доме Велизария, по имени Феодосий⁴, принадлежавший еще на родине к секте так называемых евномиян. 16. Собираясь отплыть в Ливию, Велизарий крестил его святым крещением и, будучи его восприемником, он вместе с женой сделал его своим приемным сыном, усыновив его, как полагается, по христианскому закону. Поэтому Антонина, согласно святому писанию, стала любить его, как сына, особенно заботилась о нем и держала его около себя. 17. Во

¹ Об Антонине, кроме Прокопия, сообщает Свидя (под словом ἐγγυήσασθαι) и автор о «начале города Византии».

² Прокопий нигде об этом не рассказывает.

³ Кн. I, гл. 25, § 13 сл. (Сноски везде даны по изданию Н а и г у).

⁴ О Феодосии см. П р о к о п и й—Война с вандалами, I, 1.

время плавания в Ливию она влюбилась в него без ума и, вся пылая страстью, откинула всякий страх перед богом и людьми и всякий стыд. Сначала она тайно сошлась с ним, а под конец делала это на глазах слуг и рабынь. 18. Став как бы одержимой от этой страсти и явно обезумев от любви, она уже не видела тех препятствий, какие могли встретиться ей на этом пути. Как-то раз в Карфагене Велизарий захватил их на месте преступления, но дал себя обмануть жене сам, по собственной доброй воле. 19. Застав их обоих в каком-то подземном помещении, он пришел в гнев. Антонина же, не выказав страха и не стараясь как-либо скрыть это дело, сказала ему: «Я пришла сюда с этим юношей, чтобы спрятать самые дорогие вещи из добычи, боясь, что император узнает как-нибудь о них». 20. Вот какой предлог притворно выставила она в свое оправдание; Велизарий позволил убедить себя такими словами и оставил их безнаказанными, хотя он сам видел, что у Феодосия развязан ремень, затягивавший штаны около его полового члена. Под влиянием любви к этой женщине он не захотел верить тому, что он видел своими собственными глазами. 21. Ее похоть и сладострастие росли с каждым днем, становясь невыразимой гнусностью, но все, хотя и видели творимое ею, молчали; только одна рабыня, по имени Македония, в Сиракузах, в то время когда Велизарий овладел Сицилией, открыла ему это: взяв с своего господина самые страшные клятвы, что он никогда не выдаст ее хозяйке, она рассказала ему обо всем, творимом Антониной, и привела ему свидетелями двух молодых рабов, которые прислуживали в спальне. 22. Узнав об этом, Велизарий велел нескольким лицам из своей свиты убить Феодосия. Заранее проведав об этом, Феодосий бежал в Эфес. 23. Дело в том, что большинство из свиты Велизария, принимая во внимание неустойчивость его характера, более старались заслужить милость его жены, чем выказывать свою преданность мужу и казаться пользующимися его расположением. Вот почему тайное поручение, данное им относительно Феодосия, они выдали (Антонине). 24. Видя, что от всего случившегося Велизарий сильно страдает, сочувствуя ему, Константин¹ сказал: «Что касается меня, то я бы скорее прикончил эту женщину, чем юношу». 25. Узнав об этом, Антонина разгневалась на Константина, но сначала не показала виду, чтобы в подходящий момент² проявить против него свою ненависть. Была она сущим скорпионом и умела в тайне хранить свой гнев. 26. Немного времени спустя или при помощи каких-то чар и приворотных зелий, или лестью и ласками она убедила мужа, что обвинение против нее было недобросовестным. И Велизарий без всякого колебания вызвал назад к себе Феодосия, а рабыню Македонию и слуг решил выдать жене. 27. У них увсех, как говорят, она велела сначала вырезать язык, а затем, изрубив на мелкие куски, в мешках велела бросить в море, без малейшего угрызения совести. Помощником ей во всем этом безбожном деле был один из ее рабов, по имени Евгений, которым было совершено и гнусное дело убийства Сильверия³. 28. Вскоре после этого по наущению жены Велизарий велел убить и Константина. В это время именно и произошло дело по поводу Президия

¹ Константин (по другим чтениям Константиан), императорский конюший, был очень известным и энергичным воином. О нем Прокопий часто упоминает в «Войне с готами», V, 5, § 3; он одержал много побед (V, 16). При осаде Рима играл большую роль (V, 19, 16; 22, 15; 25; VI, 1, 4, 6). Об его убийстве: VI, 8, 14, 17.

² По конъектуре Heerwerden'a; другие варианты: «в тайне»; «в ближайшее время»; «жесточайшим образом».

³ О Сильверии см. Либераг из Карфагена, гл. 22.

и его кинжалов, о чем я рассказывал в прежних книгах¹. 29. Велизарий хотел спасти Константина, отослав его подальше от себя, но Антонина до тех пор не давала ему покоя, пока ей не удалось отомстить Константину за ту фразу, о которой я только что упоминал. 30. За это Велизарий вызвал к себе сильную ненависть со стороны императора и всех знатнейших римлян. 31. Таковы были там дела. Что касается Феодосия, то он сказал, что не может вернуться в Италию, где в то время были Велизарий и Антонина, если не будет устранен Фотий². 32. По своему характеру Фотий был готов «кусаться» (враждуя со всяким), если кто у любого человека имел большее значение, чем он. По отношению же к Феодосию он совершенно справедливо задыхался от гнева, потому что его, хотя он был ее сыном, Антонина не ставила ни во что, Феодосий же пользовался огромным влиянием и был осыпан богатством. 33. Говорят, что из дворцов в Карфагене и Равенне он украл для себя до 10 000 фунтов золота, тем более, что ему одному бесконтрольно было поручено ведать всей тамошней добычей. 34. Узнав о таком решении Феодосия, Антонина стала строить козни против сына, не останавливаясь даже перед попытками его убить, пока не смогла добиться, чтобы он уехал в Византию, будучи уже не в силах выносить ее козней, и чтобы таким образом сделать возможным приезд к ней в Италию Феодосия. 35. Насладившись до пресыщения и общением со своим любовником, и глупостью и легковерием своего мужа, она спустя некоторое время в сопровождении их обоих вернулась в Византию. 36. Тут Феодосий испугался этой близости, совесть стала его мучить и настроение его стало меняться. Он полагал, что скрыть эту близость от общества ему никак невозможно, так как женщина уже не в состоянии сдерживать себя и прятать свою страсть, не хочет тайно нарушать закон, но считает более всего для себя подходящим открыто быть и называться распутницей и его любовницей. 37. Поэтому Феодосий вновь удалился в Эфес и, постригшись, как полагается по закону, записался в число так называемых монахов. 38. Тут Антонина совсем сошла с ума, надела траурную одежду, не пила и не ела, охваченная горем, все время со стенами ходила по дому и, рыдая, оплакивала его, как покойника, при живом еще муже, причитая, какой милый у нее погиб, какой верный, приятный, расположенный к ней, какой сильный и энергичный близкий ей человек. 39. В конце концов, она заставила и мужа принять участие в этом оплакивании. И этот несчастный плакал, призывая назад любимого и желанного Феодосия. 40. Затем, обратившись к императору и к императрице с просьбой, он умолял их и добился того, что они приказали Феодосию вернуться. Велизарий говорил, что и теперь и в будущем он будет самым необходимым членом его дома. 41. Но Феодосий наотрез отказался прибыть в Византию, выставя очень благовидный предлог, что в этом ему будет препятствовать весь образ жизни монахов. 42. Но оказалось, что эти речи были притворны, для того, чтобы, как только Велизарий уедет из Византии, самому тайно прибыть к Антонине. Так это и было на самом деле.

II. 1. Тем временем Велизарий получил приказание вместе с Фотием отправиться на войну с Хозроем; Антонина против своего обыкновения осталась в Византии, хотя раньше она никогда этого не делала. 2. Обычно она обязательно отправлялась вместе с мужем, куда бы он ни ехал, для

¹ См. Прокопий—Война с готами. IV (VIII), гл. 8.

² О Фотии подробнее у Иоанна Эфесского, 31.

того, чтобы, оставшись один, он не пришел в себя и, освободившись от ее колдовских чар, не совершил бы против нее чего-либо, чего она давно заслужила. 3. Чтобы Феодосию было возможно вновь возвратиться к ней, она приняла решение всячески стараться известить Фотия. 4. Она поэтому убедила некоторых из спутников Велизария постоянно и при каждом удобном случае издеваться над Фотием и позорить его; сама же она почти ежедневно писала Велизарию, непрерывно клеветая на сына и возводя на него всяческие обвинения. 5. Всем этим юноша был вынужден действовать против матери тоже путем наветов и обвинений. Когда прибыл кто-то из Византии и стал рассказывать, что Феодосий тайно живет с Антониной, Фотий тотчас привел его к Велизарию, чтобы он сообщил ему все эти рассказы. 6. Узнав об этом, Велизарий, охваченный ужасным гневом, пал к ногам Фотия, умоляя его отомстить за него, терпящего такое поношение и беззаконие от людей, от которых он меньше всего это заслужил. «Дорогой мой мальчик,—говорил он,—кто был твой отец, ты, конечно, знать не мог, так как, когда ты был еще грудным ребенком, он покинул мир, исполнив дни своей жизни. Ты не получил от него никакого наследства, так как он был человеком бедным. 7. Ты был воспитан мною, своим вотчимом, и пришел теперь в такой возраст, что вполне можешь подняться на мою защиту, раз я несу столь жестокие обиды. Ты достиг, благодаря мне, консульского звания¹, ты осыпан таким богатством, что по справедливости мог бы считать меня и своим отцом, и мать, и всей своей родней. 8. Не кровным родством, но своими поступками люди обычно доказывают взаимную любовь. 9. Время тебе прийти мне на помощь, мне, который, кроме гибели своей домашней жизни, рискует лишиться столь великих богатств; а с другой стороны—не оставить без внимания того позора, которым твоя мать ославила себя в глазах всех людей. 10. Подумай также и о том, что грехи жен касаются не только их мужей, но задевают еще в большей степени и их детей, которым, конечно, долгое время придется нести пятно материнского позора; ведь считается, что в силу самой природы своей они по характеру подобны своим родительницам. 11. Что касается меня, то имей в виду, что жену свою я очень люблю и если бы мне удалось отомстить губителю дома моего, я не сделаю ей ничего дурного; но если Феодосий останется жив, то я не мог бы простить ей этого позорного поведения». 12. Выслушав это, Фотий согласился в будущем во всем помогать Велизарию, но сознался, что боится, как бы не случилось из-за этого с ним чего-либо плохого, так как при слабохарактерности Велизария он, Фотий, не очень уверен в том, что может быть спокойным за себя, решившись действовать против этой женщины; что перед его глазами устрашающим призраком стоят особенно мучения и смерть несчастной Македонии. 13. Поэтому оба они (Велизарий и Фотий) дали взаимно друг другу все самые страшные клятвы, какие только есть и считаются такими у христиан, что они никогда не оставят один другого, даже если это будет грозить им гибелью. 14. Приступить к выполнению этого дела тотчас же им показалось несвоевременным; когда же Антонина уедет из Византии, чтобы соединиться с ними, а Феодосий вернется в Эфес, тогда Фотий без большого труда захватит в Эфесе Феодосия и все его богатства. И вот тогда они со всем войском совершили вторжение в Персидское царство, а в Византии произошло

¹ Имя Фотия не значится в списках консулов «ординарных». Он был, вероятно, «почетным консулом» (ex consulibus), как и Нарзес, который, будучи евнухом, не имел права занимать консульскую должность.

с Иоанном Каппадокийским¹ то, о чем я уже рассказал в предшествующих своих книгах². 16. Тогда исключительно из-за страха я умолчал о том, что Антонина не просто обманула Иоанна и его дочь, но, заверив их целым рядом клятв, самых страшных, какие только есть у христиан, она убедила их, что не имеет против них никакого злого умысла. 17. Выполнив это дело и еще больше уверенная в дружбе императрицы, Антонина отправляет Феодосия в Эфес, сама же, не подозревая никакого против себя заговора, направляется на Восток. 18. Велизарий только что взял крепость сисавранов, когда кто-то дал ему знать, что приближается Антонина. И он, бросив заботу обо всех остальных делах, велел войску отступать. 19. Случилось в лагере и нечто другое, о чем я рассказывал раньше—моровая язва³, что побуждало его к скорейшему отступлению. А прибытие Антонины заставило его еще больше ускорить отход. 20. Но, как я сказал в начале этой книги, рассказать о всех причинах этих действий тогда я считал для себя крайне опасным. 21. За все это было много нареканий на Велизария со стороны всех римлян, именно за то, что он из-за своих домашних дел не захотел использовать столь благоприятно сложившиеся для Римского государства обстоятельства. 22. Вначале, охваченный возбуждением и гневом против жены, Велизарий не хотел быть далеко от пределов Римской империи, чтобы иметь возможность при первом известии об отъезде Антонины из Византии повернуть назад и тотчас захватить и отомстить Феодосию. 23. Поэтому-то он велел Арефе⁴ с его соплеменниками перейти Тигр, но они, не сделав ничего, о чем бы даже стоило упомянуть, ушли к себе домой, сам же он не захотел остаться (в пределах врагов) на расстоянии даже одного дня пути от римских границ. 24. Ведь (взятое им) укрепление сисавранов, если идти через город Низибис, отстоит от римских границ более чем на день пути для человека налегке, если же идти другим путем, то это расстояние будет вдвое меньше. 25. А ведь если бы Велизарий с самого начала решил перейти Тигр со всем войском, то, думаю, он мог бы разграбить все земли Ассирии и дойти до самого Ктесифонта, не встретив ни малейшего сопротивления; он спас бы этим пленных, взятых персами в Антиохии, равно и других римлян, находящихся тут в плену, и дал бы им возможность вновь вернуться в отчую землю. А затем это исключительно вина Велизария, что он дал возможность Хозрою в полной безопасности вернуться из Колхиды домой. Как это все произошло, я сейчас расскажу. 26. Когда Хозрой, сын Кабада, вторгся в Колхидскую землю и, совершив много подвигов, о которых я рассказывал раньше⁵, взял также и Петру, за время этого похода ему пришлось потерять многих воинов из мидийского войска от военных действий, так и от неблагоприятных местных условий. Лазика, как я уже говорил, страна труднопроходимая и вся в отвесных скалах. 27. Кроме того, на персидское войско напала повальная болезнь, вроде чумы, от которой пришлось погибнуть большей части войска; да и недостаток в провианте был причиной гибели многих из них. 28. В это же время

¹ Об Иоанне Каппадокийце подробно рассказывает Прокопий в первой книге о войне с персами. Он был префектом претория на Востоке, повидимому, два раза. Сосланный, он был пострижен под именем Петра.

² Войны с персами, кн. I, гл. 25, § 13.

³ Войны с персами, кн. II, гл. 19, § 25 сл.

⁴ Об Арефе, сыне Габала, вождя племени сарацин, Прокопий много раз говорит в своих «историях». Его военные действия обычно были неудачны, причем и Прокопий не знает, чему это приписать: измене или несчастью.

⁵ Прокопий—Войны с персами, кн. II, гл. 17; гл. 20, § 47 сл.; гл. 29, § 24.

некоторые, приходя из Персии, сообщали, будто Велизарий, победив Набеда около города Низибис, двигается дальше, осадив и взяв укрепление сисавранов. Они сообщали, что Велизарий взял в плен Блесхану с 800 персидскими всадниками (из царской гвардии), что другое войско под начальством сарацинского вождя Арефы он послал с тем, чтобы, перейдя Тигр, разграбить все тамошние места, до тех пор никогда не подвергавшиеся опустошению. 29. Сверх всего прочего Хозрой послал войско гуннов на тех армян, которые были в подчинении у римлян, с тем, чтобы занятые этой войной римляне не обращали никакого внимания на то, что делается в Лазике. 30. И вот, как сообщали Хозрою уже другие лица, эти варвары встретили там двинувшееся против них римское войско под начальством Валериана, вступили с ним в бой, понесли решительное поражение и почти все были истреблены. 31. Персы, услышав об этом, и без того замученные бедами, которые постигли их в Лазике¹, боясь как бы, встретившись с каким-либо вражеским войском в этих местах, полных отвесных скал и покрытых чащею лесов, они не погибли позорным образом, а сверх всего, охваченные крайним страхом за своих жен и детей, за свою родину,—все они, кто только остался целым и невредимым в войсках мидян, бранили Хозроя, упрекая его, что он преступил и свои клятвы, и общие всем людям законы, во время мира без всякого повода вторгшись в земли римлян, что этим он нанес оскорбление древнейшей империи, из всех наиболее чтимой, победить которую на войне он и думать не может. Войско готово уже было совершить государственный переворот. 32. Приведенный всем этим в крайнее замешательство, Хозрой нашел следующее средство, как спасительный выход из этих бед. Он прочел им письмо, которое недавно императрица (Феодора) написала Забергану. 33. Оно гласило следующее: «О моей милости и расположении к тебе, Заберган, которого я считаю преданным нам и работающим в наших интересах, ты мог понять немного раньше во время пребывания своего у нас в качестве посла. 34. Поэтому ты поступил бы согласно моему мнению о тебе, если бы убедил царя Хозроя держаться мирной политики по отношению к нашей империи. 35. За это—и я беру на себя всю ответственность за свои слова—ты получишь много всяких благ от моего мужа, который ничего не делает, не посоветовавшись со мной». 36. Прочитав это письмо, Хозрой бросил в лицо знатнейшим персам² презрительный упрек, иронически спросив их, считают ли они крепкой ту империю, которой распоряжается женщина. Этим он сдерживал нападки против себя. 37. Но даже и в этом случае он уходил из Лазики с большим страхом, думая, что войско Велизария помешает ему в этом. Но так как никто из врагов не вышел против него, он, радостный и довольный, вернулся невредимо домой.

III. 1. Возвратившись в пределы Римской империи, Велизарий нашел там жену, прибывшую из Византии. Он держал ее под арестом в бесчестии и не раз порывался покончить с ней, но смягчался, побежденный, как мне кажется, какой-то зажигаемой ею в нем страстной любовью. 2. Говорили, что он, охваченный колдовскими чарами жены, тотчас терял и силы, и решимость. Тем временем Фотий со всей поспешностью отправляется

¹ Прокопий—Война с готами, кн. VIII (IV), гл. 7, § 4 сл.

² В рукописях *λογίους*—«которые много говорят». Переведено по чтению Хаури и Крашенинникова.

в Эфес, заключив в оковы и захватив с собой одного из евнухов (Антонины), по имени Каллигона, бывшего доверенным у своей госпожи; подвергнутый пыткам, он во время этого пути открыл Фотию все тайны (Антонины). 3. Между тем, узнав заранее обо всем происшедшем, Феодосий бежал в храм апостола Иоанна, который считается там наибольшей святыней, особенно чтимой. 4. Но эфесский епископ Андрей, подкупленный (Фотием), выдал ему Феодосия¹. В то же время Феодора, беспокоясь за Антонину, так как она слышала, что случилось с ней, вызвала Велизария вместе с Антониной в Византию. 5. Услыхав об этом, Фотий отправил Феодосия в Киликию, туда, где должны были зимовать его приближенные копыеносцы и щитоносцы. При этом он поручил сопровождающим его доставить туда этого человека в полной тайне и, прибыв в Киликию, удержать его возможно секретнее под арестом, так, чтобы никто не мог знать, где он находится. Сам же с Каллигоном и огромными сокровищами Феодосия (которыми он завладел) отправился в Византию. 6. Тут императрица дала пример воочию для всех людей, что услуги тех, кто обагрил свои руки кровью ее врагов, она умеет вознаграждать большими и более мерзкими дарами. 7. За то, что недавно Антонина выследила и предала ей одного из ее врагов (Иоанна из Каппадокии), за это Феодора отдала в ее руки и лишила жизни целую толпу людей, ни в чем невиновных. 8. Некоторых из близких друзей Велизария и Фотия она подвергла пыткам, выставив против них только одно обвинение, что они дружески расположены к обоим этим людям, и так распорядилась с ними, что мы и поныне не знаем, чем окончились для них их несчастья. Других она наказала изгнанием, выставив против них то же обвинение. 9. Одного из спутников Фотия, отправившегося с ним в Эфес, по имени Феодосия, хотя он носил звание сенатора, она, конфисковав все его имущество, заключила в совершенно темное подземелье, привязав его петлей, накинутой на шею, к стойлу; веревка эта была столь короткой, что он не мог ни выпрямиться, ни распустить петли. 10. Находясь все время в таком положении привязанным к стойлу, этот несчастный должен был и есть, и спать, и выполнять все другие физические потребности и, чтобы во всем быть похожим на осла, ему оставалось только (научиться) реветь. 11. В таком состоянии этот человек провел здесь больше четырех месяцев, пока он не стал страдать болезнью, так называемой меланхолией, и окончательно не сошел с ума; тогда он был выпущен из этого узлища, и вскоре после этого умер. 12. Велизария Феодора против его воли заставила примириться с Антониной и восстановить прежние супружеские отношения. Что касается Фотия, то, подвергнув его различным позорным наказаниям, как простого раба, нанеся много ударов и по плечам, и по спине, она требовала, чтобы он сказал, где находится Феодосий, где евнух—наперсник и сводник Антонины. 13. Но и на пытке Фотий решил твердо выполнить свою клятву, хотя раньше он был человеком болезненным и слабым, всегда заботившимся о своем здоровье и непривычным к грубому обращению или к перенесению страданий. 14. Поэтому он ничего не открыл из тайн Велизария. Однако впоследствии все эти тайны раскрылись сами. 15. К этому времени Феодора нашла Каллигона и отдала его Антонине, а Феодосия она вызвала в Византию. Когда он прибыл сюда, она тотчас скрыла его во дворце и, послав на следующий день за Антониной, говорит ей: 16. «Дорогая патрикия! Вчера в мои руки попала жемчужина, какой еще никто из людей не видал.

¹ То же произошло и в Риме при аресте Вигилия.

Ты, конечно, хочешь ее посмотреть; я тебе в этом не откажу и покажу ее тебе». 17. Антонина, не зная, что произошло на самом деле, стала очень просить показать ей жемчужину. Тогда Феодора, взяв за руку Феодосия, вывела его из комнаты одного из своих евнухов. 18. В первый момент от великой радости у Антонины захватило дыхание; она призналась, что Феодора оказала ей величайшую милость, стала называть ее спасительницей и благодетельницей, истинной своей госпожой. 19. Императрица держала Феодосия во дворце в роскоши, среди всяких удовольствий, и грозились, что в скором времени она сделает его римским главнокомандующим. 20. Но справедливая судьба предупредила это, произнеся свой приговор; она поразила Феодосия болезнью дизентерии, и он умер. 21. У Феодоры были тайные помещения, скрытые, темные и не имеющие никакого сообщения с миром, где не было различия между днем и ночью. 22. Там, держа в заключении Фотия, она стерегла его. Судьба помогла ему не только один раз, но дважды бежать из этой тюрьмы. 23. И в первый раз он бежал в храм богородицы¹, который у византийцев считается и почитается самым священным; он бежал туда и сел в алтаре у престола, отдавшись под его покровительство. Но Феодора силою оторвала его оттуда и вновь заключила в тюрьму. 24. Второй раз он, дойдя до храма Софии, вдруг, не рассчитав последствий, сел в святую купель храма, которую христиане чтут больше всего. 25. Но и оттуда эта женщина решилась увести его силой. Для нее не было такого неприкосновенного места, откуда бы она не могла схватить и увести человека, как какого-то раба; для нее ничего не составляло проявить насилие над всем, что для других является святым. 26. Наряду с народом, даже христианские священнослужители, пораженные страхом, отступали перед ней и позволяли ей делать все. ничего не составляло проя- в положении три года; наконец, во сне ему явился пророк Захария и, говорят, приказав ему бежать, клятвенно обещал ему оказать помощь в этом деле. 28. Под влиянием этого видения Фотий бежал отсюда и тайно (перодевший) прибыл в Иерусалим. Тысячи человек разыскивали его, но никто не видел юноши, хотя встречался с ним лицом к лицу. 29. Постригшись там и приняв образ так называемых монахов², он смог избежать наказания со стороны Феодоры. 30. Что же касается Велизария, то он забыл о своих клятвах и не принял никаких мер, чтобы отомстить за столь безбожно страдающего, как мною рассказано, человека; поэтому, как и естественно, в дальнейшей жизни не было ему больше помощи от бога в его военных делах. Когда он вскоре затем был послан против мидян и Хозроя, в третий раз вторгшихся в пределы Римской империи, он увидел один только позор. 31. Казалось, что им совершено великое дело тем, что он не допустил войны до римских пределов. Но когда Хозрой, перейдя реку Евфрат, взял многолюдный город Каллиник, без противодействия с чьей-либо стороны, захватил в плен десятки тысяч римлян, Велизарий же даже и не подумал преследовать врагов, то явилось предположение, что тут имеет место одно из двух: что он остался на месте или вследствие сознательного предательства или по трусости.

IV. 1. Около того же времени с ним произошла и другая неприятность следующего рода. Моровая язва, о которой я упоминал в прежних своих

¹ Влахернской.

² Фотий по обычаю принял несколько измененное имя Фотина. Впоследствии, при Юстине II, он играл крупную роль на Востоке в церковных делах, как указывают Феофан, Павел Дьякон и Григорий Турский.

книгах¹, распространилась среди населения Византии. Тяжко захворал и император Юстиниан², так что стали говорить о его смерти. 2. Переходя из уст в уста, молва об этом донесла такие разговоры и до римского лагеря. Тут некоторые из начальников стали говорить, что если в Византии римляне изберут себе другого императора без участия войска, то они никогда этого не допустят. 3. Немного времени спустя император все-таки поправился и тут начальники римского войска стали доносить друг на друга. 4. Петр и Иоанн, по прозвищу «Расточитель», утверждали, что сами слышали, как такие речи, о которых я только что сказал, говорили Велизарий и Буза. 5. Получив доносы на этих лиц, императрица Феодора решила³, что их речи были направлены лично против нее. 6. Тотчас же вызвав всех их в Византию, произведя расследование всего этого дела касательно таких разговоров, она неожиданно пригласила Бузу в гинекей под предлогом, что она хочет посоветоваться с ним по крайне важному вопросу. 7. Во дворце было подземное помещение⁴, очень крепкое и безопасное, вход куда был такой запутанный, как в лабиринте, сущее подобие Тартара. Тех, кого Феодора считала своими (злейшими) врагами, она, по большей части, заключив сюда, держала их здесь в заточении. 8. В эту преисподнюю был брошен и Буза. Этот человек был почетным консулом, теперь же он пропал бесследно и никто не спрашивал, что в данный момент с ним стало. 9. Сидя в темноте, он и сам не мог различать, день ли сейчас, или ночь, не мог об этом спросить и кого-либо другого. 10. Ибо тот человек, который каждый день бросал ему хлеб, встречался с ним здесь, как зверь бессловесный с бессловесным зверем. 11. Все считали, что Буза уже умер, и никто не решался ни спросить, ни упомянуть о нем. Так прошло два года четыре месяца; тогда Феодора, сжалившись над ним, выпустила его. 12. И все смотрели на него, как на воскресшего из мертвых. После этого Буза на всю жизнь остался полуслепым, и вообще он стал уже развалиной. 13. Вот что случилось с Бузой. Что касается Велизария, то, хотя он не был уличен ни в одном из выставленных против него обвинений, все же по настоянию императрицы Юстиниан лишил его должности и на его место назначил Мартина начальником восточной армии; телохранителей Велизария, копьеносцев и щитоносцев и из слуг Велизария тех, которые были известны, как хорошие воины, император приказал поделить между собой некоторым из начальников и дворцовых евнухов. 14. Они, бросив жребий, поделили их между собой, даже и их оружие, кто и что кому достанется. 15. Его друзьям и вообще людям, в прежнее время многим ему обязанным, было запрещено иметь общение с Велизарием. 16. Было прискорбно зрелище и не хотелось верить своим глазам: Велизарий в Византии, как простой человек, почти одинокий, всегда задумчивый и печальный, боящийся смерти и убийства из-за угла. 17. Узнав, что у него на Востоке хранится большая сумма денег, императрица, послав одного из дворцовых евнухов, велела все их привезти себе. 18. Антонина, как я уже сказал, была во вражде с мужем, с императрицей же очень дружна и исключительно близка, так как недавно она погубила (по ее желанию) Иоанна Каппадокийца.

¹ Прокопий—Войны с персами, кн. II, гл. 22, § 1 сл.

² Метафраст в житии Самсона говорит, что Юстиниан заболел воспалением мочевого пузыря и половых органов и был излечен Самсоном. Но это не совпадает с указаниями других авторов. Вероятно, Юстиниан захворал общей, бывшей тогда заразной, болезнью.

³ Алеманн по своей конъектуре переводит: «исполнилась гнева, считая...»

⁴ Ср. «Хронику пасхальную», 1627, 11.

19. Поэтому императрица задумала сделать приятное Антонине; они стали действовать так, чтобы показалось, будто жена выпросила для себя прощение своему мужу и спасла его от столь великих опасностей; тогда этому несчастному придется не только примириться с женой, но и всецело быть в ее власти, как какому-нибудь пленнику, спасенному ею от смерти. Сделано это было следующим образом. 20. Как-то раз рано утром пришел Велизарий по обыкновению во дворец, в сопровождении немногих бедно одетых слуг. 21. Не получив от императора и императрицы никаких знаков расположения, но зато получив много оскорблений от людей ничтожных и запятнанных позором, поздно вечером он пошел домой; уходя, он часто оглядывался во все стороны и подозрительно всматривался во всех, как будто ожидая во всяком встречном видеть своего убийцу. 22. В таком страхе он вошел к себе в дом и сел в одиночестве у себя на ложе, не ожидая ничего хорошего; он забыл, кто он такой и ни одной мужественной мысли не являлось у него в уме, от трепета его покрывал холодный пот, у него мешались мысли, в великом страхе он не знал, что делать; он трепетал, как последний раб, исполненный низкой трусости; его грызли мысли, как спасти себе жизнь. 23. Так как Антонина вообще не знала, что совершается, и не догадывалась ни о чем, что должно будет совершиться, она многократно проходила здесь взад и вперед, делая вид, что страдает несварением желудка; они все еще продолжали относиться друг к другу холодно и подозрительно. 24. И вот уже с заходом солнца явился из дворца некто по имени Квадрат и, пройдя через парадную залу (атрий), внезапно стал перед дверью внутреннего покоя, заявляя, что он послан сюда императрицей. 25. Услышав это, Велизарий упал навзничь на ложе, беспомощно раскинув руки и ноги, совсем готовый к смерти; его покинул последний остаток мужества, 26. так как прибывший сюда Квадрат не¹ успел показать ему послания императрицы. 27. А оно гласило следующее: «Что ты, любезнейший, сделал против нас, ты сам знаешь. Но так как я многим обязана твоей жене, я решила простить тебе все, в чем тебя обвиняют и жизнь твою я дарю ей. 28. Отныне ты можешь быть спокойным и не беспокоиться ни о себе, ни о своем состоянии. Но из твоих дальнейших поступков нам будет известно, как за все это ты будешь к ней относиться». 29. Услышав это, Велизарий от радости подскочил до небес, а затем, желая в данный момент сделать Квадрата свидетелем своего отношения к жене, он, тотчас же встав, 30. пал к ногам жены и, схватив руками ее икры, стал целовать ей ноги², называл ее виновницей своей жизни и спасения, и утверждал, что отныне он будет не мужем ее, а верным рабом. 31. Из (захваченных) денег императрица дала императору 3000 фунтов золота, остальное вернула Велизарию. 32. Вот какова была судьба Велизария, того вождя, которому недавно еще судьба дала возможность взять в плен и привести с собой (в Византию) Гелимера и Витигиса. 33. Уже давно Юстиниана и Феодору сильно мучила зависть к богатству этого человека; у него оно было огромное и достойное императорского двора. 34. Они не раз говорили, что большую часть из государственных сокровищ Гелимера и Витигиса он тайно скрыл, и лишь незначительную их часть, малоценную и не соответствующую правам государства, отдал императору. 35. Но, принимая во внимание понесенные Велизарием труды и могущее возникнуть среди народа на них нареkanie (в случае конфиска-

¹ Конъектура Heerwerden'a: «И вот прибывший сюда Квадрат показал ему письмо императрицы».

² Буквально (как сознательно пишет Прокопий): «лизать ей подошвы».

ции), а вместе с тем, не имея для этого против него никакого уважительного предложения, они не предпринимали ничего против него. 36. Но тут, увидав его поверженного в страх и проявившего такую трусость, Феодора за один раз решила сделаться госпожой всего его состояния. 37. Они тотчас решили предложить породниться между собою с тем, чтобы Иоаннина, единственная дочь Велизария, стала невестой Анастасия, внука¹ (по дочери) императрицы. 38. Велизарий просил, чтобы он был восстановлен в прежнем своем звании и, будучи назначен военачальником восточных войск, вновь мог командовать римским войском против Хозроя и мидян. Но этого не позволила Антонина; она говорила, что в этих местах она перенесла так много и столь тяжелых оскорблений от мужа, что она не хочет больше никогда видеть их. 39. Поэтому Велизарий, назначенный начальником императорских конюшен, вторично был отправлен в Италию, причем, говорят, он обязался перед императором, что не будет требовать от него на эту войну денег, но все, что нужно для этой войны, заготовит на собственный счет. То, что Велизарий согласился примириться, как я рассказал, со своей женой, что он взял на себя перед императором то обязательство, на которое он соглашался, все предполагали, что сделал он это лишь для того, чтобы выйти из того положения и жизненных условий, в каких он находился в Византии, и что как только он будет за стенами города, он тотчас же возьмется за оружие и совершит что-либо благородное и достойное мужчины как со своей женой, так и с теми, кто его преследовал. 41. Но он забыл все нанесенные ему оскорбления, забыл и поставил ни во что свои клятвы Фотию и своим близким; он всюду следовал за своей женой, непонятным образом охваченный к ней необыкновенной влюбленностью, хотя ей было уже 60 лет. 42. Когда он прибыл в Италию, то он стал ежедневно испытывать неудачи, так как бог явно был против него. 43. В прежнее время, когда он же был предводителем в войне против Теодата и Витигиса, составляя против них план, даже на первый взгляд казавшийся неподходящим для дела, он всегда, в конце концов, приводил его к благополучному окончанию. Когда же он вторично явился в Италию, то о нем составилось мнение, что планы его были много лучше, так как он был уже опытен во всем, что касалось этой войны, но при выполнении их он встречался с несчастными случайностями и неудачами, и это привело к убеждению в бессмысленности его действий. 44. Таким образом выходит, что все человеческие дела управляются не планами человеческими, но божьим соизволением; это то, что люди привыкли называть судьбой, не зная, почему события, которые совершаются на их глазах, пошли этим путем (а не другим). 45. Всему тому, что является непонятным, любят давать имя судьбы. Но пусть каждый о подобных вещах судит по своему усмотрению, как ему угодно.

V. 1. Вторично явившись в Италию, Велизарий должен был самым позорным образом уйти оттуда: за пять лет он нигде не мог стать твердой ногой на земле, как мною рассказано в предшествующих книгах², так как у него не было там ни одного сильного укрепления.² Все это время он провел, плавая вдоль берегов. 2. Тотила все время был в бешенстве, что не может встретиться с ним вне стен, в чистом поле, чего он страстно хотел;

¹ Другие историки утверждают, что у Феодоры и Юстиниана не было никакого потомства.

² П р о к о п и й—Война с готами, кн. VII, гл. 35.

но такого и не мог найти, так как и сам Велизарий, и все римское войско под его влиянием были охвачены трусостью. 3. Поэтому он не вернул ничего из того, что было потеряно; но, кроме того, потерял и Рим и, можно сказать, все остальное, что у него было в Италии. 4. В это время он стал в высшей степени скупым и корыстолюбивым и больше всего заботился о позорной наживе, так как он ничего не получал от императора. И действительно, в это время он без стыда и совести ограбил почти всех италийцев, всех тех, которые жили в Равенне и Сицилии, всякого, кто только попадал в его руки, не знаю—на каком основании, взыскивая с них налоги за прошлое время. 5. Равным образом он, выступив против Геродиана¹ с обвинениями, стал требовать от него денег, всячески грозя ему. 6. Раздраженный этим Геродиан ушел из римского войска, и сам со всеми своими войсками, сдавши Сполаций (Сполето), передался на сторону Тотилы и готов². 7. Как случилось, что Велизарий поссорился и с Иоанном, племянником Виталиана, сыном его сестры, что принесло огромный вред делу римлян, сейчас расскажу. 8. Императрица ненавидела Германа³ и при этом старалась для всех явно, что никто не решался вступать с ним в родство, а Иоанн был племянником императора; поэтому до самой смерти императора сыновья оставались холостыми и дочь его, Юстина, цветущая 18-летняя девушка, была еще не замужем. 9. Поэтому, когда Иоанн был послан Велизарием в Византию, Герман принужден был начать с ним разговор относительно родства, хотя по достоинству Иоанн был много ниже его. 10. Так как это дело пришлось по душе обоим, то они решили дать друг другу самые крепкие клятвы, что всеми силами будут стараться заключить этот брак, так как каждый из них был крайне не уверен в другом. Иоанн—потому, что сознавал, что стремился к браку много выше его положения, Герман—потому, что был не уверен, удастся ли заключить этот брак. 11. Императрица вне себя от гнева всякими путями старалась обойти и того, и другого, не брезгуя никакими средствами, чтобы помешать выполнению этого дела. 12. Хотя она всячески пугала и того, и другого, но отговорить их от этого намерения она не могла; тогда она прямо стала грозить Иоанну смертью. 13. Поэтому вновь отправленный в Италию Иоанн не решался встретиться с Велизарием до тех пор, пока Антонина не уехала в Византию, так как он боялся козней со стороны Антонины. 14. Всякий мог подозревать с полным вероятноем, что императрица приказала Антонине умертвить его, а для человека, который принимает во внимание образ действий Антонины и знает, что Велизарий—весь в руках своей жены, было полное основание этого бояться; боялся этого и Иоанн. 15. От этого разлада дела римлян, и раньше уже хромавшие, теперь совсем рухнули. 16. Таков был у Велизария результат войны с готами; потеряв всякую надежду на успех, он просил императора, чтобы ему было разрешено возможно скорее удалиться из Италии. 17. Когда он узнал, что император удовлетворил его просьбу, он с радостью тотчас же удалился, навсегда попрощавшись и с римским войском, и с Италией, большую часть которой он оставлял под властью врагов; (своим отъездом он осудил на гибель) Перузию, теснимую жесточайшей осадой. Когда он был еще в пути, она была взята штурмом и испытала все виды

¹ Прокопий—Война с готами, кн. V, гл. 12, § 16.

² О Геродиане Прокопий неоднократно упоминает как о хорошем воине во II книге «Войны с готами» [V(1) 5, § 3; 14, § 1; VI (11) 16, § 21; VII(111) 1, § 1; 6, § 10; 7, 43; 12, § 12; 21, § 15; VIII(IV) 34, § 19].

³ Герман был племянником Юстиниана; другие историки без основания называют его братом Юстиниана.

несчастий, как я рассказывал об этом раньше¹. И по возвращении к домашней жизни Велизарию пришлось испытать следующую неприятность. 18. Стремясь устроить брак дочери Велизария со своим внуком, императрица Феодора надоедала родителям девушки частыми письмами по поводу этого дела. 19. Они же, желая избегнуть этого родства, откладывали брак до своего возвращения; когда же императрица стала вызывать их в Византию, они извинялись, заявляя, что в данный момент им невозможно оставить Италию. 20. Крайне заинтересованная сделать своего внука обладателем богатств Велизария, — Феодора знала, что девушка будет полной наследницей всех его богатств, так как у Велизария не было других детей, — тем не менее, действовать против желания Антонины она не решалась, боясь, как бы после ее смерти она не проявила неверности по отношению к императорскому дому, хотя до сих пор в самые трудные минуты жизни она была настолько предана ей и не нарушила бывших между ними обоюдных обязательств. И вот она задумала безбожное дело. 21. Она свела девушку и юношу без всякого закона. Говорят, что она тайно заставила изнасиловать девушку против ее желания и таким образом думала устроить брак с этой лишенной невинности девушкой, с тем, чтобы император не мог помешать выполнению задуманного плана. 22. Когда это дело было сделано, то Анастасий и девушка были охвачены пылкой любовью друг к другу и прожили в таком союзе не меньше восьми месяцев. 23. Когда, после смерти императрицы, Антонина вернулась в Византию², она сознательно скрыла то оскорбление, которое только что было нанесено ей; она вовсе не смущалась тем, что если ее дочь выйдет замуж за другого, то окажется, что раньше она уже занималась развратом; поэтому она отвергла это родство с Феодорой и заставила свою дочь против воли отказаться от любимого ею человека. 24. За это она у всех людей заслужила славу великой негодяйки. Когда прибыл Велизарий, она без всякого труда убедила его согласиться участвовать с ней в этой мерзости. В данном деле совершенно ясно обнаружился характер этого человека. 25. Дело в том, что когда он раньше, дав клятву Фотию и некоторым из своих близких, этих клятв не выполнил, все извиняли его. 26. Причиной этого считали не столько полное подчинение Велизария своей жене, сколько подозревали, что он так делал из-за страха перед императрицей. 27. Когда же Феодора, как я сказал, умерла, а с его стороны не было сделано ничего ни по отношению к Фотию, ни относительно других близких ему лиц, то стало ясно, что жена является его госпожой, а ее доверенный и сводник Каллигон—его владыка; тогда-то все отшатнулись от него, во всех кругах издевались и глумились над ним и поносили его, как пораженного каким-то безумием. Вот каковы, говоря открыто, были грехи Велизария. 28. Какие ошибки совершил Сергей, сын Бакха, в Ливии, я достаточно рассказал в надлежащем месте в других книгах³. Действительно, он был главным виновником того, что дела римлян там пришли в столь плачевное положение; он дал клятву верности левафам над евангелием—и нарушил эту клятву; он убил 80 послов без всякого на то основания,—теперь я должен сказать это в своем рассказе совершенно открыто; эти люди пришли к Сергию без всякого злого умысла, и Сергей не имел против них никакого подозрения. И, тем не менее, связанный клятвою, пригласив их на пир, он без

¹ Прокопий—Война с готами, кн. VII (III), гл. 35, 2.

² Там же, кн. VII (III), гл. 31, 25.

³ Прокопий—Война с вандалами, кн. IV, гл. 21, § 1 сл.

всякого угрызения совести всех их перебил. 29. От этого пришлось погибнуть и Соломону¹, и римскому войску, и всем ливийцам. 30. После смерти Соломона, как я сказал, именно из-за Сергия, ни один начальник, ни один воин не хотел подвергаться опасностям на войне. 31. Больше всех ненавидел его Иоанн, сын Сисиниола², и поэтому не принимал участия в войне, пока не прибыл в Ливию Ареобинд. 32. Сергий был человек изнеженный и невоинственный, и по характеру и по возрасту очень юный, до чрезвычайности завистливый и хвастливый по отношению ко всем людям; он любил роскошный образ жизни и вечно ходил надутый от чванства. 33. Так как он считался женихом племянницы Антонины, жены Велизария, то наказывать его или отрешить от должности императрица ни в коем случае не желала, хотя она видела, что Ливия шаг за шагом приближается к гибели. По этой же причине она и император оставили безнаказанным убийство Пегасия, совершенное Соломоном, братом Сергия. В чем тут было дело, я сейчас расскажу. 34. Когда Пегасий выкупил Соломона от леварфов, и варвары удалились домой, Соломон с Пегасием, выкупившим его, и немногими воинами направился в Карфаген. Во время пути Пегасий, увидав, что Соломон в чем-то поступает несправедливо, сказал ему, что он должен помнить, как его самого недавно еще только бог спас из рук врагов. 35. Соломон, рассердясь, что ему нанесено оскорбление как будто какому-то пленнику, тотчас же убил Пегасия, воздав этому человеку такую благодарность за спасение. 36. Когда Соломон прибыл в Византию, то император освободил его от обвинения в убийстве под предлогом, что он убил изменника Римской империи, 37. и выдал ему грамоту, подтверждающую его безнаказанность за эти поступки. Избегнув, таким образом, наказания, Соломон весело отправился на Восток, чтобы увидеть родные места и повидаться с родственниками. 38. Но божья кара постигла его на этом пути, и он скончался. Вот что произошло между Соломоном и Пегасием.

VI. 1. Теперь я хочу рассказать, что за люди были Юстиниан и Феодора и как они привели в упадок Римскую империю. 2. Когда в Византии императором был Лев, то трое крестьянских юношей³, родом иллирийцы, Зимарх, Дитибист и Юстин⁴, родиной которого была Бедериана, так как дома им приходилось вечно бороться с беспросветной бедностью, чтобы, наконец, избавиться от нее, решили пойти на военную службу. 3. Они пешком пришли в Византию; на плечах у них были свернутые овечьи шубы, а завернули они в них, идя из дому, только второсортный, два раза из сухарей печенный хлеб. Зачисленные в ряды кадровых войск, они были выбраны императором в дворцовую охрану, так как они были физически очень красивы и крепки телом. 4. Позднее, когда императорский престол занял Анастасий, началась война против исавров, поднявшихся на него с оружием в руках. 5. Император послал против них блестящее войско, начальником которого был Иоанн, по прозвищу «Кирт» (Горбатый). Этот Иоанн

¹ Имеется в виду Соломон, сменивший Велизария в Африке, умный и энергичный воин; он был дядей младшего Соломона и Сергия.

² Прокопий— Война с вандалами, кн. IV, гл. 22, § 3.

³ См. Зонара (III, 265, 24): «Юстин... происходил от родителей простых и бедных и сам в прежнее время был чернорабочим, или пастухом, или свинопасом».

⁴ Ср. Агафий (324, 9); Малала (409, 17; 410, 2); Захарий (140, 6); Виктор Тонненненский под 518 г.; Феофан (I, 164, 18); Федор Лектор (II, 37).

за какую-то провинность¹ заключил в тюрьму Юстина и собирался на следующий день казнить его, но ночью, во сне, ему явилось видение и не позволило ему это сделать. 6. Этот военачальник впоследствии рассказывал, что во сне предстал перед ним призрак огромного роста и во всем другом обладающий сверхчеловеческими чертами. 7. И этот призрак приказал ему выпустить того человека, которого он днем арестовал и заключил в темницу. Проснувшись, он не обратил внимания на то, что видел во сне. 8. С наступлением второй ночи ему привиделось, что он во сне слышит те же слова, которые он слышал в первую ночь, но и на этот раз он не подумал их исполнить. 9. Тогда в третий раз перед ним предстал ночной призрак; он грозил Иоанну страшными карами, если он не выполнит его приказания, и прибавил, что в будущем, если он исполнится великим гневом (на Римскую империю), он прибежит к этому человеку и исползует его самого и его родных². 10. Так суждено было Юстину избегнуть тогда смерти; с течением времени этот Юстин достиг великой силы. 11. Император Анастасий поставил его начальником дворцовой стражи. Когда император скончался, то, опираясь на силу своей власти (над преторианцами), Юстин захватил императорский престол, будучи глубоким стариком³, одной ногой уже стоящим в могиле. Он был совершенно необразован и даже, говорят, безграмотен⁴,—чего раньше никогда еще не бывало в Римской империи (с людьми столь высокого ранга). 12. Было в обычае, чтобы император подписывал свое имя под теми документами, в которых он издавал какое-либо постановление; но Юстин сам не мог ни издать какого-либо постановления, ни подписаться под ним⁵. 13. Но около него был некто по имени Прокл (кн. I, гл. 11, § 11)⁶, носивший звание квестора, который всё и вершил по своему произволу. 14. Но чтобы иметь доказательство собственноручной подписи императора, теми лицами, которым надлежало это ведать, было придумано следующее: 15. На тонкой полированной деревянной дощечке⁷ они вырезали изображение четырех букв, которые на латинском языке обозначают: «я прочел» (*legi*)⁸; затем, обмакнув перо в пурпур, которым обыкновенно подписывались императоры, давали ее в руки этому государю. 16. Потом, приложив деревянную дощечку, о которой я говорил, к документу и взяв руку государя, они обводили ею все вырезанные четыре буквы, то-есть заставляли его обвести своею рукою все вырезы дерева; после чего, взяв таким образом подписанные императором

¹ Ни один из историков не указывает, в чем состояла эта провинность, было ли это простое нарушение дисциплины или более крупное хищение, как это передается по поводу некоего Иоанна («Сборник древних историков», cod. Vatic. 96). Ср. М а л а л а (393, 15); Ф е о ф а н (I, 138, 8); И о а н н А н т и о х и й с к и й (фраг. 214).

² Ср. З о н а р а (III, 264, 23); К е д р е н а (I, 635, 9—«будет сосудом для выполнения планов божественного провидения и каждый из них в свое время послужит орудием божьей воли»).

³ 78 лет.

⁴ Кроме С в и д ы («Юстин»), см. М а л а л а (410, 8); И о а н н и з Н и к и и (510); З а х а р и й (138).

⁵ Конъектура Хаури. Другое чтение: «ни выразить своего согласия».

⁶ Об этом Прокле, сыне Павла, «человека справедливого, недоступного никакому подкупу» (по словам Эвагрия), сохранилось любопытное стихотворение в «Палатинской антологии» (XV, 48). Его не надо смешивать с Проклом, известным математиком времен Анастасия.

⁷ Ср. «Chronica minor» (I, 326): «Теодорих... будучи безграмотным, приказал сделать золотую дощечку с резными четырьмя буквами «*legi*» (прочел); если он хотел подписать, то, положив дощечку на хартию, водил по ней пером, так, чтобы казалось, что имеется только его подпись».

⁸ Конъектура Хаури. В старинном русском языке есть выражение: «чёл».

документы, они уходили. 17. Вот каков был Юстин на римском императорском престоле. Жил он с женщиной по имени Луппициной¹, она была рабыней из варварского племени. Вначале, когда он ее купил, она была его наложницей и она же на склоне жизни вместе с Юстином стала императрицей. 18. Своим подданным Юстин не мог сделать ничего ни дурного, ни хорошего. Он отличался большой глупостью, совершенно не умел говорить и был очень груб и невоспитан. 19. Его племянник Юстиниан², будучи еще совсем молодым человеком, получил всю полноту власти и был для римлян виновником стольких и столь великих несчастий, о каких прежде за все века существования империи никто даже по рассказам никогда не слышал. 20. Он очень быстро решался на незаконные убийства людей, любил грабить чужое достояние и ставил ни во что истребление многих десятков тысяч людей, хотя они не давали ему ни малейшего повода к этому. 21. Охранять то, что было (хорошо) установлено, он не считал нужным; вечно хотел он делать по-новому³; одним словом, можно сказать, что он был величайший разрушитель всего того, что прежде было хорошо организовано. 22. Той моровой язвы, о которой я рассказывал в прежних своих книгах⁴, хотя она (с великой силой) поразила всю землю, все же некоторые люди, по количеству ничуть не менее многочисленные, чем те, которым суждено было от нее погибнуть, избегали ее, или вовсе не пораженные этой болезнью, или, раз уж им суждено было ею захворать, перенесшие ее. 23. Но избежать рук этого человека никому, если только он был из римлян, не было никакой возможности; это было как бы другое божеское наказание, ниспосланное на весь народ: никто (для Юстиниана) не был неприкосновенным. 24. Одних он убил без всякого основания; другим он оставил жизнь, но заставил бороться с бедностью, сделав их более несчастными, чем умерших: они молили окончить их настоящее невыносимое положение, подвергнув самой ужасной смерти. А у третьих, наконец, он вместе с богатствами отнял и жизнь. 25. Но ему мало было разрушить одну Римскую империю: он приложил усилия овладеть Ливией и Италией единственно с той только целью, чтобы наравне с прежними своими подданными окончательно погубить и людей, живших в этих местах⁵. 26. Не прошло еще десяти дней с момента, когда он получил власть, как он казнил начальника дворцовых евнухов Аманция⁶ и с ним некоторых других, без всякой их вины, разве только за то, что он позволил себе сказать несколько резких слов по адресу Иоанна, архиепископа столицы. 27. Вследствие этого он стал ненавистен и страшен для всех. Затем тотчас

¹ См. Федор Лектор (Крамер—Anecdota, II, 108); Виктор Тонненненский под 518 г. («жена Юстина носила имя Луппицины, которую впоследствии жители Константинополя называли Евфимией»), Зонара (III, 266, 322), Керден (I, 637, 1).

² На IV интернациональном конгрессе в Софии 1934 г. вопросу о происхождении Юстиниана был посвящен доклад V ulic—L'origine ethnique de l'empereur Justinien I.

³ Агафий (156,5).

⁴ Прокопий—Войны с персами, кн. II, гл. 22.

⁵ Ср. Малала (410, 9); Феофан (I, 165, 24); «Пасхальная хроника» (I, 611, 19); Керден (I, 637, 23); Эвагрий (IV, 2); Никифор Каллист (XVII, I); Зонара (III, 266, 5); Иоанн из Никиу (501); Марцеллин Комес под 519(20) г.; Виктор Тонненненский под 519 г.; Иордан, «Римск. ист.» (360); Захарий (141, 2); Крамер—Anecdota (II, 318).

⁶ Марцеллин называет его palatii praepositus; Эвагрий—praefectus ubiculi; Павел Силенциарий говорит, что он пристроил к своему дому храм, хотя официально его обвиняли в принадлежности к манихейской ереси.

он послал приглашение Виталиану узурпатору¹, дав ему предварительно обещание личной безопасности и совместно с ним приняв участие в христианских таинствах. 28. А немного времени спустя вследствие возникшего против него подозрения он без всякого колебания убил его вместе с его ближайшими родственниками во дворце, не считая, чтобы эти столь торжественно данные клятвы могли ему служить в этом препятствием.

VII. 1. Как я рассказывал в прежних своих книгах² народ издревле делился на две части³. Привлекши на свою сторону одну партию, венетов («голубых»), которые и раньше во многом ему содействовали, Юстиниан смог замутить и привести в беспорядок все положение государства. От этого весь государственный строй империи пришел в упадок.⁴ 2. Однако не все венеты («голубые»), примкнув к его партии, готовы были следовать и исполнять желания этого человека, но только те, которые принадлежали к «стасиотам»⁴. 3. Но и они, когда дело зашло очень далеко, оказались самыми умеренными и благоразумными из всех людей⁵. 4. Они пользовались случаями совершать правонарушения реже, чем для этого давалась им возможность. Но и из прасинов («зеленых») принадлежавшие к стасиотам этой политической партии не оставались спокойными; поскольку им было возможно, они тоже совершали правонарушения, хотя постоянно поодиночке и подвергались за это наказанию. 5. Но это преследование, постоянно возбуждая их, заставляло их действовать все с большей и большей смелостью. Ведь люди, чувствуя обиду, обычно начинают действовать безрассудно. 6. Тогда же, когда Юстиниан сам подстрекал и явно возбуждал к насилиям венетов («голубых»), то все основы Римской империи сдвинулись и закачались до самых своих вершин, как будто постигло ее какое-то землетрясение, или потоп, или каждый город ее был захвачен и разграблен врагами. 7. Все и всюду было приведено в беспорядок, ничто не осталось на прежнем месте, но все законы и весь порядок государственного строя смешались и стали совершенно другими. 8. Прежде всего стасиоты переменили прическу волос и стали их подстригать не так, как носили их другие римляне. 9. Они не стали брить ни усов, ни бороды, но позволяли им все время расти пышно, как у персов. 10. Волосы на голове они подрезали вплоть до висков, а сзади они позволяли им свисать без всякой прически очень длинно, как у массагетов. Таковую внешность называли также и гуннской модой. 11. Затем все стали считать нужным носить одеяния с богатой отделкой, одеваясь более роскошно, чем это соответствовало их достоинству и положению. 12. Но ясно, что приобретать все это им можно было лишь путями незаконными. Та часть рукавов хитона, которая у них стягивалась около кисти, была очень узкой; а отсюда и до плеча на той и на другой руке этот рукав делался несказанной ширины. 13. И всякий раз, когда они в театрах или ипподромах поднимали крик, жестикулируя руками, или как обычно бывает, выражая кому-либо знаки поощрения, то эта часть одеяния у них безобразно поднималась кверху;

¹ Малала (412, 13); Феофил (I, 166, 19); Эвагрий (IV, 3); Никифор Каллист (XVII, 1); Зонара (III, 267, 5); Иоанн из Никиу (502); Марцеллин Комес под 520 г.; Иордан—Рим (361); Захарий (142, 5); Крамер—Anecdota (II, 318).

² Прокопий, кн. 1, гл. 24, § 2.

³ Лучшая работа по этому вопросу G. Manojlović, du peuple de Constantinople 1936 г. (помещено в Byzantion, т. II).

⁴ Крайним представителям политических партий.

⁵ То же повторяет Прокопий и ниже (гл. 9, § 13).

людям глупым они хотели дать представление, что вот какое у них красивое и физически развитое тело, так что им приходится облекаться в такие одеяния, не соображая, что такой пышной и свободной одеждой они еще более выдают и подчеркивают истощенность своего тела. 14. Что же касается всяких наплечников, штанов и обуви, то большую часть их, и по имени, и по употреблению, они заимствовали от гуннов. 15. Прежде все открыто ходили вооруженными только ночью, днем же они носили на боку двуострые кинжалы, скрыв их под одеждой. Когда начинало темнеть, они собирались группами и грабили самых мирных людей и на площади, и по переулкам, отнимая у попадавшихся им навстречу платья, пояса и золотые пряжки и все, что у них было с собою. 16. Некоторых же они не только грабили, они считали нужным еще и убивать, чтобы они никому не могли сообщить о том, что с ними случилось. 17. От них страдали все, даже из венетов («голубых») те, кто не принадлежал к партии стасиотов, так как и венеты не были избавлены от такого насилия. 18. Из-за этого очень многие стали носить медные пояса, и застёжки, и одеяние много проще, чем это соответствовало их званию, чтобы им не погибнуть из-за своей любви к красивым вещам, и еще до захода солнца они прятались и скрывались по домам. 19. Так как зло длилось уже долгое время, и со стороны лиц, стоящих во главе управления народом, на таких правонарушителей не обращалось никакого внимания, то, как и всегда, дерзость этих лиц стала расти все больше и больше. 20. Нарушение порядка, получившее право свободного проявления, обычно становится безграничным, так как даже те, которые, будучи признаны виновными, подвергаются наказанию, не совсем отказываются от подобного образа действий. 21. В силу уже своей природы большинство людей крайне легко склоняется к нарушениям права и законов. 22. Так вели себя венеты («голубые»). Из их противников одни перешли на их сторону из-за желания совершать преступления вместе с ними и не нести за это наказания, иные же бежали и скрывались по разным местам. Многие захваченные на месте погибали от руки своих противников или понесли наказание от власти имущих. 23. Постепенно и другая молодежь со стороны стала стекаться и поступать в эти товарищества (гетерии), та, которая прежде никогда не занималась подобными делами, но которую привлекала в среду венетов («голубых») возможность добиться власти и безнаказанно совершать насилия. 24. Нельзя назвать такого позорного и скверного поступка, который бы в нарушение всех законов не был ими совершен в это время и не остался бы безнаказанным. 25. Сначала они уничтожали своих политических противников из партии прасинов («зеленых»), но затем, обнаглев и разойдясь, они стали убивать и тех, которые лично им не были врагами. 26. Многие, подкупив их, указывали им на своих врагов, с которыми они тотчас же и расправлялись, присвоив им имя «зеленых», хотя эти люди были им совершенно неизвестны. 27. И это совершалось уже не в тайне и не в тайне, но среди бела дня, на виду у всех, в любом месте города, и случалось, что делалось это на глазах у самых знатнейших людей. 28. Ведь незачем было скрывать того, что заслуживало порицания, если оно не влекло за собой страха наказания; даже больше, тут было даже известное поощрение для честолюбия; это было со стороны действующих так некоторым образом проявлением и своей силы и храбрости—одним ударом убить любого из встречаемых невооруженного. При такой неуверенности существования ни у кого не оставалось надежды, что он может еще безопасно жить и дальше. 29. В силу панического страха все подозревали, что вот уже смерть

стоит у них за плечами; они считали, что для их спасения нет такого укрепленного места, нет для них безопасного времени, если без всяких оснований они гибли в самых чтимых храмах, среди торжеств и праздников. Не оставалось уже никакой веры ни в друзей, ни в родственников: ведь очень многие гибли от злого умысла своих же самых близких людей. 30. Не было никакого расследования совершившегося. Беды и несчастья постигали всех неожиданно, и никто не решался выступить на защиту попавших в такое положение. 31. Ни закон, ни установление не имели силы и не оставались неприкосновенными; везде царил беспорядок, везде господствовало насилие. Государственный строй был совершенно подобен тирании, и при этом не такой, которая уже установилась и окрепла, но такой, которая меняется каждый день, когда постоянно все начинается сначала. 32. Способность суждения даже у первых лиц в государстве была подобна той, какая бывает у людей, на смерть перепуганных; пораженные рабским страхом перед одним человеком, они и мыслили в этом направлении. Судьи, произнося свои приговоры по спорным вопросам, решали не так, как им казалось законным и справедливым, но в зависимости от того, каковы были отношения у каждой из тяжущихся сторон к стасиотам из господствующей партии, добрые ли или враждебные. Для судьи, не обратившего внимания на предписание венетов («голубых»), наказанием была смерть. 33. Многие из заимодавцев должны были под давлением насилия отдавать своим должникам их расписки, не получив ничего из даных ими займы денег. Равным образом многие против воли должны были отпускать на волю своих рабов. 34. Говорят, что и женщины были принуждены делать для своих рабов многое такое, чего они совсем не хотели. 35. Также и юноши знатных фамилий, связавшись с этой молодежью, заставляли своих отцов делать многое, в чем они прежде им отказывали, и заранее уже отдавать им свое состояние. 36. И многие из молодежи, еще мальчики, против своей воли принуждались вступать в безбожную связь с этими стасиотами с ведома своих родителей. 37. То же приходилось испытывать и женщинам, находящимся в законном браке. Говорят, одна женщина, красивая и богато¹ одетая, плыла через пролив со своим мужем в одно из подгородных имений на противоположном берегу. Во время этого переезда с ними встретилась группа стасиотов из «голубых»: с угрозами они отняли ее у мужа и велели ей перейти на их судно. Она перешла на судно к юношам, тайно велев мужу, чтобы он не беспокоился и не боялся для нее ничего позорного: 38. она не позволит глумиться над своим телом. И когда муж еще смотрел на нее с великой печалью, она бросилась в море и тотчас же скончалась. 39. Вот какие наглые поступки позволяли себе тогда эти стасиоты из «голубых» в Византии. Но тех, которым приходилось испытывать от них подобные несчастья, они заставляли страдать меньше, чем правонарушения, совершаемые Юстинианом по отношению к государственному управлению: ведь для потерпевших от злодеев даже самое тяжелое, большая часть тех мучений, которые они понесли от этого самоуправства, исчезает при ожидании, что за это неизменно постигнет их отмщение со стороны законов и власти. 40. Имея уверенность и надежду на будущее, люди легче и не с таким огорчением переносят бедствие, постигшее их в настоящее время; чувствуя же насилие со стороны власти, возглавляющей государство, они, естественно, еще острее переживают поразившие их в настоящее

¹ Конъектура Heerwerden'a, принятая Хаури; рукописи и другие издания дают «не богато одетая».

время беды и, не видя возможности отмщения за неожиданно и незаслуженно постигшее их со стороны этих лиц преступление, они навсегда впадают в отчаяние. 41. Юстиниан совершал беззаконие не только потому, что совершенно не желал допускать до себя и принимать жалобы от лиц потерпевших, но и потому, что он считал для себя вполне допустимым явно быть представителем и покровителем этих политических руководителей «голубых», этих стасиотов; он давал крупные денежные подачи юношам, многих из них держал в качестве своих приближенных и многих из них считал законным призвать к власти и облечь другими знаками высокого звания и достоинства.

Вариант не безупрочен!

VIII. 1. То, что делалось в Византии, происходило и в каждом отдельном городе. Подобно другой какой-либо болезни, начавшееся здесь зло, распространившись повсюду, поразило всю Римскую империю. 2. Императору (Юстину) было очень мало дела до того, что происходит, так как он ничего не понимал, хотя постоянно был очевидцем того, что происходит на ипподромах. 3. Он был исключительно глупый человек, совершенное подобие выючного осла, способного только следовать за тем, кто тащит его за узду, да часто хлопать ушами. 4. Это и делал Юстиниан и все остальное он приводил в беспорядок. Как только он получил власть от своего дяди, он тотчас же стал стараться без всякого смысла тратить государственные средства, как будто бы он уже был их полновластным владыкой. 5. Тем из гуннов, с кем ему приходилось постоянно сталкиваться, он выплачивал очень крупные суммы из средств государства¹, и с этого времени римские земли стали подвергаться частым вторжениям варваров. 6. Вкусив от римских богатств, они уже не хотели отказаться от той дороги, которая вела их сюда. 7. Он счел нужным бросить большие средства на морское строительство², желая подчинить себе вечный прибой волн. 8. Он наложил с берега огромные глыбы камня, споря со стремительным течением, идущим с Понта, и как бы от избытка богатств желая вступить в состязание с силою моря. 9. Частное имущество римлян со всей земли он забирал в свои руки, возведя на одних обвинение в преступлениях, ими не совершенных, другим, к их удивлению, напоминая, что они ему его подарили. 10. Иные, обвиненные в уголовных и других преступлениях, отказавшись в пользу императора от всего своего имущества³, избегали суда и не несли наказания за совершенные преступления. 11. Другие же, если им случилось вступить с соседями в спор, без всякого на то права о владениях, и если они никак не могли добиться решения против своих противников, так как закон был не за них, кончали этот процесс, принеся в дар императору спорное имущество владения. Этим безубыточным для себя способом они сами получали ту выгоду, что становились известными императору и, кроме того, благодаря такому беззаконному поступку имели возможность выиграть процесс против своих противников. 12. Думаю, будет уместно описать и черты лица и фигуру этого государя. Ростом он был не очень высок, но и не очень низок, можно сказать, среднего роста; он был не худым, скорее в надлежащей мере полным. Лицо у него было круглое и не лишённое красоты; даже после двухдневного поста у него играл румянец. 13. Чтобы одним словом описать всю его фигуру, можно сказать, что он был

¹ Диндорф принимает старую конъектуру «сверх ежегодных выплат».

² Об этом приморском строительстве в Герее Прокопий говорит в конце I книги «О строительстве» с таким же скрытым оттенком порицания.

³ М а л а л а (424); К е д р е н (I, 642, 12); К р а м е р—Anecdota, II, 320.

очень похож на Домициана, сына Веспасиана. Римляне были так по горло сыты низостью этого императора, что, разорвав его на клочья, не могли удовлетворить этим своего гнева, но состоялось даже постановление сената: нигде в письменных памятниках не упоминать его имени и не сохранять ни одной его статуи¹. 14. Поэтому его имя везде, и в Риме, и в других местах, на надписях можно видеть вырезанным² только среди имен других императоров и, повидимому, во всей Римской империи нет ни одной его статуи, кроме одной медной, сохранившейся по следующему поводу. 15. У Домициана была жена, женщина благородного характера, очень уважаемая; она сама никогда не причинила другим никакого зла и поступкам своего мужа она решительно не сочувствовала. 16. Ее очень любили за это и потому сенат вызвал ее к себе и предложил ей сказать, чего она хочет для себя. 17. Тогда она стала просить только одного, чтобы ей дали тело Домициана, чтобы она могла его похоронить, и чтобы дали ей право поставить ему одну медную статую, где она захочет. 18. Сенат, уступая ей, дал ей на это разрешение. И вот жена, желая на будущие времена оставить память о той бесчеловечности, с которой растерзали на клочки тело ее мужа, придумала следующее. 19. Собрав куски тела Домициана, сложив их и аккуратно соединив друг с другом, она сшила таким образом целое тело, дав указание ваятелям изобразить в медной статуе весь этот ужас. 20. Художники тотчас сделали статую. Тогда женщина взяла и поставила эту статую у дороги, ведущей вверх к Капитолию, если идти с форума направо. Эта статуя передает и до настоящего времени облик Домициана и постигшее его бедствие. 21. Фигура Юстиниана поразительно похожа на эту статую, как будто его двойник, равно, как общий его облик, так и все характерные черты лица. 22. Такова была его внешность, характера же его с такой же точностью я не мог бы описать. Это был человек коварный и переменчивый, которого по справедливости можно назвать злобным дураком; сам он не был правдив с имеющими с ним дело и всегда во всех своих поступках и словах был лжив; с другой стороны, всякому, кто хотел его обмануть, он легко поддавался. 23. В нем уживалось какое-то необычайное сочетание глупости и низости. Это—то самое, что еще в древние времена сказал один из философов-перипатетиков, что в природе человека сочетаются самые противоположные оттенки, как при смешении красок. 24. Я описываю то, что во всей ясности я не³ могу себе даже представить. Был этот император полон иронии и притворства, лжив, скрытен и двуличен, умел не показывать своего гнева, в совершенстве владел он способностью скрывать свои мысли, обладал искусством проливать слезы не только под влиянием радости или печали, но в нужную минуту по мере необходимости; лгал он всегда, и не только случайно, но дав торжественнейшие записи и клятвы при заключении договоров, и при этом даже по отношению к своим же подданным. 25. Он быстро отказывался от своих обещаний и клятв, как самые низкие рабы, которых страхом перед поставленными перед их глазами орудиями пыток заставляют, дав присягу, подтверждать то или другое показание. 26. Другьям он был неверен, неумолим к врагам, всегда жаждал крови и денег, очень любил ссоры и всякие перемены; на зло он был очень податлив, к добру его нельзя было склонить никакими советами; он был скор на придумыванье и выполнение преступлений,

¹ Об этом говорит Светоний («Домициан» 23); еще подробнее Плиний в «Панегирике».

² По другому чтению: «выскобленным».

³ Конъектура Хаури; другие не ставят отрицания.

а о чем-либо хорошем даже просто слушать считал для себя горьким и обидным. 27. Кто мог бы при таких чертах характера Юстиниана дать полный образ его? Он обладал даже еще большими недостатками,—сверх человеческой меры, и казалось, природа собрала от всех людей все низкие качества и сложила их в душе этого человека. 28. Ко всему этому он был очень склонен выслушивать доносы и быстро налагал наказания. Никогда он не расследовал дела, произнося свой суд, но, выслушав доносчика, тотчас же решал дело и выносил свое решение. 29. Он без всякого колебания подписывал бумаги, назначающие разрушение местечек, уничтожение огнем больших городов, обращение в рабство целых племен без всякой вины с их стороны. 30. И если бы кто захотел подсчитать и сопоставить то, что совершается теперь, с тем, что было в прежние времена, то, мне кажется, он найдет, что этим человеком совершено больше убийств, чем их было за все истекшие века. 31. Он не проявлял ни малейшей нерешительности, если можно было без долгих разговоров¹ захватить чужое имущество; он даже не выставлял никакого предлога или видимости закона, чтобы захватить чужое состояние; присвоив его себе, он был всегда готов тратить его с самой неразумной расточительностью и бессмысленно раздавать варварам. 32. Говоря кратко, у него самого не было денег, и другому он не позволял владеть всем своим состоянием, как будто им владело не столько корыстолюбие, сколько зависть к тем, кто был богат. 33. Вычерпав таким образом со всем легкомыслием все богатства Римской империи, он явился творцом и создателем всеобщей бедности.

Вспом. IX. 1. Таков был характер и нравственный облик Юстиниана, поскольку я мог все это передать словами. Он взял себе в жены ту, о которой я не в пример другим сейчас расскажу всю правду: я расскажу, каков был ее характер, как она была воспитана и как она, соединившись брачными узами с этим человеком, до самого основания разрушила у римлян их государственный строй. 2. Был в Византии некто Акакий², надсмотрщик над зверями, содержащимися для охоты на арене, принадлежавший к партии прасинов («зеленых»), которого называют «медвежатником». 3. Когда Анастасий занимал еще императорский престол, этот человек умер от болезни, оставив трех малолетних детей женского пола: Комито³, Феодору и Анастасию, из которых старшей не было еще семи лет. 4. Их мать решила найти себе другого мужа, который бы в дальнейшем (по наследству от Акакия) мог вместе с ней взять на себя заботу и о доме и о выполнении служебных обязанностей (по наблюдению за зверями). 5. В это время начальник мимов со стороны прасинов («зеленых»), по имени Астерий, подкупленный кем-то другим, отставил всех их от этой должности и без всякого раздумья и затруднения на это место поставил того, кто дал ему денег, так как начальники мимов могли распоряжаться этим, как им было угодно. 6. Когда женщина увидела, что весь народ собирается на зрелище охоты, она, надев девочкам на головы венки и дав им гирлянды в руки, поставила их (у входа в амфитеатр), как просящих защиты. 7. Но прасины («зеленые») решили не обращать никакого внимания на их мольбы, венеты же («голубые») поставили их на эту должность у себя, так как и у них

¹ Конъектура Крашенинникова: «бесстыдно».

² Другие сведения сообщает Михаил Сириец (78), стр. 1.

³ О ней см. Малала (430, 10): Феофан (I, 175, 11); Кедрен (I, 643, 22).

недавно умер их надсмотрщик за зверями. 8. Когда девочки подросли, мать тотчас же пристроила их к здешней сцене (мимов), так как они были очень красивы, но не всех в одно время, а постепенно, по мере того, как каждая, на ее взгляд, уже созрела для этого дела. 9. Старшая из них, Комито, уже блистала среди своих сверстниц и сотоварок, следующая за ней Феодора, одетая в короткий хитон с длинными рукавами, как полагается служке-рабыне, следовала за своей сестрой, как ее служительница, и постоянно носила за ней на своих плечах сиденье, на которое в разных собраниях обычно садилась Комито. 10. В это время Феодора, будучи еще подростком, не могла сходитьсь с мужчинами и отдаваться им, как женщина; но за деньги проституировала себя, как это делают мужчины, с людьми, одержимыми дьявольскими страстями, между прочим, и с рабами, которые, прожояя своих господ в театры, между делом, имея свободное время, занимались такими гнусными делами. Долгое время жила она в этом блуде, предавая свое тело противоестественному пороку. 11. Как только она стала взрослой и цветущей видом, она тотчас пристроилась при сцене и стала простой блудницей, такой, которых древние называли просто «выходными»¹. 12. Она не умела ни играть на флейте, ни на струнных инструментах (сопровождая их пением), тем более не отличалась в танцах, но умела она только первому встречному продавать свою юность и красоту, служа ему всеми частями своего тела. 13. Затем она стала выступать с мимами во всех постановках, там, где требовалась ее помощь, чтобы вызвать смех шутовскими выходками. Она была исключительно изящна и остроумна. Поэтому она, когда была на сцене, тотчас обращала на себя всеобщее внимание. 14. Эта женщина не стыдилась ничего и никто не видал ее чем бы то ни было смущенной, но она без малейшего колебания проявляла себя в самых бесстыдных действиях; когда ее хлестали или били по щекам, она способна была, вызывая громкий смех, остроумно шутить; скинув с себя одежды, она показывала зрителям голыми и задние и передние части, что даже для мужей полагается быть невидимым и закрытым. 15. По отношению к своим любовникам, она, возбуждая их своими развратными шутками и при помощи различных ухищрений отдаваясь им все новыми и новыми способами, умела навсегда привязать к себе души этих распущенных людей; она не считала нужным ожидать, чтобы к ней обращались со словами соблазна, но, наоборот, сама вызывающим остроумием и нетерпеливым движением бедер соблазняла всех первых встречных, особенно безусых мальчиков. 16. Не было никого, кто бы меньше ее проявлял слабость и чувство пресыщения от всякого рода подобных наслаждений: часто, приглашенная на обед, даваемый вскладчину, или на пикник, где было десять, а то и больше юношей, отличающихся большой физической силой и выносливых в делах распутства, она в течение всей ночи отдавалась всем сотрапезникам; когда они, ослабев, уже все отказывались от этих дел, она шла к их слугам, — а их бывало человек тридцать, — «ударивалась» с каждым из них, но даже и при этом она не получала пресыщения от разврата. 17. Приглашенная в дом кого-либо из знатнейших лиц, когда, говорят, во время попойки все собутельники разглядывали ее со всех сторон, она садилась на переднюю часть ложа и не считала для себя стыдом, подняв спускающиеся до ног одежды, бесстыдно показывать

¹ Этим термином обозначался низший слой актеров, не сопровождавших свои выступления ни музыкой, ни пением, которые считались «прозанческими».

всякое неприличие 18¹, 19. Она часто бывала беременной, но при помощи различных средств многократно умела делать выкидыши. 20. Часто в театре² на виду всего народа она скидывала платье и оставалась нагой среди всего собрания, повязав свои половые органы и низ живота маленькой повязкой, не потому, чтобы стыдилась показывать это народу, но потому, что никому не позволялось здесь выступать совершенно обнаженным, не имея повязок на половых органах. В таком виде, медленно сгибаясь назад, она ложилась на землю лицом кверху. 21³, 22. И она поднималась после этого, не только не покрытая краской стыда, но даже ожидая похвал и прославления за такое зрелище. Она была не только сама бесстыдной, но и гениальной учительницей всякого бесстыдства. 23. Часто, скинув одежды, она стояла посреди сцены с мимами; бесстыдно выгибаясь и опять поднимаясь, она с гордостью показывала арену своего обычного искусства перед теми, которые уже не раз испробовали ее, и теми, которые еще к ней не приближались. 24. С таким безграничным цинизмом и наглостью относилась она к своему телу, что свой стыд считала не там, где он по законам природы находится у других женщин, а у нее на лице. 25. А о тех, которые сходились с ней, тотчас можно было со всей ясностью заключить, что общение с ней у них происходит не по законам природы. Поэтому более приличные люди, встречаясь с нею на площади, уклонялись и поспешно отходили от нее, чтобы, коснувшись одежд этой женщины, не заразиться такой грязью и нечистью. 26. Для тех, кто особенно видел ее утром, это считалось неблагоприятным предзнаменованием. К своим же сотоваркам по театру она обыкновенно относилась, как самый ядовитый скорпион: она обладала большим даром злоречия. 27. Потом она последовала за Гекеболом, родом из Тира, назначенным префектом Пентаполиса, с тем, чтобы служить самым позорным его страстям, но, вызвав чем-то гнев этого человека, высланная отсюда, должна была возможно скорее удалиться. Ввиду этого она попала в тяжелое материальное положение и в дальнейшем добывала себе пропитание, торгуя по обычаю незаконно своим телом. 28. Сначала она прибыла в Александрию; затем, пройдя по всему Востоку, возвратилась в Византию, в каждом городе занимаясь такими делами, что не будет милости божьей над тем человеком, который только назовет их своим именем; как будто бы демон не хотел допустить, чтобы существовало такое место, которое не испытало на себе распущенности Феодоры. 29. Так суждено было родиться и воспитаться этой женщине и стать прославленной среди многих городских блудниц и в глазах всех людей. 30. Когда она вновь вернулась в Византию, в нее безумно влюбился Юстиниан и сначала сошелся с ней, как с любовницей, хотя она была уже возведена им в звание патрикии. 31. Феодоре удалось тогда тотчас же получить огромное влияние и приобрести большое состояние. Для этого человека было самым большим удовольствием, что обычно случается с безумно влюбленными, оказывать своей любовнице всевозможные милости и осыпать всякими богатствами. 32. Да и самые политические дела⁴ служили поощрением этой любви. Вместе с ней Юстиниан еще больше стал развращать народ не только здесь (в Византии), но и во всей Римской империи.

¹ Далее идет не имеющее научного значения и трудно читаемое место. *Ред.*

² Повидимому, в Византии был такой театр, который назывался «Порнай» — «у девочек» (Новелла 105, гл. I) — род парижских кабачков. Об этом упоминает Иоанн «Златоуст».

⁴ Далее идет не имеющее научного значения и трудно читаемое место. *Ред.*

По Хаури; другое чтение: «и самая эта расточительность».

33. Они оба издавна были членами партии венетов («голубых») и в руки этих мятежных людей, на их полный произвол, они отдали весь государственный строй. 34. Много времени спустя большая часть этих бедствий нашла себе конец вот каким образом. 35. Случилось, что Юстиниан долгое время болел тяжелой болезнью и во время этой болезни у него были такие критические моменты, когда даже говорили, что он уже умер. Эти же стасиоты, мятежные элементы партии, продолжали совершать свои преступления, о которых я говорил; между прочим, они убили среди бела дня очень знатного человека Гипатия в самом храме Софии. 36. Когда было совершено это преступление, то шум и волнение по поводу этого дела дошли до императора (Юстина): каждый из его приближенных, пользуясь отсутствием Юстиниана, старался даже во много раз преувеличить ужас всего совершающегося, перечисляя с самого начала все то, что произошло раньше. 37. Тогда император приказал префекту города произвести расследование и наказать за все совершенное. Это был Феодот, которого называли Колокинфием («Тыквою»)¹. 38. Разобрав все эти дела, он имел смелость многих из преступников арестовать и поступить с ними по закону, но многие успели скрыться и спастись. 39. Надо разуместь, что остались они живы для того, чтобы в дальнейшем погубить римлян страшными своими деяниями². Но Юстиниан, сверх всяких ожиданий, вдруг исцелившись от болезни, поправился и стал тотчас же действовать против Феодота, обвиняя его в колдовстве, отравлениях и магии. 40. Так как у него не было предлога, под которым он мог бы погубить этого человека, то некоторых из его близких он, подвергнув самым мучительным пыткам, заставил давать против него самые лживые и злостные показания. 41. В то время как все отстранились, держась в стороне и молча оплакивая этот злой умысел против Феодота, один только Прокл, занимавший должность так называемого квестора, громко заявлял, что этот человек ни в чем не виноват и ни за что не заслуживает смерти. 42. Поэтому Феодот был отправлен по приказу императора (Юстина) в Иерусалим. Узнав, что туда прибыли лица, которым поручено его убить, он все время, пока был жив, скрывался в храме. Так он и умер. 43. Таково было дело Феодота. С этих пор стасиоты, мятежный элемент партии, оказались наиболее благоразумными из всех людей. 44. Они уже не позволяли себе подобных правонарушений, хотя им было возможно еще более безнаказанно пользоваться всяким беззаконием в своей жизни. 45. Доказательство этого мы видим в том, что когда некоторые из них немного времени спустя проявили подобную же дерзость, на них не было наложено никакого наказания. 46. Ведь те, которые всегда имели возможность наказать их, предоставляли полную свободу скрываться совершавшим эти ужасные деяния и таким потворством побуждали их к нарушению законов. 47. Пока была жива императрица (Евфимия), Юстиниан никак не мог добиться того, чтобы сделать Феодору своей законной женой. В этом одном она пошла против него, хотя во всем другом она потворствовала ему. 48. Эта женщина была очень далека от всякой испорченности; была она совсем простой женщиной из варварской страны, как я уже сказал. 49. Она не могла выделиться никакими особыми достоинствами³; в делах государственных всю свою жизнь она была

¹ Место совершенно испорченное, перевозжу по (нерешительной) конъектуре Хаури. Смысл других конъектур приблизительно тот же.

² Малала (416, 8). Ср. Феофан (I, 166, 26), Иоанн из Никиу (503); Кедрен (I, 638, 5).

³ Прокопий, гл. 6, § 17.

совершенно несведуща; явившись во дворец, она изменила свое собственное имя (Луппицины)—уж очень оно было смешное—и стала называться Евфимией¹. Немного времени спустя императрица волею судьбы скончалась. 50. Император Юстин, вследствие глубокой старости впадши в совершенное детство, был посмешищем для своих подданных; все относились к нему с полным пренебрежением, так как он не разбирался в том, что делается, и не считались с ним и, полные страха, пресмыкались перед Юстинианом, так как, приводя все в замешательство и беспорядок, он все подряд ставил вверх ногами. 51. Тогда он стал принимать меры для заключения брака с Феодорой. Так как человеку, достигшему сенаторского звания, было невозможно жениться на публичной женщине, ибо это было запрещено еще древнейшими постановлениями, он заставил императора Юстина аннулировать эти законы новым законом, и с этого времени жил уже с Феодорой, как с законной женой, и для всех других сделал доступным брак с публичными женщинами. Отныне он шел путем тирании, прикрывая свой насильственный образ действий внешней видимостью почетного титула императора. 52. Ведь наряду со своим дядей он был провозглашен римским императором, если можно считать такое решение законным: под воздействием всяких угроз и страхов (сенат и народ) должны были согласиться на такое голосование. 53. Юстиниан и Феодора приняли императорский титул² за три дня до праздника пасхи, когда нельзя было ни приветствовать кого-либо из друзей, ни встречать кого-либо знаками почета. 54. Несколько дней спустя скончался от болезни император Юстин³; императором он пробыл 9 лет. После его смерти единственным императором остался Юстиниан с Феодорой.

Х. 1. Вот таким-то образом, как я рассказал, Феодора родилась, воспиталась и получила свое образование и, не встречая ниоткуда препятствий, достигла высокого звания императрицы. 2. Женившись на ней, Юстиниан даже не почувствовал всей оскорбительности своего положения, что он, который мог выбрать себе законной супругой из всей Римской империи женщину наиболее благородного происхождения, воспитанную в замкнутом⁴ кругу, исполненную чувства глубокой стыдливости и скромности, обладающую ясным и чистым разумом, кроме того—выдающуюся красотой и девической нежностью, бывшей поистине «прямогрудой» (с полными, пышными и прямыми грудями), 3. он почел для себя наиболее достойным сделать своей собственной женой отверженную женщину, общую скверну всех людей, не стыдясь ничего, что было раньше сказано о ней, и сойтись с женщиной, запятнанной помимо других грязных дел еще многими детоубийствами, так как ведь она добровольно производила выкидыши. Мне кажется, что, говоря о характере и нравах этого человека, нечего указывать на что-либо другое. 4. Этот столь достойный брак в достаточной мере характеризует его душевные качества, являясь истолкователем и свидетелем его характера и служа летописью его жизни. 5. Ведь для человека, поставившего ни во что стыд за свои позорные поступки

¹ Феофан (I, 164, 31); Феодор Лектор (стр. 565); Виктор Тонненненский под 518 г.; Зонара (III, 266); Кедрен (I, 637, 1).

² Феофан (I, 173, 13); Эвагрий (IV, 9); Кедрен (I, 641, 23); Марцеллин—Хроника, под 527 г.; Виктор Тонненненский под 525 г.

³ Малала (424, 14); «Пасхальная хроника» (617, 6).

⁴ Другое чтение: «в самом высоком».

и не считающего для себя позором в глазах всех окружающих казаться отворотительным и бесстыжим, — для такого человека нет такого скользкого пути нарушения закона, на который бы он ни вступил; нося у себя на лице печать бесстыдства, он очень легко и без всяких угрызений совести решаете совершать самые гнусные поступки. 6. Но вот что действительно нужно отметить: никто и из сенаторов, видя тот позор, которым покрывалось государство, не решился высказать свое порицание и воспротивиться этому: все готовы были хоть сейчас поклоняться Феодоре, как божеству. 7. Больше того: ни один из церковнослужителей открыто и громко не протестовал, и беспрекословно они все готовы были провозглашать ее владычицей. 8. И тот народ, который прежде был зрителем ее выступлений в театре, немедленно и до неприличия просто считал справедливым стать ее рабом и, воздевая с мольбой кверху руки, поклоняться ей. 9. Ни один воин не почувствовал гнева, что, подвергаясь опасностям военной жизни, ему придется сражаться за интересы Феодоры, и никто из всех людей не выступил каким-нибудь другим образом с протестом, но все, думаю, преклоняясь перед сознанием, что так это предназначено свыше, старались содействовать этому осквернению. Как будто судьба хотела показать свое могущество; она, господствуя над всеми человеческими делами, меньше всего заботится, чтобы то, что совершается, казалось вполне естественным или чтобы оно происходило согласно с человеческими расчетами. 10. В самом деле, она внезапно поднимает кого-либо на предельную высоту по своему произволу, без всякого на это основания, и для того, перед кем, казалось, сплелось так много препятствий, ничто уже не стоит у него на пути во всех его делах, но все идет под ее руководством с полной планомерностью туда, куда это предназначено судьбой, причем все добровольно отходят и уступают дорогу двигающейся вперед судьбе. Но пусть обо всем этом говорят и пусть оно и будет так, как угодно богу. 11. Феодора была красива лицом¹ и в общем изящна, но невысокого роста: кожа ее была не совсем белой, а скорее матового оттенка; ее взгляд был ясный, пронзительный и быстрый. 12. Если бы кто захотел рассказать все то, что она проделала в своей жизни на сцене, то ему нехватало бы целого века, но и того немногого, что мною рассказано выше, вполне достаточно для того, чтобы дать полное представление потомству о характере и нравах этой женщины. 13. Теперь я считаю необходимым вкратце рассказать о делах ее, а вместе и ее мужа, так как в течение всей жизни они ничего не делали один без другого. 14. Долгое время всем казалось, что и в образе мыслей, и в образе действий они всегда противоположны друг другу; впоследствии, однако, стало понятным, что такое представление сознательно ими было создано для того, чтобы их подданные, видя их единомыслие, не восстали против них, но чтобы у всех не было твердо установившегося в них мнения. 15. Прежде всего натравив христиан друг на друга и в религиозных спорах сделав вид², что оба они (и Юстиниан и Феодора) идут противоположными путями, они так разделили всех на группы и партии, как я об этом скажу немного позже³. Затем они разъединили и стасиотов (этот крайний и мятежный элемент партий). 16. Феодора делала вид, что она всеми силами покровительствует венецам («голубым») и широко представила им возможность действовать против их противников, не считаясь

¹ Ср. «О постройках» (кн. I, гл. II).

² Эвагрий (IV, 10); Никифор Каллист (XVII, 7).

³ Эдва ли это глава XXVII, как считают некоторые комментаторы. Вероятнее, что это одно из «невыполненных обещаний» Прокопия.

ни с каким правом, и совершать насилия самые нетерпимые. 17. Юстиниан делал вид, будто он на это негодует и исполнен гнева, но что в данный момент¹ он не в состоянии противиться² жене; часто, переменившись ролями, они действовали так, что создавалось впечатление обратного влияния. 18. Юстиниан считал нужным наказывать венетов («голубых») за их великие прегрешения, Феодора же, на словах выказывая недовольство, делала вид, будто негодует, что против своей воли она должна уступить мужу. 19. Как я уже сказал, стасиоты венетов («голубых») стали, повидимому, самыми благоразумными: они совсем не позволяли себе проявлять насилие над своими согражданами в той мере, в которой они могли. Но в судебных процессах казалось, что каждый из них защищает интересы одного из тяжущихся, а выходило обязательно так, что побеждал из них тот, кто выступал на защиту несправедливых претензий: таким образом они грабили большую часть имущества судящихся. 20. Многих из них этот самодержец заносил в число своих приближенных и давал им полную возможность (легально) производить насилия и совершать всякие правонарушения в государственной жизни, какие они только хотели; но как только они являлись обладателями огромных богатств, тотчас же, поссорившись с Феодорой, они становились ему врагами. 21. Относительно тех, кого вначале он не считал недостойным для себя привлечь на свою сторону, проявляя всякое к этому старание, он потом, лишив всякого расположения, внезапно забывал все свои прежние отношения к этим людям. 22. И Феодора начинала тогда действовать против них самым безбожным образом, а Юстиниан, конечно, не замечал, что совершается против них, и, бесстыдно завладев их состоянием, наслаждался им. 23. И вот всегда, при помощи таких махинаций на основе взаимной договоренности, наружно показывая вид несогласий, они могли держать разобщенными своих подданных и тем свою тиранию делать наиболее прочной.

XI. 1* Получив императорскую власть, Юстиниан тотчас же сумел все привести в расстройство. Все то, что прежде было запрещено законом, он ввел в государственную жизнь; все то, что существовало раньше и было обычным, он уничтожил, как будто для того он был облечен и украшен императорской порфирой, чтобы все изменилось и пришло в другой вид. 2. Бывшие прежде государственные должности он уничтожил, установил новые для ведения государственных дел под новыми названиями; то же самое он сделал с законами и с регулярной армией, не в силу законной необходимости, руководясь не понятием полезности, но для того, чтобы все было по-новому и носило его имя. А чего в данный момент он не мог переменить, на это он все-таки накладывал печать своего имени. 3. Никогда не мог он насытиться и почувствовать пресыщение от грабежа богатств или от избития людей. Завладев состоянием очень многих богатых людей, он устремлялся к новым грабежам, тотчас же раздав прежнее тем или другим из варваров или истратив богатства прежней своей добычи на безумное строительство. 4. Предав смерти без всякого основания десятки тысяч, он тотчас начинал злоумышлять против большего еще числа. 5. Тогда, когда римляне пользовались миром со всеми соседними народами, он, не претерпевая такого положения и побуждаемый жадной убийства, стал натравливать одни племена варваров на другие и, без всякого осно-

¹ Конъектура Хаури.

² Конъектура Крашенинникова: «приказаниям».

вания вызывая к себе вождей гуннов, он раздавал им с безумной расточительностью большие суммы денег, конечно, заявляя на словах, что он делает эти подарки для укрепления дружбы; это, как было сказано, он делал еще со времени правления императора Юстина. 6. Они же, увезя с собою деньги, подсылали других из своих сотоварищей по власти вместе с их отрядами, советуя делать набеги на земли императора, чтобы и они могли получить плату за мир от того, кто хотел его покупать столь бессмысленно. 7. И вот они грабили и забирали в плен людей в пределах Римской империи и, тем не менее, получали плату от императора. А следом за ними шли тотчас другие, чтобы грабить несчастных римлян и после этого грабежа они получали, как бы в награду за свое вторжение, щедрые подарки от императора. 8. Говоря кратко, таким образом они одни за другими безостановочно грабили и опустошали все подряд. 9. Таких объединений вождей у этих варваров было много, война же эта началась по вине безумной щедрости императора и положить ей конец было никак невозможно, но вечно она начиналась все сызнова. 10. Поэтому в данное время не было какого-либо места в Римской империи, горы ли, пещеры ли или чего-либо другого, которое осталось бы неразграбленным, а во многих местах страна подвергалась разграблению по пяти и больше раз. 11. Все то, что пришлось перенести от мидян, сарацин, славян, антов и других варваров, я рассказал в прежних своих книгах; здесь же, как я обещал в начале этого своего произведения, я считаю нужным изложить причины таких бедствий. 12. Заплатив Хозрою¹ за мир огромное количество фунтов золота, по собственной воле, без всякого повода, он оказался сам главным виновником того, что мирный договор был нарушен, так как он упорно старался привлечь на свою сторону Аламундара и гуннов², бывших в союзных отношениях с персами; в своих книгах, касающихся этих обстоятельств, мне кажется, я рассказал об этом довольно ясно. 13. В то время как он навлекал всякие беды на римлян, возбуждая все эти восстания и войны, думая только об одном: всякими способами наполнить землю человеческой кровью и грабить возможно больше денег, он замыслил следующим образом другое жестокое и кровавое избиение своих подданных. 14. Во всей Римской империи было много превратных учений, которые обычно называются ересями: учения монтанистов, саббатинанов и многие другие, в которых обычно заблуждаются мысли человеческие. 15. Им всем он велел отказаться³ от своего прежнего исповедания; тем, кто не послушается, он грозил многими карами; между прочим, он не разрешил им оставлять свое состояние по наследству детям и родственникам⁴. 16. Храмы этих так называемых еретиков и особенно тех, которые исповедывали арианство, имели невероятные богатства⁵. 17. Что касается богатств, то ни весь римский сенат, ни другая какая-либо самая большая часть Римской империи не могли даже приблизительно сравниться с богатствами этих храмов. 18. Там было собрано золотых и серебряных вещей и драгоценных камней несказанное и несметное количество; они владели множеством домов и селений, большим количеством земли во всех частях империи. У них было много всего, что у всех людей является и называется богатством, так как

¹ Прокопий—Война с персами, кн. I, гл. 122, § 4.

² Прокопий—Война с персами, кн. II, гл. I, § 12; гл. 3, § 47.

³ Малала (478, 12); Феофан (I, 176, 17). Ср. Новелла 109, 45; «Corpus iuris civilis», I, 5.

⁴ Новелла 115, 3, 14; Новелла 129; Введение к Новелле 132.

⁵ Малала (479, 13); Кедрен (I, 642, 18).

никто из предшествующих императоров их не беспокоил. 19. Очень много людей, и при этом православных, в силу своего ремесла работая у них, находили себе источники своего существования. 20. И вот, прежде всего конфисковав имущество этих храмов, император Юстиниан внезапно отнял у них все богатства. Вследствие этого для многих были закрыты все источники существования для дальнейшей жизни. 21. Затем тотчас же во все стороны было послано много лиц, которые, обходя страны, насильственно заставляли менять веру всех тех, кого они встречали отпавшими от веры отцов. 22. Так как это людям деревенского склада ума казалось нечестивым, то все они решили оказывать сопротивление тем, которые требовали от них этого. 23. Поэтому многие из них были избиты военными отрядами, многие сами на себя наложили руки, в своей глупости полагая, что таким образом они особенно проявляют свое благочестие. Но большинство из них толпами покидали отчие земли и бежали, а жившие во Фригии последователи Монтана, запершись в своих храмах, тотчас же подождли эти храмы и в порыве безумия погибли вместе с ними. Таким образом с этого времени вся Римская империя была наполнена избитием и люди толпами бежали из нее. 24. Подобный же закон был вскоре издан и относительно самаритян и вызвал необычайное волнение. 25. Те, которые жили в моей Кесарии и в других городах, сочтя глупым принимать мучения из-за какого-то бессмысленного догмата, вместо бывшего у них имени, переименовав его, приняли имя христиан и под этой маской им удалось избежать опасности, которой им грозил закон. 26. Из них те, которые были людьми разумными и добропорядочными, не считали для себя недопустимым оставаться верными этой новой религии, большинство же, как люди раздраженные на то, что их заставили переменить религию отцов не добровольно, но силой закона, тотчас же уклонились в манихейство¹ или примкнули к так называемому многобожию (политеизму). 27. Жители же деревень, собравшись все вместе, решили поднять оружие² против императора и выбрали себе вождем одного из разбойников, по имени Юлиана, сына Сабара. 28. Вступив в открытый бой с отрядами войск императора, они некоторое время держались, но затем, побежденные в сражении, они погибли вместе со своим предводителем. 29. Говорят, что при этих тяжелых обстоятельствах погибло до 100 000 человек; и с этого времени эта часть страны, наиболее плодородная, стала пустынной и необработанной. 30. Для христиан же, которые владели этими землями, все это дело кончилось великим бедствием. Хотя они из этих земель не извлекали себе никаких доходов, им приходилось все время вносить императору ежегодный налог полностью, бывший иногда весьма значительным, так как (на такое взыскание) без всякой пощады было обращено все внимание. 31. Затем он обратил свое преследование против так называемых эллинов³, предавая тела их пыткам и конфискуя имущество. 32. Дело в том, что те из них, которые решили принять участие в исповедании и в имени христиан, конечно, на словах отвергнув то, которое было у них до сих пор, эти люди немного позднее по большей части были уличены в том, что совершают возлияния и жертвы (языческим богам) и другие нечестивые деяния. 33. То же, что он совершил по отно-

¹ М а л а л а (423, 16); К е д р е н (I, 639, 19); «Liber pontificalis», ч. 1, стр. 130 (изд. Моммзена).

² М а л а л а (445, 19); Ф е о ф а н (I, 178, 22); Б а р-Г е б р (82); К е д р е н (I, 646, 22); Г е р м е с (VI, 376); И о а н н и з Н и к и у (518); З а х а р и я (177).

³ М а л а л а (449, 3); Ф е о ф а н (I, 180, 11); К е д р е н (I, 642, 16); К р а м е р — Anecdota (II, 320).

шению к христианам, я расскажу потом в дальнейших книгах¹. 34. Затем он законом запретил педерастию², расследуя такие факты, обнаруженные не после опубликования этого закона, но арестуя и тех, кто был много раньше уличен в этой болезни. 35. Наказание их производилось без всякого внешнего благоприличия, так как следствие над ними производилось без всякого судоговорения и вполне точно установленным обвинением считалось заявление одного какого-нибудь мужчины или мальчика, при этом возможно и раба, иногда принужденного против воли давать показания против своего господина. 36. У тех, которые таким образом были уличены в преступлении, отрезали половые органы и водили, выставив на позорище. Вначале такое жестокое наказание применялось не ко всем, но к тем, которые или считались принадлежащими к прасинам («зеленым»), или обладали крупным состоянием, или в чем-либо другом оказались враждебны правящим тиранам. 37. Сурово относились они и к звездочетам и астрологам. Поэтому этих людей, уже старых и в общем почтенных, которых нельзя было обвинить ни в чем другом, кроме того, что они захотели жить в данном городе, будучи учеными астрономами, этих людей магистраты, ведавшие наказанием воров, подвергали мучениям только за их науку и, стегая плетями по спине и плечам, посадив на верблюдов, возили для позора по всему городу. 38. Поэтому народ большими толпами убежал не только к варварам, но и к римлянам, живущим в далеких странах³, и в (каждой) области, в каждом городе можно было видеть все большее и большее число иноземцев. 39. Чтобы только скрыться из родной земли, каждый из них охотно менял ее на любую чужую землю, как будто бы их родина была захвачена врагами. 40. Такими-то способами, как я сказал, Юстиниан и Феодора ограбили и забрали себе богатство тех, которые в Византии и в других городах считались наиболее состоятельными, не принадлежа к сенаторскому сословию. 41. А каким образом они и у сенаторов смогли отобрать все их состояние, я сейчас расскажу.

ХII. 1. Был в Византии некто Зенон, внук того Анфимия, который был в прежние времена императором на Западе. Юстиниан и Феодора умышленно делали вид, что хотят направить его в Египет, назначив его наместником этой области. 2. Он приготовился к отплытию, погрузив на корабль самое ценное из своих богатств. У него было бесчисленное количество серебра и золотых вещей, украшенных жемчугом, смарагдами⁴ и другими подобными же драгоценными камнями. Тогда Юстиниан и Феодора подговорили некоторых из тех, кто считался самыми верными его слугами, вынести оттуда возможно скорее все богатства, а корабль поджечь, заявив Зенону, что пожар на корабле произошел сам собой и что во время его погибли все сокровища. 3. Спустя некоторое время Зенон внезапно умер, а они тотчас завладели всем его состоянием, как его наследники. 4. Они при этом предъявили его завещание, к которому он, как шла молва, был совсем непричастен. 5. Подобным же образом они сделали себя наследниками Татиана, Демосфена и Гилары, которые как во всем остальном, так и по своему положению в римском сенате считались первыми людьми. У некоторых других они отняли имущество, представив их (подложные)

¹ Прокопием обещание не исполнено.

² М а л л а (436, 3); Ф е о ф а н (I, 177, 11); З о н а р а (III, 275); Новеллы 77 и 141; К р а м е р—Анеcdota (II, 322); Н и к и ф о р К а л л и с т (XVII, 32).

³ По другому чтению: «но и к живущим далеко от римских пределов».

⁴ Наш аквамарин или берилл.

письма. 6. Таким образом они стали наследниками Дионисия, который жил в Либане, Иоанна, сына Василия, который из всех жителей Эдессы был самым знатным и богатым; Велизарий насильно дал его в заложники персам, против всякого его желания, как мной рассказано в прежних книгах¹. 7. Обвиняя римлян, что они обманули его и нарушили все те договорные условия, в залог выполнения которых Иоанн был дан ему Велизарием, Хозрой никак не хотел отпускать его и требовал, чтобы он был выкуплен, как обыкновенный военнопленный. 8. Тогда бабка Иоанна—она еще была у него жива,—собрав не меньше, чем 2 000 фунтов серебра, готова была, как все и ожидали, выкупить своего внука. 9. Но когда этот выкуп пришел в Дары, узнав об этом, император запретил выполнять этот договор, чтобы, по его словам, богатство римлян не переправлялось к варварам. 10. Немного спустя Иоанн захворал и скончался, начальник же города (Дар), подделав письмо, заявил, что незадолго перед тем Иоанн написал ему, как своему другу, будто ему хотелось бы, чтобы все его состояние перешло по наследству к императору. 11. Я не в состоянии был бы перечислить имена всех других, наследниками которых Юстиниан и Феодора самовольно сделали самих себя. 12. До восстания так называемого «Ника» они считали возможным забирать себе состояния богатых людей поодиночке; когда же оно произошло, как я об этом рассказывал в прежних книгах², тогда они, попросту говоря, конфисковали имущество почти всех членов сената, присвоили себе все их движимое имущество и из имений самые лучшие, где только хотели; из остальных земельных их владений, выбрав те, которые были обложены очень тяжелыми и несправедливыми налогами, они, под видом гуманности, отдали прежним их владельцам. 13. Поэтому-то, схваченные за горло сборщиками податей и мучимые все нарастающими каким-то образом процентами по своим обязательствам, они жаждали смерти, конца несчастной своей жизни, против воли влача свое жалкое существование. 14. Поэтому в моих глазах и глазах многих из моих (друзей того же сословия) они казались вовсе не людьми, а какими-то демонами, чумой и гибелью страны, или, как говорят поэты, «людей пожирателями», которые сообща задумали, как бы им возможно легче и скорее погубить всю жизнь и труды человеческого рода; они только носили на себе облик человеческого, а по существу, будучи человекоподобными демонами, они таким образом замутили и привели к гибели всю вселенную. 15. Это находит себе подтверждение наряду со многим другим также и в той огромности и силе преступлений, которые были ими совершены; и в этом главная сила и отличие деяний демонов от дел человеческих. 16. Конечно, и в прежние времена были люди, внушавшие великий к себе ужас, в силу ли своих природных извращений, или в силу сложившихся условий жизни, которые погубили враждебные им города, страны или что-либо подобное; но чтобы стать гибелью всех людей и несчастием для всей вселенной, этого никто не мог добиться, кроме этих людей. 17. Сама судьба как будто содействовала их планам в их стремлении погубить людей, помогая им землетрясениями, моровыми язвами и наводнениями; от всего этого в данное время погибло огромное количество населения, о чем я сейчас и повею рассказ. Таким образом эти ужасы совершали они не силой человеческой, а какой-то иной.

⑧ Передают, что мать Юстиниана говорила некоторым из своих родственников, что он является сыном не от ее мужа Савватия и не от какого-либо

¹ Прокопий—Война с персами, кн. II, гл. 21, § 27.

² Прокопий—Война с персами, кн. I, гл. 24; 1

человека. 19. Перед тем как она забеременела им, к ней не раз приходил какой-то невидимый демон, но дающий возможность ощутить себя; что он тут; а затем, сойдясь как муж с женой, он исчез, как сновидение. 20. Некоторые из приближенных Юстиниана, остававшиеся при нем до глубокой ночи, конечно, из числа несших служебные обязанности по дворцу, те, у которых душа была чистой, говорили, что вместо него видели какое-то необычайное привидение дьявольского вида. 21. Один из них рассказывал, что Юстиниан, внезапно вскочив с императорского трона, начинал ходить по всему дворцу, — долго сидеть на одном месте он вообще не мог; и вдруг, говорил он, у него пропадала голова Юстиниана, а остальное тело продолжало совершать эти долгие прогулки взад и вперед. Рассказывавший говорил, что при таком зрелище, не доверяя, что он видит это своими глазами, потрясенный и в полном смущении, он долгое время стоял на одном месте. 22. А затем голова вновь возвращалась к телу Юстиниана, и та часть тела, которая до этого времени казалась отсутствующей, сверх ожидания вновь появлялась и становилась на свое место. 23. Другой же рассказывал, что он стоял около Юстиниана, сидевшего на троне; и вдруг лицо Юстиниана стало похожим на простой кусок мяса, без бровей, без глаз на тех местах, на которых им полагалось быть, и вообще без всяких отличительных черт лица. По прошествии некоторого времени к нему вновь возвратился обычный вид. Это я пишу не как очевидец, но услышал я все это от тех, которые серьезно и настойчиво утверждали, что видели все это сами. 24. Говорят, что какой-то монах, наиболее угодный богу, убежденный теми, кто вместе с ним жил в пустыне, был отправлен в Византию, чтобы ходатайствовать за живших рядом с ним, так как они подвергались нестерпимым насилиям и обидам. Прибыв в Византию, он сейчас же получил разрешение явиться к императору. 25. Когда он собирался уже предстать перед ним и переступил уже порог, идя к нему, он внезапно повернулся и пошел назад. 26. Евнух, который заведывал приемами, и все присутствующие здесь усиленно предлагали ему идти на прием; он же, ничего им не отвечая, но, подобно пораженному ударом грома, ушел отсюда и скрылся в жилище, где он остановился. Когда сопровождавшие его стали спрашивать, почему он так поступает, говорят, он ответил им прямо, что он увидел во дворце восседающим на троне владыку демонов, беседовать с которым или просить у него чего-либо он не считал для себя возможным. 27. Да и как этот Юстиниан мог кому-нибудь не показаться демоном греха и осквернения, он, который никогда не мог получить удовлетворения от еды, питья и сна: едва пробовал он от стоящих перед ним блюд, а глубокою ночью бродил он по двору, хотя чувственным удовольствиям любви был он предан безумно. 28. Некоторые из любовников Феодоры, когда она была еще на сцене, рассказывают, что некий демон, ворвавшись к ним, выгнал их из дому, чтобы провести с нею ночь. В Антиохии в труппе театра венетов («голубых») была одна танцовщица, по имени Македония, приобретающая большое влияние. 29. Еще в то время, когда император Юстин был жив и царствовал, она, бывало, писала письма Юстиниану и без труда губила тех, кого хотела, из знатнейших и богатых лиц на Востоке, а их состояние давала возможность конфисковать для государственного казначейства. 30. Говорят, что эта Македония дружески встретила с Феодорой, возвращающейся из Африки и Ливии¹. Когда она увидела, что Феодора негодует на те оскорбления, которые она полу-

¹ См. гл. IX, § 27.

чила от Гекебола, и огорчена потерей денег во время этого путешествия, она стала утешать и подбадривать ее, говоря, что счастье и вновь может предоставить ей возможность распоряжаться большими средствами. 31. Тогда, говорят, и Феодора сказала, что ей этой ночью во сне явилось видение и приказало не заботиться и не скорбеть об этих (потерянных) деньгах, 32. так как, прибыв в Византию, она возляжет на ложе владыки демонов и при помощи всяких своих ухищрений она станет его законной супругой, и тогда она будет властно распоряжаться всеми богатствами (империи).

XIII. 1. Таково было мнение о ней у большинства, а Юстиниан, будучи по своему характеру и нравам таким, как я описал его, старался выставить себя легкодоступным и милостивым ко всем, кто к нему обращался; никому не был закрыт доступ к нему и он никогда не сердился даже на тех, кто стоял или говорил с ним не так, как полагается по этикету. 2. Мало того, если он собирался кого-либо погубить, он не выказывал перед ним смущения. Он никогда не проявлял наружно ни гнева, ни раздражения против лиц ему неприятных, но лицо у него было кротким, брови не сдвинуты; тихим и ровным голосом он приказывал избивать десятки тысяч ни в чем неповинных людей, разрушать города, конфисковать и забирать в государственное казначейство все деньги. 3. По такому его поведению иной мог бы подумать, что по кротости он — сушая овца, но если бы кто-нибудь попытался обратиться к нему со слезной мольбой, взывая о милости к потерпевшим, то в этом случае он исполнялся такого гнева и злобы, что даже у лиц, наиболее, казалось бы, к нему близких, не оставалось в дальнейшем надежды на выполнение им их просьбы. 4. В вере христианской он считал себя твердым, но и это (как и все) у него служило на погибель его подданных. Церковнослужителям он позволял с полной безнаказанностью совершать насилия над своими ближними, и если они грабили своих соседей, он неизменно выражал им свое сочувствие и оказывал поддержку, думая, что этим проявляет свое богопочтение. 5. Он считал, что действует благочестиво, если выносит такие решения, по которым кто-либо из церковнослужителей, под предлогом (интересов церкви) захватив насильственно что-либо из не принадлежавшего ему, уходил с суда, выиграв дело. Справедливость он полагал в том, чтобы церковнослужители оказывались всегда победителями своих противников. 6. И когда он сам захватывал незаконным образом состояние живых ли или умерших и тотчас жертвовал их какому-либо храму, он гордился этим, с одной стороны, прикрыв таким покровом будто бы благочестивого деяния свои преступления, а с другой стороны — для того, чтобы (отнятое) имущество не могло вновь вернуться в руки тех, кто подвергся такому насилию. 7. Из-за этого он совершил бесчисленное количество убийств. Стремясь к тому, чтобы заставить всех исповедывать одинаковым образом христианскую веру¹, он, не обращая внимания ни на что, губил людей инаковерующих, делая это под видом благочестия. Он считал, что не является убийством, если гибли от его руки и умирали люди, бывшие не одного с ним исповедания. 8. Таким образом, он был вечно охвачен заботой об истреблении рода человеческого, придумывая неустанно вместе со своей (достойной) супругой причины, которые могли бы повести к этому. 9. Оба они (и Юстиниан и Феодора) были преданы в полной мере одинаковым страстям, как родные брат с сестрою, а если чем они по характеру даже и отличались, то, будучи

¹ Малала (468, 1).

равно негодными, они старались показать особенно ярко эти свои расхождения и тем самым губили своих подданных. 10. По твердости своих убеждений Юстиниан был легче пыли и легко поддавался всякому, который мог вести его, куда хотел, если только дело не касалось человеколюбия или бескорыстия. Особенно он был падок на льстивые речи, 11. и льстящие ему легко могли его убедить, что он может подняться на воздух и даже быть вознесенным на небо. 12. Однажды сидевший вместе с ним Трибониан сказал, что он очень боится, как бы Юстиниан за его благочестие не был взят живым на небо. Такие похвалы, или, скорее (можно их назвать), насмешки, — он твердо хранил в своей памяти. 13. Если же случалось, что Юстиниан, удивленный доблестью, похвалил кого-нибудь, то немного спустя он начинал бранить его, как человека негодного. Подвергнув кого-нибудь из своих подданных позору и поношению, он вскоре затем на словах начинал его восхвалять, причем такая перемена не имела за собой никакого основания. 14. Мысли его зачастую были совершенно обратны тому, что он говорил или что хотел показать. 15. Каким он был в своих отношениях с друзьями и врагами, это я уже дал понять, опираясь на свидетельство очень многих поступков, совершенных Юстинианом. 16. Как враг он был неизменен и непреклонен; по отношению же к друзьям — крайне непостоянен. Из тех, которые были ему вполне преданы, он многих убил, а из числа тех, кого он когда-нибудь не взлюбил, он ни с кем не сделался другом. 17. Тех, которые казались наиболее близкими ему знакомыми и друзьями, он, в угоду своей супруге или желая сделать приятное кому-либо другому, не задумываясь предавал на гибель, хотя хорошо знал, что они умрут единственно из-за расположения и преданности к нему. 18. Он был человеком неверным и непостоянным во всем, исключая только бесчеловечности и корыстолюбия. Вот, чтобы он отказался от этих своих качеств, этого никто добиться не мог. 19. Если его жена не могла убедить его в чем-либо, она, указав ему, что есть надежды получить от этого большие деньги, могла вовлечь его в любое дело даже против его воли. 20. Из-за низкой выгоды он совершенно не стыдился и издавать законы, и вновь их отменять. 21. Судил он не на основании им же изданных законов, но его приговор зависел от того, где он видел для себя большие выгоды и где были обещаны ему ценные сокровища. 22. Он считал, что для него нет никакого стыда отнимать у своих подданных их имущество, воруя по мелочам, если нельзя было сразу отнять его под каким-нибудь предлогом, или выставив какое-нибудь невероятное обвинение, или под видом предъявления подложного завещания. 23. Когда он был владыкой римлян, не было по отношению к богу ни крепкой веры, ни исповедания, не было твердо установленных и неизменных законов, не было судебных решений, на которые можно было бы положиться, не было верности слову или договору. 24. Когда он посылал кого-нибудь из своих приближенных на какое-либо дело и если случалось, что они погубили многих из тех, с кем им приходилось сталкиваться, но зато награбили много денег, то эти люди им, императором, считались и именовались славнейшими, как совершившие в точности все, что им было поручено; если же они возвращались к нему, оказав пощаду и снисхождение людям, то после этого в дальнейшем они были у него в немилости и он считал их своими недругами, 25. и отвергнув их, как людей старого уклада, он уже больше не призывал их на службу. Поэтому многие старались показать себя в его глазах негодьями, хотя по своим привычкам и образу мыслей они и не были такими. 26. Часто, обещав кому-либо что-нибудь и подтвердив неизменность своего обещания

клятвою или письменным документом, он затем сознательно его забывал, полагая, что такой поступок приносит ему некую славу. 27. И такие вещи Юстиниан практиковал не только по отношению к подданным, но и по отношению ко многим из своих внешних врагов, о чем я говорил уже раньше. 28. Он больше, чем кто-либо, был способен не предаваться сну и никогда не позволял себе излишеств пресыщения в еде и питье, но, испробовав кушанья и притронувшись к ним, можно сказать, кончиками пальцев, он уже приказывал их убрать, 29. как будто все это казалось ему делом ничтожным, какой-то принудительной формой физических потребностей. Часто он оставался по два дня и ночи без пищи, особенно когда приходило время перед так называемым праздником пасхи. 30. В это время он часто оставался, как я сказал, не евши дня по два, поддерживая свои силы небольшим количеством воды и свежих овощей; спал он, если приходилось, час, а все остальное время проводил в движении. 31. И если бы все эти способности и время он хотел употребить на нечто хорошее, то дела государства пришли бы в великое благополучие. 32. Теперь же, обратив все силы своей природы во вред римлянам, он смог разрушить до основания их государственной строй. Его вечное бодрствование, заботы и труды были направлены только на то, чтобы всегда и во всем придумывать страдания своим подданным под покровом все более и более высокопарных и хвастливых слов. 33. Он был, как уже раньше сказано, удивительно остроумным на подобные выдумки и быстр на выполнение нечестивых дел, так что и самые дарования его природы, в конце концов, вели к гибели его подданных.

XIV. 1. В делах было большое расстройство; не осталось и следа от привычных прежних установлений. Об этом я упомяну лишь в немногих словах, все же остальное считаю нужным пройти молчанием, чтобы рассказ мой не затянулся до бесконечности. 2. Прежде всего, ничего, что свойственно достоинству императорского звания, у него не было; не считая нужным соблюдать это и в общественной жизни, он и по языку, и по внешнему виду, и по образу жизни уподоблялся варварам. 3. Если ему приходилось выносить решение в письменной форме по судебным делам, то формулировать его он не поручал, как было обычно, имевшему звание квестора, но считал нужным выносить его сам, хотя у него был такой (варварский) язык. На суде при нем состояла огромная толпа помощников-юристов, так что те лица, которые считали себя здесь обиженными, не знали, кого же им обвинять. 4. Так называемым секретарям он не поручал, как это было установлено издревле, ведать секретной перепиской императора, но он писал, можно сказать, все сам лично, особенно, если что нужно было приказывать тем, кто были начальниками и судьями в провинциальных городах, как им надо истолковывать те или другое постановление. 5. Он не позволял никому в Римской империи самостоятельно выносить то или другое решение, но, произвольно присвоив это право себе, он с бессмысленным произволом сам подготовлял свои будущие решения, выслушав заявление одной из тяжущихся сторон, и на основании этого тотчас, не произведя расследования, не сделав юридически обоснованных выводов, он выносил свой приговор, руководствуясь не законом или справедливостью, но самым неприкрытым образом поддаваясь позорному корыстолюбию. 6. Император—он не стыдился брать взятки, так как ненасытная жадность уничтожила у него всякий стыд. 7. Часто бывало, что то, что постановлялось сенатом и затем поступало на утверждение императора, в конце концов, получало у него совершенно обратное решение. 8. Дело в том, что сенат

годаря этому Лев смог накопить себе огромные богатства и оказался владельцем больших земельных участков, но был главнейшим виновником того, что государственный строй у римлян пришел в полный упадок. 20. Люди, договорившиеся о чем-либо, ни в чем не могли иметь никакой уверенности, ни в законе, ни в клятве, ни в письменном договоре, ни в назначенном за его нарушение наказании,—одним словом, ни в чем ином, кроме денег, если они даны, как взятка, Льву и императору. 21. Но даже и в этом случае точка зрения Льва не оставалась твердой; он не считал недостойным для себя заниматься вымогательством и от противной стороны. 22. Обирая и ту и другую сторону, которые на него полагались, он оставлял их просьбы без внимания, и никогда у него не появлялось сознание стыда в том, что он действует против них. 23. Если только от этого ему получалась выгода, он даже и не думал, что для него будет позором подобное двурушничество.

XV. 1. Таков был Юстиниан. Что касается Феодоры, то душа и мысли ее закаменели, как камень, в постоянной бесчеловечности. 2. Ее никогда нельзя было ни убедить, ни заставить сделать что-либо для другого, но со всей непреклонной настойчивостью она проводила то, что решила, причем никто не решался просить у нее милости для того, кто впал у нее в немилость. 3. Ни продолжительность времени, ни удовлетворение от приведенного в исполнение наказания, ни всякого рода мольбы, ни страх смерти,—а всякий может ждать, что она поразит его, как божья кара,—ничто не могло заставить ее укротить свой гнев. 4. И вообще никто не видал, чтобы Феодора примирилась с кем-либо, кто стал на ее пути, даже если он умер; даже сын умершего, как бы приняв по наследству от отца ненависть императрицы, передавал ее до третьего колена. 5. И насколько быстро дух ее воспламенялся гневом и всегда готова она была губить людей, настолько невозможно было для нее прекратить гнев и успокоиться. 6. За своим телом она ухаживала даже больше, чем это было нужно, но меньше, чем ей хотелось. 7. Тотчас после сна она шла в баню; очень долго пробыв там и омывшись, она закусывала, а закусив, отдыхала. 8. За завтраком и обедом она приказывала подавать кушанья и питье самые изысканные. Время сна у нее было всегда очень продолжительно, днем—до сумерек, ночью—до восхода солнца. 9. Предаваясь таким излишествам в своем образе жизни, небольшой остаток дня она считала для себя вполне достаточным для того, чтобы управлять всей Римской империей. 10. И если император посылал кого-либо для исполнения той или другой должности против ее желания, то дела этого человека приходили в такое положение, что немного спустя он отрешался от должности, подвергался великому поношению и погибал самой позорной смертью. 11. Вести всякое дело с Юстинианом было легко не только потому, что он был по характеру человеком легко поддающимся, но и потому, что спал он мало, как я сказал выше, и был очень доступен. 12. Для людей даже незнатных и совершенно неизвестных имелась полная возможность не только быть принятыми тираном, но и беседовать с ним и по секрету говорить с ним. 13. Но чтобы быть принятым императрицей, даже для людей, занимающих высшие должности, требовалось много времени и труда; постоянно должны были все они сидеть там в каком-то рабском ожидании, находясь все время в узком и душном помещении. Не быть здесь для любого из начальствующих лиц равнялось смертельной опасности. 14. Все время стояли они (в этом коридоре) на цыпочках, каждый стараясь вытя-

годаря этому Лев смог накопить себе огромные богатства и оказался владельцем больших земельных участков, но был главнейшим виновником того, что государственный строй у римлян пришел в полный упадок. 20. Люди, договорившиеся о чем-либо, ни в чем не могли иметь никакой уверенности, ни в законе, ни в клятве, ни в письменном договоре, ни в назначенном за его нарушение наказании,—одним словом, ни в чем ином, кроме денег, если они даны, как взятка, Льву и императору. 21. Но даже и в этом случае точка зрения Льва не оставалась твердой; он не считал недостойным для себя заниматься вымогательством и от противной стороны. 22. Обирая и ту и другую сторону, которые на него полагались, он оставлял их просьбы без внимания, и никогда у него не появлялось сознание стыда в том, что он действует против них. 23. Если только от этого ему получалась выгода, он даже и не думал, что для него будет позором подобное двурушничество.

XV. 1. Таков был Юстиниан. Что касается Феодоры, то душа и мысли ее закалились, как камень, в постоянной бесчеловечности. 2. Ее никогда нельзя было ни убедить, ни заставить сделать что-либо для другого, но со всей непреклонной настойчивостью она проводила то, что решила, причем никто не решался просить у нее милости для того, кто впал у нее в немилость. 3. Ни продолжительность времени, ни удовлетворение от приведенного в исполнение наказания, ни всякого рода мольбы, ни страх смерти,—а всякий может ждать, что она поразит его, как божья кара,—ничто не могло заставить ее укротить свой гнев. 4. И вообще никто не видал, чтобы Феодора примирилась с кем-либо, кто стал на ее пути, даже если он умер; даже сын умершего, как бы приняв по наследству от отца ненависть императрицы, передавал ее до третьего колена. 5. И насколько быстро дух ее воспламенялся гневом и всегда готова она была губить людей, настолько невозможно было для нее прекратить гнев и успокоиться. 6. За своим телом она ухаживала даже больше, чем это было нужно, но меньше, чем ей хотелось. 7. Тотчас после сна она шла в баню; очень долго пробыв там и омывшись, она закусывала, а закусив, отдыхала. 8. За завтраком и обедом она приказывала подавать кушанья и питье самые изысканные. Время сна у нее было всегда очень продолжительно, днем—до сумерек, ночью—до восхода солнца. 9. Предаваясь таким излишествах в своем образе жизни, небольшой остаток дня она считала для себя вполне достаточным для того, чтобы управлять всей Римской империей. 10. И если император посылал кого-либо для исполнения той или другой должности против ее желаний, то дела этого человека приходили в такое положение, что немного спустя он отрешался от должности, подвергался великому поношению и погибал самой позорной смертью. 11. Вести всякое дело с Юстинианом было легко не только потому, что он был по характеру человеком легко поддающимся, но и потому, что спал он мало, как я сказал выше, и был очень доступен. 12. Для людей даже незнатных и совершенно неизвестных имелась полная возможность не только быть принятыми тираном, но и беседовать с ним и по секрету говорить с ним. Но чтобы быть принятым императрицей, даже для людей, занимающих высшие должности, требовалось много времени и труда; постоянно должны были все они сидеть там в каком-то рабском ожидании, находясь все время в узком и душном помещении. Не быть здесь для любого из начальствующих лиц равнялось смертельной опасности. 14. Все время стояли они (в этом коридоре) на цыпочках, каждый стараясь вытя-

нуть шею и голову выше своих соседей, чтобы выходящие из внутренних покоев императрицы евнухи могли его видеть. 15. Приглашались из них только некоторые, и то с трудом и по прошествии многих дней ожидания, и, входя к ней с великим страхом, они уходили возможно скорее, только положив перед ней земной поклон и прикоснувшись краями губ подошвы ее ног. 16. Права говорить с ней или просить ее о чем-либо, если она сама не приказывала, им не предоставлялось. Таким образом вся политическая жизнь обратилась в сплошное холопство, а она была надсмотрщицей и прессировщицей этих рабов. 17. Таким образом дела римлян приходили в упадок, как вследствие кажущейся легкой доступности и податливости деспота, так вследствие недоступности и высокомерия Феодоры. 18. В его доступности было нечто неустойчивое, ее высокомерие мешало выполнению дел. 19. Во всем этом выявлялось у них различие образа мыслей и жизни, но общим было для них корыстолюбие, жажда убийств и отсутствие всякой правдивости. 20. Оба они обладали поразительным искусством обогатить других, и если о ком-нибудь из числа враждебных Феодоре лиц начинали говорить, что он совершил правонарушение, хотя бы ничтожное, на которое не стоило даже обращать внимания, она тотчас же выдумывала и приписывала этому человеку такие вины, в которых он был совсем неповинен, и раздувала дело, как некое великое его преступление. 21. Выслушивалось бесконечное количество наветов, и уже готов был суд о низвержении существующего порядка¹; у нее собирались судьи и она сама выбирала таких, которые готовы были драться между собой из-за того, кто из них больше других способен понравиться императрице, подавая свое мнение, бесчеловечностью своего приговора. 22. Таким образом состояние человека, попавшего в такую беду, она тотчас конфисковала, а его самого, подвергнув самому позорному наказанию, хотя бы он с древних времен принадлежал к знатнейшим фамилиям, она считала вполне допустимым для себя или наказать изгнанием, или казнить. 23. Если же одному из тех, к кому она благоволила, приходилось попасться в незаконных убийствах или в каком-либо ином величайшем преступлении, то она то с угрозами, то с глумлением, насмехаясь над решимостью обвинителей, заставляла их против их воли молчать о происшествии. 24. Даже самые серьезные из дел, когда ей было это угодно, она могла превратить в комедию, как будто дело шло вроде представления на сцене (цирка) или театра. 25. Был некий патриций, человек престарелый и долгое время занимавший высшие должности. Имя его я хорошо знаю, но здесь не назову, чтобы не увековечить вместе с его именем нанесенную ему обиду. Он дал одному из приближенных Феодоры взаймы крупную сумму денег, но выскать ее судом он никак не мог. Тогда он явился к императрице с тем, чтобы пожаловаться на человека, с которым ему пришлось столкнуться, и просить помочь ему в его справедливом деле. 26. Узнав вперед об этом его намерении, Феодора приказала евнухам, когда явится к ней этот патриций, чтобы они все окружили его и чтобы они слушали, что она будет говорить, подсказав им, что они должны будут ей отвечать. 27. Когда патриций был введен в покои императрицы (гинекей), он, преклонившись перед нею, как полагалось воздавать ей поклонение, голосом, дрожащим от слез, сказал ей: «О, владычица! Трудно для человека патрицианского

¹ Текст, повидимому, очень испорчен. Переведено по конъектуре Хаури. Возможен другой перевод: «тотчас же назначался суд относительно ограбления подданных». Об этом важном месте см. П а н ч е н к о, стр. 193, прим. 2, но его конъектура мне мало понятна.

звания нуждаться в деньгах. 28. То, что вызывает сочувствие и сожаление по отношению к другим, это по отношению к людям моего звания превращается в форму крайнего оскорбления. 29. Всякому другому, пришедшему в тяжелое положение, можно сказать об этом своим заимодавцам и тотчас же получить временное облегчение в своих затруднениях; патриций же, не имеющий возможности заплатить своим заимодавцам долги, прежде всего, очень стыдится сказать об этом; сказав же, он не сможет убедить их в справедливости своих слов, так как такое звание не совместимо с понятием бедности. 30. А если он и убедит, ему придется услышать за это самые позорные и оскорбительные слова. 31. Так вот, государыня, есть и у меня денежные обязательства; одни дали мне займы, другие от меня получили займы деньги. 32. Тех, которые дали мне займы и непрестанно мне надоедают, я не могу прогнать от себя из уважения к моему званию; те же, которые мне должны, не будучи патрициями, пользуются недостойными отговорками. 33. Прибегая к тебе, умоляю и прошу помочь мне в моем справедливом деле и избавить меня от гнетущих меня бед». 34. Так он сказал, а эта женщина звучным голосом ответила ему: «О, патриций (такой-то)», а хор евнухов подхватил ей в ответ: «Какая большая кила у тебя». 35. Вновь этот человек стал умолять ее и произнес речь, приблизительно такого же содержания, как я привел выше, но женщина ответила ему так же, как и раньше, и хор, как и раньше, подхватил ее слова, пока, наконец, этот несчастный, отказавшись от своего намерения, не совершил перед ней обычного поклона и не ушел домой. 36. Большую часть года она проводила в подгородных дворцах на берегу моря; больше всего она жила в так называемом Герее¹, и вследствие этого большое количество ее свиты испытывало сильные бедствия. 37. Они страдали от недостатка продовольствия и подвергались всяким морским опасностям, особенно, если, случалось, налетала буря или появлялось какое-либо морское чудовище². 38. Но они, Юстиниан и Феодора, ни во что не ставили несчастья всех других людей, только бы им самим можно было наслаждаться всякими удовольствиями. 39. Каков был образ действий Феодоры по отношению к своим недругам, я сейчас это расскажу, конечно, ограничившись немногими примерами, чтобы не показалось, что я взял на себя неисполнимый труд.

XVI. 1. Когда Амалазунта, желая избавиться от общения с готами, решила переменить свой образ жизни и задумывала переехать в Византию, о чем я рассказывал в предшествующих книгах³, то Феодору взяло раздумье: Амалазунта была женщиной знатного рода и царственного происхождения, по внешности исключительно красива и умела очень решительно проводить свои планы; ее величественный вид и исключительно мужественный склад ума делали ее подозрительной в глазах Феодоры, которая боялась легкомыслия своего мужа. Свою ревность Феодора проявила не в каких-нибудь мелких поступках, но стала строить козни против Амалазунты вплоть до ее убийства. 2. Тотчас она убедила своего мужа, чтобы он в качестве посла отправил в Италию одного Петра. 3. При отправлении император дал ему же поручения, которые я привел в соответствен-

¹ М ю л л е р, FHG (IV, 385). Об этом месте много упоминаний у современных византийских поэтов. Не его ли описывает Ф и л о с т р а т в «Картинах», стр. 36—37 русского перевода?

² См. кн. VII (III) гл. 29, § 9; З о н а р а (II, 283, 3).

³ П р о к о п и й—Война с готами, кн. V, гл. 2, § 23.

ных местах своего рассказа¹, но где сообщить всю истину, как это произошло, мне не представлялось возможным из-за страха перед императрицей. 4. Сама же Феодора дала Петру только одно приказание: возможно скорее убрать Амалазунту из числа живых людей, поставив ему на вид надежду, что если он выполнит ее приказание, он будет осыпан великими милостями. 5. И вот, когда он прибыл в Италию (ясно, что природное чувство этого человека ничуть не возмущалось и не мучилось, готовя преступное убийство, в надежде на обещанные ему или высокую должность или большие богатства), не знаю, чем склонив Теодата, он убедил его убить Амалазунту. За это Петр получил звание магистра² и величайшую власть, но заслужил от всех и величайшую ненависть. 6. Таков был печальный конец Амалазунты. 7. Был у Юстиниана секретарь по имени Приск³, родом пафлагонец, очень крупный негодяй, вполне подходящий, чтобы по своему характеру понравиться своему повелителю, которого он очень любил; он мог думать, что с его стороны пользуется таким же расположением. Поэтому-то очень скоро он стал обладателем огромного, но незаконно приобретенного богатства. 8. Так как он держался с Феодорой гордо и пытался ей противодействовать, то Феодора оклеветала его перед мужем. 9. Вначале она не имела успеха, но немного спустя среди зимы она велела посадить его на корабль и, отправив туда, куда хотела, против его воли она постригла его и сделала церковнослужителем⁴. 10. Сам же Юстиниан, не показывая виду, что он что-либо знает о случившемся, не стал разыскивать, где находится Приск, и в дальнейшем даже и не вспоминал о нем; как будто пораженный беспамятством, он хранил о нем глубокое молчание, деньги же его (хотя у него осталось родственников немало)⁵, он ограбил все. 11. Когда против нее явилось подозрение, что (она влюблена)⁶ в одного из своих рабов, по имени Арёбинда, родом варвара, но очень красивого и юного, которого она назначила хранителем своих драгоценностей, то, желая снять с себя это обвинение, хотя говорили, что она безумно влюблена в этого юношу, решила подвергнуть его жесточайшему наказанию (плетьюми), а в дальнейшем мы вообще не узнали ничего об его судьбе, и доныне никто уже его не видал. 12. Если она хотела скрыть что-либо из того, что делалось по ее приказанию, то это для всех так и оставалось канувшим в воду, и всякий, кто принимал в этом деле даже самое близкое участие, не имел права ни сообщить об этом никому из самых близких ему людей, ни отвечать на вопрос, если кто его об этом настойчиво спрашивал. 13. С того времени как существуют люди, ни один тиран не внушал такого страха. Притом никому из ее противников невозможно было укрыться от нее. 14. Целая толпа шпионов докладывала

¹ Прокопий—Война с готами, кн. V, гл. 4, § 17.

² Magister divinorum officiorum. К этому Петру обращены две Новеллы Юстиниана, 123 и 137. Прокопий и Кассиодор считают его одним из красноречивейших ораторов. Свидя сообщает, что он написал историю своего времени, отрывки из которой видел еще Алеманн в Ватиканской библиотеке. Теперь они, повидимому, исчезли. Ему посвящена эпиграмма Леонтия Схоластика в Anthologia Palatina (XVI, 37).

³ Малала (449, 12); Феофан (I, 186, 15); Гермес (VI, 376). О его пафлагонском происхождении см. ВЗ 9 (1900), S. 6764; Наттер—Konstantinopel und Bosphorus (I, 176 f.).

⁴ Дьяконом в Кизике.

⁵ Такова конъектура Хаури; обычный перевод: «деньги же его, оставив ему лишь немного, все ограбил».

⁶ Конъектура Хаури; обычный перевод: «когда у нее явилось подозрение в неверности одного из своих рабов».

ей все то, что делалось или говорилось, на площади или внутри домов. 15. Если же она не хотела, чтобы каким-либо образом обнаружилось, какому наказанию подвергся кто-либо с ее стороны, она поступала так: 16. вызвав к себе этого человека, если он был из числа знатных, она с глаза на глаз передав его ссылала в самые дальние места Римской империи. 17. Глубокой ночью этого человека, закутанного и связанного, получивший такое приказание сажал на корабль и ехал с ним туда, куда указано Феодорой; там он еще более тайно передавал его другому, вполне опытному в подобного рода службе, приказав сторожить этого человека самым тщательным образом и запретив кому бы то ни было говорить о нем. И он оставался там до тех пор, пока или императрица не ждалась над несчастным, или пока он не умирал долгое время спустя, после тяжких мучений, истощенный всеми постигшими его здесь несчастиями. 18. Вот еще пример: некий Басиан, принадлежащий к партии прасинов («зеленых»), юноша знатного рода, сильно поносил Феодору и тем вызвал ее гнев. Так как ему стало известно об ее гневе, то Басиан бежал в храм архангела (Михаила). 19. Но Феодора тотчас же приказала магистрату, поставленному для поддержания порядка среди народа¹, (арестовать его); она ни словом не обвиняла его в брани на себя, но выставяла против него обвинение в педерастии. 20. Названный магистрат удалил из храма этого человека и подверг его невыносимым мучениям, так что даже весь народ, видя подвергнутым таким страданиям его тело, тело человека знатного и в прежнее время воспитанного в холе, проникся к нему чувством сострадания и с плачем поднял крик чуть не до небес, прося пощадить юношу ради всех них. 21. Но Феодора велела подвергнуть его еще большему наказанию и, отсеки ему половые органы, без всякой его вины погубила его, а имущество его конфисковала. 22. Таким образом, когда эту бабу охватывал гнев, то ни храм не давал безопасного убежища, ни ясный запрет со стороны закона не мог спасти его; мольбы всего города не оказывались достаточными, чтобы вырвать из ее рук попавшего в столь несчастное положение; одним словом, все встречавшиеся препятствия на ее пути она сметала. 23. Равным образом против некоего Диогена, за то, что он принадлежал к партии прасинов («зеленых»), человека обходительного и любимого всеми, даже самим императором, она направила свой гнев. Но никаких других ложных обвинений, кроме мужеложства, против него при всем старании она выставить не могла. 24. Поэтому она подготовила двух его рабов и выставила их, как обвинителей и как свидетелей против их господина. 25. Но так как следствие и суд над ним шел не скрытно, не в полной тайне, как это обычно ею делалось, но всенародно, и так как, согласно с высоким положением Диогена, судьи были выбраны в большом количестве из очень известных лиц, то было ясно, что при тщательном расследовании со стороны судей речи рабов не могли быть признаны для суда достоверными, тем более что и рабы-то были очень юны, тогда Феодора арестовала одного из родственников Диогена, Феодора, и посадила его в обычную в таких случаях (свою) тюрьму. 26. Там, с одной стороны, многими заманчивыми предложениями, с другой—угрозами тяжких наказаний она старалась обойти и привлечь на свою сторону этого человека. Так как ей это не удавалось, она велела обвязать по лбу и ушам голову этого человека воловьей жилой и эту жилу закручивать и затягивать. 27. И хотя Феодор мог думать, что его глаза выскочат из орбит, покинув свои обычные места,

¹ Praetor plebis—префект полиции.

однако он даже в этом случае решил ничего не придумывать, чего никогда не было на самом деле. 28. Поэтому судьи освободили Диогена, считая обвинение бездоказательным, а весь город всенародно отпраздновал этот случай, как величайшее торжество.

XVII. 1. Таковы были эти дела. В начале этой книги я уже рассказал, как она поступила с Велизарием, Фотием и Бузой. 2. Расскажу следующий случай: двое стасиотов, принадлежавших к партии венетов («голубых»), родом киликийцы, с громким криком напали на начальника Второй Киликии Каллиника¹ и без всякого основания нанесли ему оскорбление действием, а его конюшего, который стоял рядом с ним и пытался защитить своего хозяина, они убили на глазах как самого этого начальника, так и всего народа. 3. Каллиник арестовал этих членов партии венетов («голубых»), уличенных в убийстве не только данного человека, но и многих других, и привлек к суду и совершенно законно казнил. Феодора, узнав об этом и стремясь показать, что она благоволит к венетам («голубым»), велела его, еще сохранявшего власть, посадить на кол на могиле этих убийц без всякого на то основания. 4. А император, выставляя на вид перед всеми, что он плачет и скорбит о его гибели, сидел у себя дома, похрюкивая от удовольствия; участникам этого дела он грозил многими наказаниями, но не сделал им ничего, забрать же деньги умершего он счел для себя вполне подходящим. 5. Проявляла Феодора свою заботу и о наказании тех, которые прегрешали своим телом. Действительно, собрав больше чем 500 женщин легкого поведения, которые для скудного пропитания занимались открыто развратом по 3 оболы, за гроши, посредине площадей, она отправила их на противоположный берег моря в так называемый монастырь «Раскаяния»². Заключив их там, она хотела заставить их переменить прежнюю жизнь на новую. 6. Некоторые из них ночью кинулись вниз с высоты и этим избавили себя от этой принудительной и нежелательной для них перемены жизни. 7. Были в Византии две девушки-сестры, славные консульски... званием не только отца и деда, но издревле считавшиеся в среде сенаторской аристократии первыми по знатности крови. 8. Они уже вышли замуж, но их мужьям суждено было погибнуть, и они остались вдовами. И вот Феодора приняла близко к сердцу, чтобы выдать их замуж, но выбрала им двух людей из самого низкого звания, бесстыжих и грубых, обвиняя этих женщин в том, что они ведут нестрогий образ жизни. 9. Боясь, как бы им не пришлось вступить в такой брак, они бежали в храм Софии и, войдя в священный баптистерий, крепко держались за купель. 10. Но императрица поставила их в такое безвыходное и несчастное положение, что им пришлось согласиться сменить на брак постигшие их беды. До такой степени для нее не существовало никакого места, столь священного и неприкосновенного, чтобы служить убежищем. 11. И вот они добьются были выйти замуж против своей воли за людей нищих и ничего не стоящих, много низших по положению, чем они, хотя у них было много женихов из знатных фамилий. 12. И их мать, тоже вдова, не осмеливаясь плакать и рыдать над таким несчастьем, присутствовала на этой свадьбе. 13. Впоследствии Феодора, желая загладить свой мерзкий поступок делом своего милосердия, решила утешить их за счет государственного несча-

¹ Эвагрий (IV, 32); Никифор Каллист (XVII, 21).

² Прокопий—О постройках (I, 9, 2); Малала (440, 16); Новелла 14: Иоанн из Никиу (518); Гаммер (II, 307).

2! Вестник древней истории № 4 (5)

стия: 14. мужа и той и другой женщины она назначила важными чиновниками. Но и в этом молодым женщинам не было утешения: невыносимые и нестерпимые несчастья пришлось перенести почти всем подданным от этих людей, о чем я буду говорить впоследствии¹. 15. Феодора не обращала внимания ни на высокое положение, ни на святость государственных законов, ни на что другое, лишь бы только выполнить свою волю. 16. Когда Феодора была еще на сцене, случилось, что она забеременела от одного из своих любовников. Она поздно заметила это несчастье, и хотя делала все, как она это привыкла, чтобы произвести выкидыш, но уже никак не могла убить этого еще не оформившегося ребенка, так как он почти уже принял человеческий образ. 17. Так как все ее попытки оставались безрезультатными, она принуждена была родить. Отец родившегося ребенка, видя ее опечаленной, попавшей в затруднительное положение, так как, ставши матерью, она не могла уже зарабатывать попрежнему, торгуя своим телом, и так как он весьма основательно подозревал, что она изведет ребенка, то он отобрал его от Феодоры, и дав ему (при крещении) имя Иоанна, так как ребенок был мужского пола, увез его с собой в Аравию, куда он уже отправлялся и сам. 18. Когда этот человек был на пороге смерти, а Иоанн был уже юношей, то отец рассказал ему все, кто его мать. 19. После его смерти, совершив все обряды погребения, как полагается, спустя некоторое время юноша явился в Византию и рассказал все дело тем, которые ведали приемом у его матери. 20. Думая, что она не замыслит против него, что было бы противно человеческим чувствам, они объявляют матери, что прибыл ее сын Иоанн. 21. Эта женщина, испугавшись, что эти разговоры дойдут до мужа, велела им привести сына к ней. 22. Когда он явился, она поручила его одному из своих служителей, которому она обычно поручала дела подобного рода. 23. Каким образом этот несчастный исчез впоследствии из числа людей, этого сказать я не могу, и никто с тех пор не видел его, даже после смерти императрицы. 24. Вследствие всего этого нравы почти всех женщин были испорченными. Они нарушали верность своим мужьям с полной свободой, и эти поступки не грозили им никакой опасностью и не приносили никакого вреда, так как даже те, которые были захвачены на месте преступления и судимы за прелюбодеяние, оставались безнаказанными и не испытывали ничего плохого; в свою очередь, они, тотчас же прибегнув к покровительству императрицы, поднимали перед судом дело об отмене приговора, добивались совершенно другого решения и подавали иск на своих мужей. 25. И эти мужья без всякого следствия должны были в качестве штрафа платить двойную сумму приданого. По большей части, подвергнув бичеванию, их уводили в тюрьму, и вновь и вновь им приходилось видеть, как эти разукрашенные развратницы еще с большей распущенностью безбоязненно предавались постыдным радостям со своими любовниками. А многие из этих развратников за такие дела удостоились даже разных почестей. 26. Поэтому большинство мужей в дальнейшем терпело нечестивые деяния своих жен и с большим удовольствием молчало, чем рисковало подвергнуться бичеванию. Они предоставляли им полную свободу тем, что старались не быть свидетелями их скандального поведения на месте преступления. 27. Так Феодора считала себя вправе распоряжаться по произволу в государстве. Начальствующих лиц и священнослужителей она выбирала и, можно

¹ Хаури по конъектуре Вгаип'а, принимаемой и Панченко (стр. 41). Рукописи дают «говорил раньше». Прокопий нигде не говорит об этих людях.

сказать, рукополагала; она искала только одного и всегда опасалась, как бы такого высокого положения не получил какой-либо хороший и достойный человек, который отказался бы служить ей и выполнять ее приказания.

28. Все браки она устраивала по какому-то божьему наитию¹; до брака эти люди не были помолвлены по добровольному согласию. 29. Внезапно та или другая делалась женою кого-либо, не потому, что ему она нравилась, что обычно бывает даже у варваров, но потому, что так угодно Феодоре.

30. В свою очередь и тем, кто выходил замуж, приходилось переносить то же самое. Их заставляли соединяться браком с людьми, которые им совсем не были желательны. 31. Часто, насильно заставив невесту повернуть назад с порога брачной комнаты, она оставляла жениха без радости гименей, без всякого другого основания, лишь только потому, что это ей не нравится, как в сильном гневе говорила она. 32. Так поступила она со многими другими, в том числе и со Львом², который занимал почетную должность референдаря, и с Сатурнином, сыном Гермогена, бывшего магистром. За этого Сатурнина была просватана девушка, его двоюродная сестра, очень образованная, воспитанная и красивая; за него помолвил ее отец ее Кирилл, когда уже Гермоген умер. 33. Когда их брачный чертог был готов, Феодора арестовала жениха, и он был отведен на другое ложе; с плачем и стенаниями он должен был жениться на дочери Хрисомалло. 34. Эта Хрисомалло была в прежнее время танцовщицей и, само собой разумеется, гетерой; теперь же она с другой Хрисомалло и Индаро жила во дворце. 35. Вместо разговоров о мужских членах и театральные сплетнях, они устраивали здесь государственные дела. 36. Проведя ночь со своей молодой женой и найдя ее лишенной невинности, он сообщил кому-то из своих родных, что женился он не на невинной³. 37. Когда это дошло до Феодоры, она приказала слугителям поднять его на плечи («на воздуси»), как какого-нибудь мальчишку, ходящего в школу к учителю, и, говоря, что ему нечего гордиться и чваниться, велела жестоко его выпороть и посоветовала ему в дальнейшем не распускать языка. 38. Что она сделала с Иоанном из Каппадокии, это рассказано мною в прежних книгах⁴. Все это было сделано ею в гневе на этого человека, но не за его ошибки в государственных делах (доказательством этому служит то, что с теми, кто впоследствии совершал ужаснейшие проступки по отношению к ее подданным, она ни с кем так не поступила), но за то, что он вообще осмелился пойти против нее, а, главным образом, за то, что доносил на нее императору, так что почти вызвал у Юстиниана к ней открыто враждебное отношение. 39. Мне нужно здесь, как я уже сказал вначале, привести самые истинные причины тех или иных ее поступков. 40. Когда она, как я уже раньше рассказывал, сослала его в Египет, подвергнув жестокому наказанию, она даже мучениями этого человека не насытила к нему своей злобы, но все время не переставала искать против него лжесвидетелей. 41. Спустя четыре года⁵, ей удалось найти двоих прасинов («зеленых») из числа тех, которые были в Кизике и, как говорят, участвовали в возмущении против епископа. 42. Частью льстивыми речами, частью угрозами она обошла

¹ Такое чтение рукописей и Хаури. Был предложен ряд конъектур: «устроивала чуждым для нас способом»—Рейске; «обычным для себя способом»—Алеманн; «каким-то непривычным образом»—Крашенинников.

² См. ниже, гл. 29, § 28.

³ Буквальный перевод: «что его жена—сосуд уже пробуравленный».

⁴ Прокопий—Войны с персами, кн. 1, гл. 25, § 13; «Тайная история», гл. 2, § 15.

⁵ Малала (483, 17).

их, так что один из них, из страха или окрыленный великими надеждами, взял на себя это скверное дело, именно (обвинив в уголовном преступлении, довести до) убийства Иоанна. 43. Но другой не мог решиться пойти против истины, хотя он был так истерзан на пытке, что, казалось, вот-вот умрет. 44. Поэтому даже и при посредстве таких тайных ков она никак не могла устроить гибели Иоанну. Тогда она велела отрубить правые руки у обоих юношей; у одного за то, что он не захотел быть лжесвидетелем, у другого—для того, чтобы не оказался совершенно очевидным ее злой умысел. 45. И хотя все это делалось на глазах у всех среди бела дня, Юстиниан делал вид, что он решительно ничего не знает из того, что происходило.

XVIII. 1. Что Юстиниан был не человек, но некий демон¹, как я сказал, в образе человека, доказательство этого можно найти, если принять во внимание огромное бедствий, которые он причинил людям. 2. В чрезмерности содеянного выясняется и сила его совершившего. 3. Точное число тех, кто был уничтожен им, думаю я, мог бы сказать из всех только один господь бог. 4. Скорее, по моему мнению, можно было бы исчислить весь песок земной, чем тех, кого погубил этот император. Прикидывая в уме в общих чертах те области, которым по его воле суждено было обезлюдеть и обратиться в пустыни, я утверждаю, что погубил он сотни миллионов. 5. Ливия, столь огромная по своему пространству, была до такой степени разорена им, что, проезжая по ней долгое время, трудно было бы встретить там хоть одного человека, да и это казалось удивительным. 6. Ведь когда вандалы вначале взяли здесь за оружие, было их до 80 000 вооруженных², что же касается числа их жен, детей и рабов, то кто мог бы представить себе точное их количество? 7. Равным образом число тех жителей Ливии, которые обитали в прежнее время в городах, занимались возделыванием земли и вели морскую торговлю, чему я сам очень часто был очевидцем,—их количество кто из людей в состоянии исчислить? Еще больше, чем их, было там маврузиев, и всем им суждено было погибнуть со своими женами и со всем потомством. 8. Далее, многих римских воинов и многих из тех, которые последовали за ними из Византии, скрыла (в своих недрах) земля. Так что, если бы кто стал утверждать, что в Ливии погибло пятьсот мириад (5 000 000) людей, то, в сущности, я думаю, он назвал бы минимальное число. 9. Дело в том, что после победы над вандалами Юстиниан вовсе не заботился о том, чтобы закрепить власть над страной и вовсе не думал охраною собственности (новых) подданных заслужить неизменное их расположение; но он тотчас же без малейшего промедления отозвал к себе Велизария, возведя на него обвинение, будто он хочет захватить насильственно власть, что совершенно не соответствовало настроению Велизария³. Юстиниан хотел, устраивая здесь все по своему произволу, иметь возможность высосать все соки из Ливии и ограбить ее целиком. 10. Конечно, Юстиниан тотчас же послал земельных оценщиков и стал устанавливать непосильные налоги, которых прежде не было. Лучшие земли он присвоил себе, а арианам запретил исповедание их веры. 11. Он не соблюдал срока военных наборов и вообще для солдат жизнь принём была тяжелая. Происходившие вследствие этого

¹ См. выше, гл. 12, § 14.

² О численности вандалов в Африке см. статью Haury—Über die Stärke der Vandalen in Africa, BZ, 14 (1905), S. 527 f.

³ Прокопий—Война с вандалами, кн. VI, гл. 8.

восстания кончались великой гибелью (человеческих жизней). 12. Он не в силах был сохранять раз установленные порядки, ему как бы на роду было написано все спутывать и мутить. 13. Италия бывшая по меньшей мере два в три обширнее Ливии, стала повсеместно безлюдной еще в большей степени, чем Ливия. А отсюда можно будет представить себе приблизительно и число погибших. 14. О причине постигших Италию несчастий я рассказывал раньше¹. Все ошибки и правонарушения, которые Юстиниан совершил в Ливии, были повторены им и здесь, в Италии. 15. Послав сюда так называемых логофетов, он все поставил вверх ногами и все погубил. 16. До этой войны власть готов простиралась от области галлов вплоть до пределов Дакии, там, где находится город Сирмий. 17. Когда же в Италию пришло войско римлян, то земли галлов и венетов в большей своей части были заняты германцами. 18. Сирмий и прилегавшую к нему область заняли гепиды, и вся эта страна, говоря кратко, стала совершенно безлюдной: 19. одних из них погубила война, других же—болезни и моровая язва, что всегда является спутником войны. 20. Что же касается Иллирии и всей Фракии, если считать от Ионийского залива вплоть до предместий Византии, в том числе и Элладу и область Херсонеса, то с того времени, как Юстиниан принял власть над Римской империей, гунны, славяне и анты, делая почти ежегодно набеги, творили над жителями этих областей нестерпимые вещи. 21. Я думаю, что при каждом набеге было убито здесь и взято в плен римлян по 200 000 человек, так что эта страна повсюду стала подобной скифской пустыне. 22. Вот что случилось в Ливии и в Европе за эту войну. На восточные же границы римлян, начиная от Египта вплоть до персидских границ, все это время непрерывно делали набеги сарацины² и так нещадно ее опустошали, что все эти местности оказались наиболее обезлюдевшими, и, думаю, что никогда ни один человек, как бы он ни исследовал, не подсчитает количества погибших там таким образом людей. 23. Точно так же и персы под начальством Хозроя четыре раза вторгались в остальную часть Римской империи, брали приступом города и тех людей, которых они забирали во взятых ими городах и в каждой захваченной ими области, одних они убивали, других уводили с собой; таким образом, землю, в которую им приходилось вторгаться, они обращали в безлюдную пустыню. 24. А с той поры, как они один за другим стали совершать походы в Колхиду, все это время вплоть до сегодняшнего дня приходилось погибать там и им самим, и лазам, и римлянам. 25. Однако и персам, и сарацинам, и гуннам, и всему славянскому племени, равно как и иным варварским народам, не удавалось уходить из римских пределов без тяжелых потерь. 26. Как во время вторжения, так еще больше во время осад и сражений им приходилось терпеть большие поражения и потери, и гибло их ничуть не меньше, чем римлян. 27. Так что не только римляне, но почти и все варвары³ уголяли все оскверняющую кровожадность Юстиниана. 28. Конечно, и Хозрой сам по себе по своему характеру был человеком дурным, но все поводы для войны, как это мною показано в надлежащих местах моего рассказа⁴, давал ему всегда Юстиниан. 29. Он не считал нужным согласовать свои предприятия с подходящим временем, но делал все не во-время. В течение мира или перемирий он неустанно готовил в своей коварной душе поводы для войны со своими

¹ Прокопий—Война с готами, кн. VII, гл. 1, § 23 сл.

² Ср. Аммиан Марцеллин (XIV, 4).

³ Ср. Агафий (332, 1).

⁴ Прокопий—Войны с персами, кн. I, гл. 23.

соседями, а во время самой войны, без всякого основания падая духом, вследствие корыстолюбия делал нужные для дела приготовления чересчур медленно. Вместо заботы о текущих делах он занимался вопросами высокоумными; весь уходя в рассуждения о природе божества, он не прекращал войны в силу своей кровожадности и любви к гнусным убийствам, а в то же время, не будучи в силах одолеть врагов, по своей мелочности занимался ненужными и вредными пустяками. 30. Потому-то во время его правления вся земля была залита человеческой кровью, широкой рекой лившейся как у римлян, так почти и у всех варваров. 31. Вот какие события, в кратких словах, произошли за это время в военных делах повсюду в пределах Римской империи. 32. Если же подсчитать тех, которые погибли во время восстания в Византии и в каждом отдельном городе, то, думаю, что здесь произошло избиение людей, ничуть не меньшее, чем на войне. 33. Так как справедливость совершенно не существовала и не было одинакового отношения к виновным, так как одна из партий проявляла всегда свою преданность императору (в отличие от другой), то сторонники и той, и другой совершенно не хотели оставаться спокойными; одни—вследствие того, что не пользовались любовью императора, другие—потому что не вполне были в ней уверены; они или впадали в отчаяние или охватывались безумной самоуверенностью; поэтому иногда и те, и другие, собравшись большими массами, шли друг против друга, иногда же сражались маленькими отрядами или устраивали засады, при случае и против отдельных лиц. В продолжение 32 лет не упуская ни одного момента, они совершали друг против друга нестерпимые насилия и многократно привлекались к уголовной ответственности со стороны начальника, поставленного над народом. 34. Наказание за нарушение порядка по большей части обращалось на прасинов («зеленых»), но не в меньшей степени усмирения самаритян и других так называемых еретиков наполнили Римскую империю кровью и убийствами. 35. Об этом я упоминаю теперь лишь в общих словах, так как немного раньше¹ я в достаточной мере рассказал об этом. 36. Вот что пришлось испытать всем людям от этого воплотившегося в человеческое тело демона; вина за это лежит на нем с того самого момента, как он стал императором. Каких бедствий был он причиной, совершив их таинственной своей силой и по демонской своей природе, я сейчас расскажу. 37. Когда он правил Римской империей, многие различные беды постигли ее; одни упорно приписывали их присутствию и злокозненности бывшего при нем злого духа, другие же говорили, что бог возненавидел дела его и отвратил свое лицо от Римской империи, отдав ее на погибель кровавым демонам следующим образом. 38. Так, река Скирт, разлившись, затопила Эдессу² и причинила ее обитателям бесчисленное количество бедствий, о чем я буду писать позднее³. 39. Нил, разлившись, как обыкновенно, не спал в установленное время и тем причинил многим из живших по его берегам ужасные бедствия, как я рассказывал⁴ об этом раньше. 40. Река Кидн, устремившись на Тарс, залила его почти весь в продолжение многих дней, и вода ушла не прежде, чем нанесла городу неисцелимые

¹ См. гл. II, § 14 сл.

² Малала (418, 8); Феофан (I, 171, 18); Эвагрий (IV, 8); Кедрен (I, 639, 21); Зонара (III, 268); Захария (154, 4); Михаил Сириец (180 сл.); «Хроника Эдессы» (стр. 129); Крамер—Anecdota (II, 319).

³ Прокопий—О постройках, кн. II, гл. 7, 2.

⁴ Прокопий—Война с готами, кн. VII, гл. 29. Ср. Иоанн из Никии (513).

бедствия¹. 41. Землетрясения разрушили Антиохию², первый из городов на Востоке, соседнюю с ней Селевкию³ и самый знаменитый город в Киликии, Аназарб⁴. 42. Число погибших вместе с ними людей кто мог бы сосчитать? Сюда надо прибавить гибель Ибор, Амаσει⁵, первого из городов у (Эвксинского) Понта, Полибота во Фригии и того города, который Писиды называют Филомедой; были разрушены, кроме того, Лихнид в области эпиротов и Коринф⁶, бывшие с древнейших времен самыми многолюдными городами. 43. Эти города все без исключения за это время были разрушены землетрясениями, а вместе с городами гибель постигла почти и всех живших в них. 44. Поразившая империю моровая язва, о которой я упоминал уже раньше⁷, унесла приблизительно половину оставшихся в живых людей. 45. Вот сколько народа погибло за то время, когда Юстиниан вначале стал управлять Римским государством, а затем явился самодержавным его императором.

XIX. 1. Я хочу теперь рассказать, как он начисто ограбил у всех их богатства, но предварительно я передам о том сновидении, которое в начале правления императора Юстиниана пришлось увидеть во время ночного покоя одному из знатнейших лиц. 2. Он рассказал, что ему снилось, будто он стоит в Византии на берегу моря, на том, который напротив Халкедона, и видит, что посередине пролива стоит Юстиниан. 3. И сначала он поглотил всюводу моря, так что можно было думать, что в дальнейшем он будет стоять на сухом материке, ввиду того что вода уже больше не поступала в пролив. Но затем сюда устремилась другая вода, полная грязи и нечистот, вытекающая обильно из канализационных труб с той и другой стороны; он поглотил и эту воду и вновь сделал сухим ложе пролива. 4. Это сновидение имело вот какое значение: когда дядя этого Юстиниана, Юстин, сделался императором, то он нашел государственное казначейство полным деньгами. 5. Император Анастасий был самым предусмотрительным и самым экономным из всех самодержцев; он боялся,—что и случилось,—как бы его преемник, чувствуя недостаток в деньгах, не стал, быть может, грабить подданных. Поэтому он, прежде чем окончить дни своей жизни, наполнил золотом до отказа все сокровищницы. 6. Все эти деньги Юстиниан очень быстро расточил, отчасти на бессмысленное морское строительство, отчасти благотворительствуя варварам. А ведь можно было бы думать, что для императора, даже очень любящего широко жить, этих денег хватило бы лет на сто. 7. Те, которые стояли во главе императорских сокровищ, и казначейства, и всех других императорских доходов, утверждали, что Анастасий после своего более чем 27-летнего правления оставил в государственной казне 320 000 фунтов золота. 8. Но еще тогда,

¹ Прокопий—О постройках, кн. V, гл. 5, § 14. Ср. Михаил Сириец, стр. 194; Бар-Гебр, 84.

² Малала (419, 5; 442, 18); Эвагрий (IV, 5); Никифор Каллист (XVII, 3); Крамер—Anecdota (II, 109, 320); Кедрен (I, 641, 1; 646, 6); Иоанн из Никиу (504 сл.); «Хроника Эдессы» (132); Иоанн, еп. Эфесский—Commentarii de beatis orientalibus (224 сл.); Захария (154, 31); Феофан (I, 172, 1, 10, 30; 177, 22).

³ Малала (421, 14); Иоанн из Никиу (505).

⁴ Малала (418, 6); Феофан (I, 171, 14); Эвагрий (IV, 8); Зонара (III, 268); Никифор Каллист (XVII, 3); Кедрен (I, 639, 20).

⁵ Малала (448, 3).

⁶ Малала (418, 4); Феофан (I, 168, 10); Кедрен (638, 15); Эвагрий (IV, 8).

⁷ Прокопий—Войны с персами, кн. II, гл. 22, § 1.

когда в продолжение девяти лет императором был Юстин, когда этот Юстиниан привел весь государственный строй в расстройство и беспорядок, (по их словам) было собрано во дворец всеми правдами и неправдами 400 000 фунтов золота, но и из них не осталось ничего¹. И еще при жизни Юстина этим человеком они были истрачены так, как я уже рассказывал² раньше. 9. А сколько денег он сам за все время своего правления сумел незаконно присвоить и истратить, нет никакой возможности ни рассказать об этом, ни сосчитать, ни указать их количество. 10. Как некая река, вечно текущая, он каждый день грабил и разорял своих подданных, но все награбленное тотчас же утекало к варварам (или на какое-либо морское строительство). 11. Истратив таким образом государственные богатства, Юстиниан обратил свой взор на своих подданных. И тотчас он у очень многих отнял их состояние: подверг их без всякого основания всякому насилию. При полном отсутствии всякой вины он осуждал тех, которые считались богатыми в Византии и во всяком другом городе, одних обвиняя в многобожии, других—в ересь и в неправом исповедании христианской веры, иных в педерастии или в любовных связях с монахинями или других каких-либо незаконных сожителствах, или в подготовке заговоров, или в приверженности к партии прасинов («зеленых»), или в оскорблении его личности, как императора, или приписывая им какое-либо другое слово или выражение, или вдруг оказываясь наследником умерших, а бывало иногда и еще живых, как будто бы усыновленный ими. 12. Это были славнейшие из его деяний. А как он, воспользовавшись бывшим против него восстанием, которое называли «Ника», тотчас же стал наследником всех сенаторов, и как до этого восстания он самолично, у каждого в отдельности, не у малого числа лиц отнял их состояние, об этом я только что рассказывал³. 13. Всех варваров, при всяком удобном случае, он одарял крупными суммами денег, восточных и западных, живущих на севере и на юге, вплоть до живущих в Британии,—одним словом, племена, живущие повсюду на земле, о которых раньше к нам даже не доходил слух и которых мы увидели раньше, чем узнали название их племени. 14. Они, осведомившись о характере этого человека, стали стекаться к нему в Византию со всех концов земли. 15. Он же, ничуть не задумываясь, но даже вследствие этого преисполненный радости и считая величайшим счастьем и удачей расточать богатства римлян, бросал их варварам или на морское строительство и, щедро одарив каждого из них, отправлял в его родную страну. 16. Благодаря этому все варвары стали полными хозяевами богатств Римской империи, или получая деньги от императора, или грабя пределы Римской державы, или получая их в виде выкупа за пленных, или заключая за деньги перемирие. Вот во что было суждено вылиться тому сновидению, о котором я только что рассказывал. 17. Юстиниан сумел придумать и другие хитрые способы ограбления своих подданных; насколько возможно кратко, я сейчас расскажу о них; благодаря им он имел возможность не сразу все, но постепенно ограбить у всех их имущество.

XX. 1. Прежде всего он назначил в Византии начальника над народом⁴ с весьма широкими полномочиями; его обязанностью было ежегодно

¹ По словам Марцелла Комеса под 521 г., Юстиниан, будучи консулом в этом году, истратил все эти деньги.

² См. гл. VIII, § 4.

³ См. гл. XII, § 12.

⁴ Род префекта полиции (Новелла 13, издан. 535 г.). См. эпиграмму Леонтия—Anthol. Palat. (XVI, 32). Бывший praefectus vigiliarum.

распределять налоги между теми, кто имел лавки, и тем давать им возможность продавать товары по любой цене. 2. И для граждан сложилось такое положение при покупке на рынке товаров и продовольствия, что хотя на них накидывали тройные цены, им некому было на это жаловаться. 3. И от этого население понесло великий убыток. Часть этих налогов поступала в пользу государства, но, главным образом, отсюда имели возможность богатеть поставленные наблюдать за этим делом чиновники. 4. В результате всего этого низшие служители этих властей, охваченные жадностью при такой позорной службе, и хозяева лавок, побуждаемые безнаказанностью при правонарушениях, проявляли нестерпимый произвол по отношению к принужденным покупать тогда товары; и они не только во много раз повышали стоимость товаров, но и неслыханным образом при помощи всяких хитростей фальсифицировали эти товары. 5. Затем Юстиниан установил много так называемых монополий и тем (незаметным образом) продал благосостояние своих подданных людям, которые сочли вполне достойным для себя изыскать отсюда свою выгоду. Получив взамен этого надлежащую оплату, сам император отстранялся от этого дела, а внесшим ему деньги он предоставлял устраивать все это дело, как они хотят. 6. Так же открыто он совершал правонарушения и во всех других отраслях управления. Уделив императору часть, обычно не очень большую, от своих награбленных доходов, начальники и их уполномоченные по каждому делу затем уже вполне безбоязненно грабили тех, кто попадал в их руки. 7. Как будто бы ему нехватало для этого издревле установленных магистратур, он придумал для управления государством еще две, хотя раньше все жалобы разбирал поставленный над народом магистрат. 8. Но чтобы впредь иметь для себя еще большее число доносчиков и чтобы можно было тем скорее и легче подвергать пыткам ни в чем неповинных людей, он решил установить эти две должности. 9. В ведение магистратов, получивших назначение на одну из этих должностей, входило ведать, конечно, только на словах, проступки по воровству; они получили название «преторов демов»¹. Ведавшим делами по другой магистратуре он приказал налагать наказания на педерастов и входивших в общение с женщинами противоестественным образом, и на тех, кто в исповедании веры не придерживался православной религии: этому магистрату он дал название квестора (следователя). 10. Если претор в числе ворованных вещей захватывал вещи очень ценные и заслуживающие большого внимания, он считал нужным относить их императору, говоря, что хозяев их нельзя найти нигде. 11. Таким образом на долю императора всегда доставались самые дорогие вещи. А так называемый квестор, обрабатывая и обирая попавших в его руки, что хотел — относил императору, но и сам противозаконным образом без зазрения совести также богател, грабя чужое добро. 12. Не требовалось перед носителями этих должностей выступать обвинителям или представлять свидетелей того, что сделано, но постоянно в течение всего этого времени обвиняемых без суда и следствия возможно секретнее лишали жизни и отбирали все их имущество. 13. Впоследствии этот запятанный кровью убийца поручил этим двум магистратам, а равно и поставленному над народом магистрату заниматься одинаково разбором жалоб, предложив им вступить в состязание между собой, кто из них будет в состоянии больше и скорее погубить людей. 14. Говорят, что один из них как-то

¹ М а л а л а (479, 19); И о а н н Л и д и е ц (265, 5); Новелла 13, гл. 1 и Новелла 80, гл. 1.

спросил Юстиниана: кто из них должен вести дело, если поступит донос на кого-нибудь сразу им троим? Он, не задумываясь, ответил ему: «Тот из них, кто сумеет предупредить других (быстротой решения)». 15. Звание так называемого квестора он лишил всякого нравственного значения; прежние императоры, можно сказать все, особенно заботились об этой магистратуре, чтобы ведали ею люди опытные и знающие во всех отношениях, а особенно в законах, и чтобы они отличались исключительной неподкупностью, считая, что принесет государству большой вред, если занимающие этот пост будут страдать неопытностью или ими будет руководить корыстолюбие. 16. Первым на это место император назначил Трибониана, о нравственных качествах которого достаточно сказано в первых книгах¹. 17. Когда же Трибониан окончил дни своего существования, император отобрал часть его состояния, хотя после его смерти у него остался сын и большое количество родственников. После него на эту должность император назначил Юнила, родом из Ливии, которому законы не были известны даже по слуху, так как он не принадлежал к числу «риторов», бывших образованными юристами; латинский язык он знал, для изучения же, эллинского он никогда не ходил даже в начальную школу, и язык его был неспособен произносить эллинские слова (не раз бывало, когда он пытался заговорить по-эллини, он вызывал смех у своих слуг). Но корыстолюбием он был одержим невероятным, настолько, что, ничуть не скрываясь, среди бела дня он торговал бумагами с подписью императора. 18. Он несколько не стыдился из-за одного золотого статера протягивать руку первому попавшемуся. 19. Не меньше семи лет² государство было принуждено подвергаться из-за него насмешкам. 20. Когда же и Юнил дошел до предела своей жизни, император возвел в это высокое звание Константина. Он был довольно сведущ в законах, но очень молод и не испытывал еще сил в юридических прениях, а грабительскими наклонностями и чванством он отличался больше всех. 21. К нему Юстиниан питал особенно нежные чувства и считал его самым близким своим другом. С его помощью император считал для себя вполне допустимым производить и свои постоянные грабежи и решать все судебные дела. 22. Поэтому за короткое время Константин собрал огромные богатства. Он проявлял такое сверхъестественное высокомерие, в своей спеси «головой в облака упираясь»³ и так презрительно обращаясь со всеми, что некоторые, желая привести свои дела к благополучному окончанию и для этого собираясь преподнести ему большую сумму денег, не могли этого сделать иначе, как передав их наиболее доверенным его лицам. 23. Встретиться с ним или переговорить с ним не представлялось ни для кого никакой возможности, кроме того времени, когда он спешно шел к императору или возвращался от него, причем и здесь он не замедлял своего шага, но говорил с большой поспешностью и быстротой, чтобы просители не заняли его время разговорами без всякой выгоды для него.

XXI. 1. Вот что можно сказать об этом императоре. Помимо того, эпарх (префект) претория каждый год вносил в императорскую казну налогов больше чем на сумму 3 000 фунтов золота. 2. Эти деньги назывались «воз-

¹ Прокопий—Войны с персами, кн. I, гл. 24, § 16.

² «Тайная история» писалась в 550 г. Таким образом, Юнил не мог быть преемником Трибониана раньше 543 г. Но так как, по словам Прокопия, в момент составления этой книги пост этот занимал уже Константин, то, очевидно, Юнил вступил в исполнение этой должности на год, а может быть, и на несколько лет раньше 543 г. (Хаури).

³ Видимо, цитата из Аристофана—Облака (225).

душными» («с неба упавшими»)¹. Этим названием, я думаю, обозначалось то, что этот налог не был каким-нибудь установленным или обычным, но получался он случайно, как будто бы «с неба падал», а правильнее было бы называть его делом его подлости. 3. Пользуясь таким названием, поставленные в должности префекта претории тем безбоязненнее все время прибегали к грабежам подданных. 4. Они делали вид, что налог этот они собирают для нужд императора, но и сами без труда приобретали себе благодаря ему царские богатства. 5. Обычно вначале Юстиниан не считал нужным обращать на это внимание, выжидая благоприятного момента, чтобы, как только они соберут себе огромные богатства, выдвинув против них неопровержимые обвинения, он мог бы отобрать у них все их состояние. Так он поступил и с Иоанном из Каппадокии. 6. Действительно, все, которые за это время получали эту должность, внезапно становились богатыми сверх меры. Исключение нужно сделать для двоих: для Фоки², о котором я упоминал в прежних книгах³, как о человеке до щепетильности справедливым,—этот человек, занимая данную должность, остался чист от всякой корысти, и для Басса, который получил эту должность позднее. 7. Из них ни тот, ни другой не могли сохранить должности дольше году, но как люди неподходящие и совершенно не соответствующие времени через несколько месяцев должны были покинуть должность. 8. Чтобы мне не рассказывать о каждом (таком гнусном) случае в отдельности и не затянуть своего изложения до бесконечности, я замечу, что в Византии то же самое делалось также и в остальных магистратурах. 9. Юстиниан действовал так повсеместно во всей Римской империи. Отобрав себе самых негодных людей и назначив их на высшие должности за большие деньги, он отдавал им государство на разграбление. 10. Для человека разумного или обладающего хоть каплей здравого смысла не было никакого основания вперед вносить свои личные деньги с тем, чтобы потом грабить ничем неповинных. 11. Получив эти деньги от тех, кто с ним договорился, Юстиниан предоставлял им полную свободу всячески извлекать выгоду из своих подданных; они же, губя все эти области вместе с их населением, ставили себе лишь одну цель: в дальнейшем самим сделаться богатыми. 12. Те, которые получали должности в (провинциальных) городах, заняв деньги у ростовщиков за жестокие проценты и уплатив их тому, кто дал это назначение, когда они оказывались в полученных ими областях, проявляли против своих подданных все, какие только можно придумать, меры несправедливости, больше всего заботясь о том, чтобы уплатить своим кредиторам условленную сумму, а, кроме того, и самим попасть в число богатейших людей. 13. Такие действия не грозили им никакой опасностью или неприятностью, но скорее могли способствовать их славе, в зависимости от того, как велико было число тех, кто попадал в их руки, и кого они могли без всякого основания казнить и ограбить. 14. И самое имя убийцы и разбойника у них обыкновенно превращалось в имя энергичного человека. 15. Если же Юстиниан замечал, что кто-либо из этих власть имущих в провинциях приобрел себе крупное состояние, у них он под тем или иным предлогом, поймав как рыбу сетью, тотчас отбирал целиком все состояние. 16. Затем им был издан закон относительно лиц, вступающих

¹ Этому вопросу посвящена статья Fornarites — 'Αερικόν — aerarium — fiscus в «'Αρχαίων Ξεναγ. δ'ιχαίη» 1929—1931. Выводы автора мало приемлемы.

² Он был сыном Кратера. См. Иоанн Лидиец (267, 5); «Пасхальная хроника» (I, 621, 9); Малала (449, 5); Феофан (I, 180, 16).

³ Прокопий—Войны с персами, кн. I, гл. 24, § 18.

в управление той или другой магистратурой или провинцией, который требовал, чтобы они приносили клятву¹: что они будут непричастны ко всякому грабежу и по своей должности не будут ничего ни давать, ни брать. 17. Он прибавил всякие проклятия, которые произносились по обычаю предков еще в древние времена, если кто нарушит эти постановления. 18. Но не прошло и года со времени издания этого закона, как он сам, пренебрегая всеми этими постановлениями и проклятиями, без стыда, не чувствуя никакой неловкости, стал брать плату за назначение на магистратуры и в Византии, и в провинции, не где-нибудь в закоулке, но открыто, на площади, при всем народе. 19. А те, которые купили себе должности, преступая все клятвы, еще больше, чем прежде, стали заниматься грабежом. 20. Впоследствии он придумал нечто такое, чему даже поверить трудно. Те магистратуры, которые он считал самыми важными в Византии и в других городах, он решил больше не отдавать на откуп, как раньше, но, специально выискавши людей, посылал их туда на определенное жалованье, требуя от них, чтобы они, получая жалованье, отдавали ему все, что они нагрябят. 21. Они же, получая жалованье, с тем большим бесстрашием обирали всю страну и ташили все себе; всюду свирепствовал этот наемный произвол под именем государственных чиновников, грабя подданных. 22. И здесь император с самой мелочной тщательностью все время назначал для заведывания этими должностями тех, которые поистине из всех были самыми негодными, и, всегда выискав, как охотник зверя по следу, такое воплощение зла, он считал это большой своей удачей. 23. И вот, когда он этих поистине первых по подлости людей поставил во главе правления, и они, проявляя высший произвол своей власти, вынесли на свет всю свою нравственную испорченность, мы удивлялись, как только человеческая природа могла дать место такой преступности. 24. Когда же через некоторое время люди, сменившие их у власти, могли намного обогнать их своей грабительской деятельностью, то люди с недоумением спрашивали друг друга, каким образом те, которые раньше казались самыми негодными, могли быть превзойдены своими преемниками настолько, что нежданно-негаданно по своему образу действия оказались людьми прекрасными и добропорядочными. Затем явившиеся третьими (настолько же) по всякой своей низости одерживали верх над вторыми. Следовавшие за ними, благодаря тем необычайным и новым (формам насилия, проявленным ими и вызвавшим) нарекания на них, дали возможность своим предшественникам заслужить имя честных людей. 25. Когда эти бедствия продолжались все дальше и дальше, то всем на опыте пришлось убедиться, что нет предела испорченности человеческой природы; эта низость, выросшая на знании прежних преступлений и благодаря произволу и дерзости соблазненная возможностью мучить и вредить попавшим в ее руки, повидимому, достигает такой степени, измерить которую можно только сознанием тех, кто подвергся этим бедствиям. 26. Так обстояло дело у римлян со всеми магистратурами. Часто, когда отряды гуннов, сделав набег, забрав пленных и ограбив римскую область, уходили назад, римские военачальники во Фракии и Иллирии решали напасть на них, но они, встретив в этом препятствие, должны были воздерживаться, так как им предъявлялись письма императора Юстиниана, запрещавшие нападать на варваров, под предлогом, что они являются для римлян нужными союзниками против готов или против каких-либо других врагов. 27. Поэтому

¹ Новелла 8, гл. 7.

эти варвары грабили и забирали в плен живущих здесь римлян, как враги, и со всей этой добычей и пленниками возвращались домой, как друзья и союзники римлян. 28. Часто земледельцы, живущие здесь, побуждаемые любовью к взятым в плен своим женам и детям, собравшись вместе, напали на уходящих варваров и (бывало) многих убивали, отбирали у них всю добычу и овладевали их конями. Но за это им приходилось на себе испытывать весьма неприятные последствия. 29. Посланные к ним из Византии считали для себя дозволенным мучить и издеваться над ними и без всякого угрызения совести накладывать на них денежные штрафы, пока они не отдадут всех коней, которых отняли у варваров.

XXII. 1. Когда император и Феодора устранили Иоанна из Каппадокии, они хотели найти ему заместителя по этой должности; совместно испытывая мысли всех людей, они старательно отыскивали самого негодного человека, желая найти в нем служителя своей тирании, чтобы тем скорее иметь возможность погубить своих подданных. 2. Временно они вместо Иоанна назначили на эту должность Феодота, человека не очень хороших нравов, но такого, который им все же не мог очень нравиться. 3. Но в дальнейшем они продолжали всюду искать и высматривать. И вот сверх ожидания им попался некто по имени Петр¹, по профессии — меняла, родом сириец, прозвище которого было Барсима. Он издавна сидел на рынке у меняльного стола с медью и из этого занятия добывал себе позорнейшую выгоду, ловко устраивая кражу оболов и обесчитывая имеющих с ним дело благодаря быстроте пальцев. 4. Он умел ловко и бесстыдно украсть из денег тех лиц, которые обращались к нему; пойманный же на месте преступления — клялся и божился и ошибку рук покрывал дерзостью языка. 5. Зачисленный в отряд воинов и пархов, он дошел до такого негодяйства, что очень понравился Феодоре, и с легким сердцем на пути выполнения ее безбожных планов он делал невероятные вещи. 6. Поэтому они тотчас же сместили Феодота с той должности, которую он занимал после Иоанна Каппадокийского, и назначили на нее Петра, который сумел все сделать согласно с желанием их обоих. 7. Несущих военную службу он лишил всякого жалованья и всякого содержания, не боясь и не стыдясь ничего; торговать должностями он стал еще позорнее, чем прежде, и сделав их еще более бесславными, он продавал их тем, которые не колебались совершать такую безбожную покупку, предоставив безоговорочно на полный произвол тем, кто купил эти должности, и души и имущество подданных. 8. Тем самым и ему и внесшему плату за должность предоставлялась полная возможность красть и всячески грабить. 9. Из столицы² государства шла продажа душ человеческих, издавались предписания, гибельные для городов; в верховных судебных инстанциях и в народном суде на площади ходил узаконенный разбойник, дающий имя своему делу — сбор денег, внесенных, как цена за его должность. И не было у потерпевших никакой надежды на возмездие за те преступления, жертвами которых они стали³. 10. И из числа тех, кто был обслуживающим персоналом при его

¹ М а л а л а (491, 6); Г е о р г и й—О зданиях (114, 9). См. статью Х а у р и:— Petros Patricios Magister und Petros Patrikios Barsymas, BZ, XIV, S. 529 f.

² Так толкует это место Хаури; другие, как, например, Рейске, переводя это место «от главы государства», подразумевают здесь или императора или praefectus praetorii.

³ Весь текст этого параграфа является крайне испорченным и до сих пор не установленным и плохо истолкованным.

должности,—а их было много и из них многие очень почтенны,—Петр всегда привлекал к себе самых негодных. 11. Эти нарушения законов совершал не он один, но и все те, которые занимали эту должность до и после него. 12. Там же правонарушения совершались и у так называемого «магистра»¹, и у «палатинов» (начальников школ), которые обычно ведали государственными сокровищами и так называемыми «приватными» (личными), а также «патримонием» (удельными землями императора); совершалось это, говоря кратко, везде, во всех назначенных магистратурах, и в Византии, и по другим городам. 13. С того времени, как этот деспот взял управление в свои руки, по каждой магистратуре у исполняющих ее полагающиеся им доходы без всякого основания отбирались то им самим, то префектом, а они, выполняя приказы вышестоящих своих властей, в крайней бедности в течение всего срока магистратуры должны были служить им, как самые настоящие рабы. 14. Когда в Византию было ввезено очень много хлеба, то большая часть его загнила; тогда Петр разослал его по городам Востока по определенным разверсткам, хотя хлеб этот уже был непригоден для питания людей; разослал продавать не по той цене, по которой обыкновенно продавался самый лучший хлеб, но по гораздо более высокой. Таким образом, покупатели должны были платить за него большие деньги по грубо повышенным ценам, а затем этот хлеб бросать в море или в канализационные канавы. 15. Но когда в Византии собралось много хлеба чистого и неиспорченного, он решил продавать его многим из городов, нуждающихся в хлебе. 16. Этим путем он получил двойную сумму сравнительно с той, которую государственное казначейство раньше выплатило за этот же хлеб тем, кто обязан был его поставлять. 17. Но когда на следующий год урожай был вовсе не так хорош, и хлебный караван, прибывший в Византию, был значительно меньше, чем это соответствовало потребностям города, поставленный таким положением в крайнее затруднение Петр велел скупить у жителей Вифинии, Фригии и Фракии огромное количество хлеба. 18. На жителей этих мест было возложено доставить этот груз с великим трудом до моря, с неменьшей опасностью доставить его в Византию и там получить от него соответственно бессмысленно скудную оплату; штрафы же на них устанавливались там такой величины, что всякий был доволен, если ему было дозволено этот хлеб даром отдать в государственные житницы и самому еще заплатить за него двойную цену. 19. Эти тяжкие² поставки обычно называли «синоной» — скупка хлеба³. Но когда даже при таких мерах в Византии не было достаточно хлеба, народ начинал обращаться с жалобами к императору. 20. Равным образом и войны, почти все, не получая полагающегося им жалованья, во всем городе производили великий шум и волнение. 21. Казалось даже, что император гневается на Петра; он хотел снять его с должности столько же по тем причинам, о которых только что сказано, сколько и потому, что он слышал, будто Петр утаил чудовищно огромные суммы, которые ему удалось украсть из государственных средств. 22. Это так и было на самом деле. Но Феодора не позволила мужу поступить, как он хотел. Она до крайности любила Барсиму, как мне по крайней мере кажется, за его негодяйство и за его исключительное умение вредить подданным. 23. Сама она была в высшей степени кровожадна и до крайности исполнена бесчеловечности,

¹ Ср. К а с с и о д о р—Var. (VI, 6).

² Хаури предлагает читать: «проклинаемые всеми».

³ См. И о а н н Л и д и е ц (264, 7); ср. П а н ч е н к о—Прокопий, стр. 128—132.

и от служащих ей она требовала—возможно больше подходить к ее привычкам и характеру. 24. Носится слух, что она была заколдована Петром и против воли относилась к нему благосклонно. 25. Ко всякому колдовству и чернокнижию этот Барсима был очень расположен: он восхищался так называемыми манихеями и считал для себя вполне возможным открыто предстательствовать за них. 26. Хотя императрица слыхала о таком его отношении, тем не менее она не лишила его своего расположения, но еще больше из-за этого решила его охранять и любить. 27. Бедь она сама с самых юных лет имела общение с магами и колдунами, знающими всякие травы,—самый образ ее жизни приводил ее к этому; всю свою жизнь она прожила, веря этому и надеясь на это. 28. Говорят, что и Юстиниана она подчинила себе не столько своими нежностями и ласками, сколько демонской силой. 29. Конечно, Юстиниан не был человеком большого ума, справедливым или устойчивым в хороших намерениях, чтобы оказаться сильнее таких злоухищрений: он явно подчинялся своей жажде убийств и корыстолюбию и легко уступал тем, кто хотел его обманывать или умел ему льстить. 30. В делах для него особенно важных он без всякого основания был очень переменчив и вечно был он подобен легкой пыли. 31. Поэтому никто ни из его родных, ни из близких никогда не полагался на него; что касается образа действий, его мысли всегда подвергались крайним переменам. 32. Поэтому-то, как сказано выше, он был так доступен всяким кудесникам и без всякого труда оказался в руках Феодоры; потому-то императрица так сильно и любила Петра, как человека, ревностно занимавшегося всем этим. 33. С той должности, которую он занимал раньше¹, император с трудом снял его, но по настоянию Феодоры немного спустя назначил его заведующим казначейством, сняв с этой должности Иоанна, который занял ее немного месяцев тому назад. 34. Этот человек был родом из Палестины, очень мягкий и хороший; он не умел находить источники незаконных доходов и никогда не обидел никого на свете. 35. Конечно, весь народ питал к нему исключительную любовь, потому-то он никак не мог понравиться Юстиниану и его супруге; всякий раз, как они в числе своих помощников сверх своего ожидания видели какого-нибудь человека хорошего и достойного, они приходили в крайнее смущение и, исполненные крайнего недовольства, всячески старались возможно скорее избавиться от него. 36. Так вот этого-то Иоанна и сменил Петр, став во главе императорской сокровищницы, и вновь сделался главнейшим виновником великих бедствий для населения. 37. Те деньги, которые каждый год император издревле раздавал, как пособие, низшим классам, он урезал и, незаконным образом богатея от этих общественных сумм, часть из них уступал императору. 38. А лишившиеся этих денег сидели в великой печали, так как и золотую монету он счел нужным выпускать не такую, какая обычно была в ходу, но установил ее меньшего веса, чего никогда раньше не бывало². 39. Вот каковы были все магистратуры при этом императоре. А сейчас я расскажу, как он разорял повсеместно владельцев имений. 40. Достаточно будет нам напомнить о рассылаемых по разным городам чиновниках, о чем я говорил не так давно, и указать на страдания от этих людей. Прежде всего эти чиновники, применяя насилие, грабили землевладельцев и этим уже сказано все.

¹ Как *praefectus praetorii*.

² Ср. кн. VII(III), гл. 1, § 30. Кроме того, П а н ч е н к о, назв. раб., стр. 161, 162.

XXIII. 1. Прежде издавна был обычай, чтобы каждый, кто занимал престол Римской империи, не один раз, но многократно, просил всем своим подданным недоимки по государственным налогам для того, чтобы у обедневших и не имеющих средств, откуда уплатить эти недоимки, не висела вечно эта петля на шею и чтобы не давать повода (для злоупотреблений) сборщикам податей, пытающимся придираиться к тем из плательщиков податей, которые ничего не должны по налогам. Этот же человек за 32 года своего правления ничего подобного не сделал для своих подданных. 2. Поэтому обедневшим было необходимо бежать без всякой надежды на возвращение. 3. А ябедники мучили всякими страхами честных людей, выставляя против них обвинения в том, что будто бы они неполностью заплатили подати за прежнее время из наложенного на их имение взноса. 4. И эти несчастные боялись не столько нового обложения налогами, сколько того, что они незаконно будут отягощены взысканиями в качестве недоимок за столь продолжительный срок. 5. Поэтому многие действительно отдавали свои имения этим ябедникам или государству и сами уходили. 6. А затем, несмотря на то, что большая часть Азии была опустошена мидянами и сарацинами, а вся Европа разграблена гуннами, славянами и антами, что из городов одни были разрушены до основания, другие дочиста обобраны благодаря денежным контрибуциям, несмотря на то, что варвары увели с собою в плен всех людей со всем их достоинством, что вследствие чуть ли не ежедневных их набегов все области стали безлюдными и необрабатываемыми,—несмотря на все это, он, тем не менее, не снял ни с кого налогов, исключая тех городов, которые были взяты приступом, да и то на один только год. 7. Даже если бы он сделал так, как император Анастасий, и на семь лет отменил¹ подати для взятых врагами городов, думаю, даже в этом случае он поступил бы не вполне соответственно с обстоятельствами времени: ведь Кабад ушел, нанеся огромные повреждения всем постройкам, а Хозрой вообще сжег дотла все, что захватил, причинив попавшим ему в руки еще большие бедствия. 8. И для этих людей, с которых он сложил такую смехотворную часть налогов, и для всех других, которым часто приходилось видеть в своих пределах войска мидян и, можно сказать, постоянно толпы гуннов и сарацин, ограбивших дотла земли Востока, когда и европейские варвары не в меньшей мере совершали всегда и повсеместно те же насилия над римлянами,—для них этот император был злом более тяжелым, чем все варвары. 9. По удалении неприятелей хозяева имений тотчас же попадали в сети императорских декретов о принудительной скупке хлеба (синоне), о так называемых переложениях платежей и доплатах. 10. Что это за декреты и какую цель они преследовали, я сейчас укажу². 11. Владельцев имений заставляли содержать римское войско пропорционально размерам наложенной на каждого подати, причем нормы этих поставок определялись не тем, какова потребность в продовольствии в данный момент, но тем, сколько вообще с них можно взять и какое количество постановлено взыскать, причем

¹ Прокопий—Войны с персами, I, 36, 10.

² По поводу всех этих трех видов обложений см. Панченко, стр. 128—149. Специально этому вопросу посвящены работы: А. P i g a n i o l—L'impôt de capitation sous Bas-Empire Romain (1916) и O s t r o g o r s k y—Das Steuersystem im Byzantin. Altertum (1931). Более обширные работы: М о n n i e r—L'έπιβολή. Etudes de droit byzantin («Nouvelle revue hist. de droit franç. et étranger», 1892—1895); O s t r o g o r s k y—Die Steuergemeinde d. byzant. Reiches im X Jahr., 1931; D ö l g e r—Beiträge zur Geschichte d. byzant. Finanzverwaltung (X—XI Jahr.) «Byzant. Archiv» IX (1927).

вовсе не спрашивалось, есть ли в данный момент в этой области нужные запасы¹. 12. И вот, эти несчастные были вынуждены доставлять солдатам и их коням нужное им продовольствие, покупая его целиком за большие деньги по очень повышенным ценам и при этом иногда в отдаленной области, привозить его туда, где в это время находилось войско, и сдавать его заведующим военным хозяйством не той мерой, как это полагается для всех людей, но как заблагорассудится этим приемщикам. 13. Таков порядок того, что называется «скупкой хлеба»—синоной, в результате которого у хозяев имений вытягивались все жилы. 14. В силу этого им по необходимости приходилось платить ежегодно налогов по крайней мере в десять раз больше, так как они должны были, как сказано выше, обслуживать не только войско, но на них, постигнутых уже такими бедами, часто сваливалась необходимость доставлять хлеб и в Византию. И не только один этот, именуемый Барсима, дерзал на такое нечестие и правонарушение, но и раньше его так поступал и Иоанн из Каппадокии, и позднее те, которые приняли от Барсимы высокое звание этой должности. 15. Так обстояло дело со скупкой хлеба. Что же касается «эпиболе», то это какая-то непредвиденная чума, внезапно поразившая владельцев имений и с корнем вырвавшая у них надежду на возможность жизни. 16. Дело в том, что налоги с поместий, или опустевших или запущенных, владельцам которых и колонам (земледельцам) пришлось или уже совсем погибнуть, или, покинув отчие земли, скрываться от постигших их из-за всего этого бедствий, эти налоги властители не сочли недостойным себя переложить на тех, которые еще не совсем были разорены. 17. Вот что обозначает слово «эпиболе», особенно распространившееся, как это и естественно, в это самое время. Что же касается «диаграфе», чтобы сказать в кратких словах и не задерживаться на этом, заключается она вот в чем. 18. Необходимость заставляла, особенно в эти печальные времена, налагать на города большие взыскания. Об условиях привлечения к ним и о способах их взысканий в данный момент я не буду говорить, чтобы рассказ мой не оказался бесконечным. 19. Эти суммы платили владельцы имений, прибавляя их пропорционально к наложенной на каждого из них подати. 20. Но на этом их бедствия не кончались; моровая язва, охватившая всю остальную землю, поразила также и Римскую империю и уничтожила большую часть колонов (земледельцев); поэтому, как и естественно, имения обезлюдели, но Юстиниан не оказал никакой пощады их владельцам: 21. он неизменно взыскивал с них ежегодный налог и не только то, что было наложено на каждого из них, но и долю погибших их соседей. 22. Сверх этого возлагалось на них еще многое другое, о чем я говорил несколько раньше, что всегда отягощало имевших несчастье быть владельцами имений. Кроме того, им приходилось обслуживать воинов, поселенных в самых лучших и роскошнейших помещениях, а самим все это время жить в самых плохих и заброшенных строениях. 23. Все это пришлось постоянно испытывать людям в течение правления Юстиниана и Феодоры, так как ни войны, ни другие величайшие бедствия за это время не прекращались. 24. И раз уже я упомянул о домах, я не считаю возможным обойти молчанием и то, что владельцы домов в Византии должны были поселить в них варваров, которых было в Византии около 70 000. Не говоря уже о том, что сами они не могли пользоваться удобствами и выгодами от своих владений, они подвергались и многим другим неприятностям.

¹ Ср. Новелла 130, гл. 2.

XXIV. 1. Не должно конечно, обойти молчанием и то, что было сделано Юстинианом по отношению воинов¹, во главе которых он поставил самых негодных людей², приказав им собирать и здесь возможно большее количество денег, причем они знали, что двенадцатая³ часть добытого будет принадлежать им. Этим людям было дано имя логофетов. 2. Они ежегодно употребляли следующий прием. Закон и обычай установили, чтобы воинское жалованье выплачивалось не всем одинаковое, но тем, которые были еще молоды и недавно стали совершать походы, жалованье было меньше, а для уже испытанных и находящихся в середине платежных списков, жалованье платилось выше. 3. Для ветеранов и собирающихся уйти в отставку из военной службы жалованье было еще более высокое, для того, чтобы они в дальнейшем, живя, как частные люди, имели достаточно средств на прожиток и, когда им придется пройти весь путь своей жизни, могли бы оставить своим домашним из личных средств некоторое утешение. 4. Таким образом, самое время, всегда повышая тех воинов, которые получали меньше и ставя их на места умерших или уходящих в отставку из военной службы, давало каждому из них по старшинству службы возможность получить более высокое жалованье из государственного казначейства. 5. Но так называемые логофеты не позволяли вычеркивать из списков имена умерших, хотя их погибало очень много помимо всего прочего, потому, что шли постоянные войны. Кроме того, они еще в течение продолжительного времени не пополняли войско новыми наборами. 6. Поэтому число воинов в государстве становилось все меньше и меньше⁴, а те, которым давно уже умершие не давали повышаться по спискам, продолжали оставаться, вопреки своим заслугам, в разрядах ниже оплачиваемых, получая жалованья меньше, чем полагающееся им по норме. Все же деньги, следовавшие воинам за все это время, благодаря этим логофетам, доставались на долю Юстиниана. 7. Кроме того, они заставляли страдать воинов и от многих других обид, специально связанных с их службой, как будто в возмещение за те опасности, которые они несли на войне. Одним бросалось обвинение в том, что они греки, как будто бы уже заранее было решено, что, будучи эллином, нельзя быть честным и храбрым человеком; другим—что они несут военную службу без разрешения от императора, хотя насчет этого они показывали бумагу с подписью императора, но логофеты без всякого колебания осмеливались признавать ее подложной; наконец, третьим ставилось на вид, что им пришлось на несколько дней уйти, покинув своих товарищей. 8. Кроме того, впоследствии некоторые из дворцовой охраны были разосланы по всей Римской империи, конечно, под тем предлогом, чтобы произвести ревизию регулярных войск и выявить, кто из них (будто бы) совершенно непригоден для военной службы, и у некоторых, как бесполезных или устаревших, они решались отнимать пояса. В дальнейшем эти несчастные должны были открыто на площади просить себе для пропитания милостыню у людей благочестивых, являясь для всех встречавшихся с ними поводом для слез и стенаний. Что касается других, то они, чтобы и им не испытать такого

¹ Ср. А г а ф и й (306, 21).

² Ср. кн. II, гл. 15, 9.

³ Ср. Новелла 130, гл. 1.

⁴ См. А г а ф и й (305, 16). Армия при Юстиниане была доведена до 150 000 вместо бывшей раньше в 640 000 (см. Иоанн Антиохийский, Müller, FHG, IV, 622), так что появление Зебергана с 7 000 гуннов под стенами Византии воспринималось, как ужасающее нашествие.

бедствия, платили (следователям) крупные суммы. Таким образом, вышло, что воины, как люди, из которых всякими способами вытянули жилы, оказались из всех в самом нищенском положении и не было уже у них охоты воевать. 9. Поэтому-то и в Италии дела римлян пришли в полный упадок. Дело в том, что логофет Александр¹, посланный в Италию, без всякого стыда решился проявить к солдатам такое обидное отношение, а с италийцев взыскивал их личные деньги, под предлогом наказания за их защиту установлений Теодориха и готов. 10. И не только обыкновенные воины были доведены до бедности и поставлены в безвыходное положение притеснениями логофетов, но и очень многие из сотрудников всех военачальников, которые в прежнее время пользовались большой славой, были теперь обречены на голод и крайнюю бедность. 11. У них не было уже ни средств, ни возможности, откуда бы они могли добывать себе нужное им пропитание. 12. Раз уже в своем рассказе о положении войска мне пришлось об этом заговорить, я добавлю еще следующее. В прежнее времена римские императоры повсюду, по всем окраинам Римского государства, содержали очень большие отряды войск для охраны границ Римской империи, особенно в восточной ее части, отражая там набеги персов и сарацин. Эти войска так и назывались «пограничными». 13. К ним император Юстиниан с самого начала отнесся так невнимательно и небрежно, что те, кто должен был платить им жалованье, задерживали его за четыре и за пять лет; когда же у римлян и персов был заключен мир, эти несчастные, как будто бы и им предстоит пользоваться благами мира, были принуждаемы отказаться за указанное время от жалованья, которое им задолжали, в пользу государственной казны. А затем и самое наименование такой войсковой части было уничтожено без всякого основания. 14. Таким образом, на дальнейшее время границы Римской империи остались без охраны, а воины неожиданно для себя должны были смотреть в руки тем, кто привык заниматься благотворительностью, раздавая подаяние. 15. Другие воины, числом не меньше 3 500, с самого начала были назначены для охраны дворца; их называют схолариями². 16. В прежнее времена обычно они получали из государственного казначейства более высокое жалованье, чем все другие. Прежние государи, выбрав их по их доблести (и воинским заслугам) из числа армян, ставили на эту высокую должность. 17. Но с того времени, как Зенон принял императорскую власть, всем дано было право, даже трусам и людям совсем не воинственным, вступать в эту (преторианскую) гвардию. 18. С течением времени даже рабы, если они могли заплатить назначенную сумму, покупали себе это воинское звание. Когда же Юстин стал императором, этот Юстиниан многих возвел в это высокое звание, взяв с них большие суммы. 19. Когда он в дальнейшем увидал, что в этих списках нет уже ни одного лишнего места, он прибавил к ним других, до двух тысяч, которых стали называть сверхкомплектными. 20. Когда же он сам сделался императором, он очень скоро отстранил всех этих сверхкомплектных, не вернув им ничего из внесенных ими денег. 21. По отношению тех, которые были в числе схолариев, он придумал следующее. Когда становилось известным, что войско будет послано в Ливию, в Италию или против персов, то давался приказ собираться схолариям, якобы потому, что они должны будут принять участие в этом походе, хотя Юстиниан точно знал, что в военном отношении они ничег. не стоят;

¹ Прокопий—Война с готами, кн. VII (III), гл. 1, § 28 сл.

² Агафий (310, 2).

а те, боясь этого, на известный срок отказывались от жалованья. И такие вещи схоляриям приходилось испытывать не раз. 22. Петр все то время, когда он нес должность так называемого магистра¹, чуть не ежедневно мучил их несказанными вымогательствами. 23. Правда, он был (с виду) очень мягким и никогда не позволял себе грубого обращения, но из всех людей он был наивеличайший вор, человек, исполненный самой позорной гряди. Об этом Петре я упоминал раньше, что он был виновником смерти Амалазунты, дочери Теодориха². 24. При дворце есть и другие, более высокие военные должности; им обычно идет тем более высокое казенное жалованье, чем выше та сумма, за которую они купили этот военный чин; они носят название domestikов и протекторов. С давних времен это были люди совершенно неопытные в военных делах. 25. Они числились в списках императорского двора исключительно только ради церемониала и внешности. Одни из них издавна жили в Византии, другие—в области галатов и в разных других местах. 26. Запугивая всегда и их вышеуказанным способом, Юстиниан принуждал их отказаться от полагающегося им жалованья. 27. Я подведу вкратце итог. Был закон, чтобы каждые пять лет император одаривал каждого из воинов определенной суммой золота. 28. И каждые пять лет (специальные) посланные по всей Римской империи каждому воину передавали по пяти золотых статов. 29. И никак нельзя было не выполнить этот (вошедший в плоть и кровь) обычай. Но с того времени, как этот человек стал управлять государством, он ни разу не сделал, да и не собирался делать, ничего подобного, хотя с того времени прошло уже 32 года, так что люди почти что уже и забыли об этом случае. 30. Теперь я расскажу о другом способе грабежа подданных, который он придумал. Те, которые в Византии у императора или у магистратов несут военную службу или прилагают свою руку по письменной части, или служат как-нибудь иначе,—сначала помещаются в самом конце списка, с течением же времени они повышаются рангом, занимая всегда места тех, которые или умирают или уходят в отставку. Так каждый из них, поднимаясь по служебной лестнице, доходит до верхней ступени; этим он достигает предела своей почетной службы. 31. И вот тем, которые дошли до столь высокой должности, издревле выплачивалось такое количество золота, что каждый год это выражалось в сумме более 10 000 фунтов золота. Это давало им возможность безбедно проводить свою старость, и из других лиц многие вместе с ними получали отсюда большую пользу. Этим путем и государственные дела приходили к большому благополучию. 32. Но этот император, лишив их почти всего этого, принес огромный вред и им, и всем остальным людям. Бедность, поразившая сначала их самих, затем перешла и на других, на тех, которые прежде в некотором отношении были участниками их благосостояния. 33. И если кто подсчитает те денежные суммы, которых они лишились в течение тридцати двух лет, то найдет, какое огромное количество денег удалось ему похитить у них.

XXV. 1. Так обошелся этот тиран с несущими военную службу. А то, как он поступил с купцами, моряками, ремесленниками и рыночными торговцами, а через них и со всеми остальными людьми, я сейчас изложу. 2. По ту и другую сторону Византии есть два пролива,* один—в Геллеспонтe между Систом и Абидосом, другой—у устья так называемого

¹ Praefectus officio m—начальник преторианской гвардии.

² См. гл. XVI, § 5.

Эвксинского Понта, где находится знаменитый храм (богородицы)¹. 3. В проливе Геллеспонта не было никакой государственной таможни, но в Абидосе находился начальник, посылаемый императором наблюдать за тем, чтобы корабль, везущий оружие в Византию, не мог доставить его туда без соизволения императора и чтобы никто не мог плыть в открытое море из Византии, не имея письменного разрешения за печатью тех лиц, которые ведают этим делом. Не полагалось плыть из Византии, не получив разрешения на выезд от лиц, являющихся помощниками по управлению так называемого магистра (*magister officiorum*). Он взыскивал с владельцев кораблей налог, о котором по его незначительности не стоило бы и говорить: считалось справедливым, чтобы этот чиновник получал некоторую мзду за свою работу. 4. А тот, кто посылался ко второму проливу, получая постоянное вознаграждение от императора, тщательно производил обыск кораблей и осмотр тех товаров, о которых я говорил, наблюдая, не везут ли к варварам, живущим по берегам Эвксинского Понта, чего-либо такого, чего не полагалось везти из земли римлян к варварам. Этому уполномоченному не полагалось ничего брать для себя от этих мореходов. 5. Но с тех пор, как Юстиниан взшел на императорский престол, и у того и у другого пролива были установлены государственные таможни и, отправляя сюда двух чиновников, которые получали определенное жалованье, он приказал им добывать отсюда всякими способами возможно большее количество денег. 6. Они же, стараясь показать свою преданность ему, ограбив за один раз плывущих на всю стоимость их грузов, затем отпускали их. 7. Вот что делалось у того и другого пролива. А в Византии он придумал следующее. Поставив во главе этого предприятия одного из близких себе лиц, по происхождению сирийца, по имени Аддея², он приказал ему доставлять для него какую-либо прибыль от кораблей, приходящих с моря в Византию. 8. И вот он все корабли, идущие с моря в Византию, пускал в гавань не иначе, как накладывая на мореходов взыскание, равное стоимости всего провоза на их собственных кораблях, или заставлял их везти товары в Ливию и в Италию. 9. Некоторые из них, не желая брать на себя издержки обратного провоза и вообще заниматься в дальнейшем морским делом, сжигали свои корабли и, довольные, тотчас же удалялись. 10. Те же, которые по необходимости приходилось добывать себе пропитание этим промыслом, — продолжали в дальнейшем перевозить товары, возложив на тех, кто нанимал их для провоза груза, тройную цену; а эти оптовики, ясно, могли покрыть свои убытки, только возложив их на мелкого потребителя их товаров; и таким образом для римского народа всячески готовилась голодная смерть. 11. Так обстояло дело в государстве с торговлей. А что этими государями было сделано с разменной монетой, думаю, не должно быть обойдено молчанием в моем рассказе. 12. Обычно раньше менялы за один золотой стater давали обращающимся к ним 210 оболлов, которые они называли «фоллами» (обрезки кожи). Юстиниан же с Феодорой, изобретая всевозможные источники личного обогащения, постановили давать за стater 180 оболлов³. Этим от каждой золотой монеты они отрезали седьмую часть... всех людей. 13. Введя на большую часть товаров так называемые монополии и заставив желающих

¹ В тексте стоит просто *hieron* — храм; об этом месте см. А р р и а н — Перипл., гл. 12.

² Повидному, тот же, о котором говорит Э в а г р и й (V, 3); Н и к и ф о р К а л л и с т (XII, 34); ср. Ф е о ф а н (I, 242, 9).

³ М а л а л а (486, 19). Ср. П а н ч е н к о, стр. 162.

что-либо купить задыхаться каждый день в петле этих цен, эти правители оставили незакабаленной только одну торговлю—платьем, но и тут они придумали следующее. 14. Платья из коконов шелка-сырца издревле обычно делались в двух городах Финикии: в Берите и в Тире. 15. Крупные торговцы этим товаром, их представители и ремесленники-мастера со времен отцов и дедов жили здесь, и отсюда обычно после выработки эти товары распространялись по всей земле. 16. Когда же во время правления Юстиниана занимавшиеся этим делом в Византии и в других городах стали продавать эту одежду дороже, ссылаясь на то, что в настоящее время персы накинули цену на сырец значительно выше, чем она была в прежнее время, и что теперь десятинные сборы в Римской империи выше, чем прежде, то император, делая перед всеми вид, будто он негодует на это, законом запретил, чтобы цена на такую одежду была выше, чем восемь золотых за фунт шелка. 17. Тем, кто нарушит этот закон, грозило наказание в виде конфискации всего наличного состояния. Торговавших этим товаром такое постановление ставило в совершенно безвыходное и невозможное положение. Купцам, которые приобрели эти товары по более высокой цене, нельзя было продавать их покупателям по более низкой цене. 18. Поэтому они не считали возможным продолжать с выгодой для себя эту торговлю, но понемногу, украдкой, из-под полы, они стали распродавать оставшиеся у них товары подобного рода, конечно, только кому-либо из знакомых, которым было приятно так наряжаться, тратя свое богатство, или которым по какой-либо иной причине это было необходимо. 19. Узнав об этом от своих наушников, не произведя никакого расследования по этим слухам, императрица отняла у этих людей все их товары, наложив на них сверх того штраф в 100 фунтов золота. Впоследствии эти государи не сочли недостойным себя самим заняться производством таких одежд из шелка в Византии¹. Во главе этого производства стоит заведующий царскими сокровищами. 20. Назначив Петра, по прозванию Барсима, на эту должность, немного времени спустя они разрешили ему совершить безбожные поступки. 21. По отношению к другим он считал нужным строго придерживаться закона, а заставляя рабочих-специалистов по этому производству работать только на одного себя, он продавал, вовсе не скрываясь, но открыто, на площади, унцию шелка, окрашенного в какую-нибудь краску, не меньше чем за 6 золотых, а шелк, окрашенный в царскую краску, которая называется «головером» (чистый пурпур), он продавал более чем за 24 золотых. 22. Он извлек отсюда для императора большие деньги, а сам, прикрываясь этим, тайно воровал еще большие суммы. Начиная с этого времени, такая система так и осталась на все времена. 23. Ибо он один и до моего времени открыто остается и поставщиком, и продавцом этого товара. 24. Те же поставщики, которые прежде занимались этим делом в Византии и во всех других городах, перевозя товары по морю и по суше, чувствовали, естественно, тяжелые последствия этого постановления. 25. В городах же, о которых я говорил выше, почти весь простой народ сразу стал нищим. Простые ремесленники, занятые прежде ручной работой, должны были, естественно, бороться с голодной смертью, прося подаяние; многие по той же причине переменили свое подданство и бежали в персидские пределы. 26. И один только хранитель императорских сокровищ, неизменно занимаясь этой выгодной для него выделкой товаров, часть доходов, получаемых отсюда, как сказано, считал возмож-

¹ Такую вставку предлагает сделать в этом месте Хаури.

ным доставлять императору, а сам, похищая большую часть, богател на общественных бедах. Но довольно об этом.

XXVI. 1. Каким образом он смог и в Византии, и в каждом другом городе уничтожить все, что составляло честь и славу государства и всякое благолепие, я сейчас расскажу. 2. Прежде всего он решил уничтожить почетное звание адвокатов¹. Он прежде всего отнял у них всякое право на гонорар, благодаря которому прежде, выступая с защитительными речами, они обычно получали средства для роскошной жизни и для своего внешнего блеска. Император приказал, чтобы обе стороны приносили предложение, были в большом унынии. 3. Когда же он отобрал имущество, как я об этом говорил выше, у членов сената и у всех тех, которые в Византии и во всей Римской империи считались богатыми, то в дальнейшем сословию адвокатов по своей профессии не оставалось ничего другого, как только сидеть сложа руки. 4. так как у людей, имеющих какое-либо положение, не оставалось уже ничего ценного, из-за чего бы они вступали друг с другом в споры. Таким образом, сословие адвокатов из многочисленного стало малочисленным, из уважаемого оно теперь повсюду стало испытывать крайне унизительное к себе отношение. И, естественно, они все находились в крайней бедности и жили, получая за свое дело одни насмешки и оскорбления. 5. Он заставил нуждаться в самом необходимом и врачей, и профессоров общеобразовательных предметов (права). То содержание, которое прежние императоры установили выплачивать им по этим профессиям из государственного казначейства, Юстиниан отнял все. 6. Больше того, все те средства, которые жители всех городов собирали между собой или для городских расходов или для устройства у себя зрелищ, он не побоялся перечислить и соединить их с государственными налогами². 7. И в дальнейшем не было уже никакого внимания ни к врачам, ни к профессорам; никто уже не мог заботиться о городском благоустройстве, не было уже освещения по городам на государственный счет, не было никаких других удовольствий для населения городов. 8. Театральные представления, скачки, охоту (на арене) с этого времени он почти все прекратил³, а ведь в этой обстановке его жена родилась, воспиталась и выросла. 9. Впоследствии он велел прекратить эти зрелища и в Византии, для того, чтобы не отпускать на это обычных средств из казначейства, благодаря которым находили себе пропитание очень многие, почти бесчисленное количество лиц. 10. И в частной жизни, и в общественной было одно горе и уныние, как будто какое-то несчастье свалилось на них с неба, и жизнь у всех стала безрадостной. 11. Сидя ли у себя дома или встречаясь на рынках и в храмах, люди не разговаривали ни о чем другом, как о своих бедах и несчастьях, о чудовищных размерах этого небывалого горя. 12. Таково было положение в городах. Теперь нужно сказать о том, о чем я еще не упомянул в своем рассказе. Каждый год в Римской империи выбирались два консула: один—в Риме, другой—в Византии. 13. Всякий, кто призывался на эту высокую должность, должен был за время своего управления истратить для государства больше чем 2 000 фунтов золота; небольшая часть этой суммы шла из его личных средств, а главный расход шел из средств

¹ Малала (470, 19); ср. Панченко, стр. 198.

² См. Панченко, стр. 168—169.

³ Малала (417, 2).

*Уничтожил
ср. с вост.*

императора. 14. Эти деньги шли как на поддержку других, о чем я уже говорил, так, главным образом, тратились на тех, кто попал в тяжелые материальные условия и особенно на служителей сцены. Благодаря этому всегда получалась очень большая поддержка экономическому положению города. 15. Но с тех пор как Юстиниан принял императорскую власть, все это больше уже не делалось в установленное время. Сначала при нем консул у римлян оставался в своей должности долгое время¹, а, в конце концов, народ даже во сне перестал видеть новые избрания. Вследствие этого людям пришлось влачить в бедности беспросветно жалкое существование, так как (император) уже не отпускал своим подданным обычного (вспомоществования), напротив, даже и то, что у них было, всякими способами отнимал. 16. Как это ненасытное чудовище, поглотив все государственные средства, затем отобрало все имения и богатства сенаторов, и отдельно у каждого и у всех вместе, я думаю, я думаю, об этом мною рассказано достаточно. 17. Полагаю, что более чем достаточно изложено мной и то, какими приемами ему удалось отнять достояние также у других, считавшихся богатыми, пуская против них в ход ябеды и доносы. Это относится и к воинам, и к служителям магистратов, и к несшим военную службу во дворце, к земледельцам—колонам и владельцам поместий, к служителям слова и к тем, кто своей профессией избрал науки юридические и общекультурного значения, а также к купцам, владельцам судов и морякам, к ремесленникам и рабочим, к торговцам на рынках и к тем, кто находил себе средства для жизни в сценической профессии. Можно сказать, не было никого, кого бы не поразил тот или иной ущерб, проистекающий по воле Юстиниана. 18. Как он поступил с людьми, живущими подаяниями, людьми маленькими и неимущими, находящимися в крайней нужде и унижении, я сейчас расскажу. А то, что он сделал по отношению к церковнослужителям, я расскажу в дальнейшем изложении². 19. Прежде всего, взяв в свое распоряжение все лавки и введя так называемые монополии на товары первой необходимости, он стал взysкивать со всех людей более чем тройную цену. 20. Если бы я хотел рассказать о других бесчисленных несправедливостях, проистекающих от этих монополий, то я не взял бы на себя смелость говорить о них даже в бесконечной речи; но самое горькое было то, что он всегда грабил покупавших хлеб, а не покупать его не могли ни ремесленники, ни бедняки, ни люди, находящиеся в крайнем унижении. 21. Каждый год он считал допустимым извлекать для себя отсюда 300 фунтов золота, а хлеб стал (дороже и) полон золы. Побуждаемый своим корыстолюбием, этот император не побоялся даже на это наложить свою нечестивую руку. 22. Пользуясь этим предлогом, те, на кого была возложена столь почетная обязанность (портить продукты), искусными приемами извлекали личную выгоду и очень легко доходили до великого богатства. В самые урожайные годы они всегда, сверх ожидания, искусственно устраивали человеческими руками голод для неимущих, так как никому ни в коем случае не дозволялось ввозить зерно откуда бы то ни было, но по необходимости все должны были есть этот покупной хлеб. 23. Хотя бы эти императоры Юстиниан и Феодора видели, что город-

¹ Малала (426, 21; 478, 20); Феофан (I, 174, 16); «Пасхальная хроника» (I, 617; 18); Кедрен (I, 642, 15); Марцеллин Комес под 452 (1) г.; Новелла 105, гл. 2.

² Прокопий не раз выражал намерение описать специально церковную политику Юстиниана; ср. гл. I, § 14.

ской водопровод развалился¹ и только незначительную часть воды пропускает в город, но не обращали на это внимания и не желали отпустить (на его исправление) ни гроша денег, хотя вокруг городских водоемов толпа чуть не душила друг друга и все бани были закрыты. А в то же время без всякого расчета бросались огромные суммы денег на приморское строительство и на другие бессмысленные сооружения; повсюду в подгородных имениях воздвигались великолепные дворцы, как будто им уже не доставало тех дворцов, в которых постоянно любили жить прежние императоры. 24. Так, не вследствие бережливости в деньгах, а ради гибели человеческой, он решил оставлять без внимания постройку водопровода, так как никто никогда не был готов более Юстиниана нечистыми путями присваивать себе чужие деньги и еще более скверным образом тотчас же их истратить. 25. Из двух вещей, которые остались для питания и питья людям, дошедшим до крайней нужды и нищеты, а именно вода и хлеб, даже в этих вещах император причинил им вред, как я рассказывал, сделав так, что воды у них не доставало, а хлеб стал гораздо дороже. 26. И не только в Византии поступил он так с бедными, но также и с живущими в других местах. О них и пойдет сейчас мой рассказ. 27. Захватив Италию, Теодорих оставил там тех, которые несли военные должности (преторианские) при римском дворце. Этим он хотел сохранить след старого государственного управления, оставив каждому небольшое ежедневное жалованье. Было их очень много. 28. В числе их были так называемые силенциарии, доместики и схолярии, у которых ничего военного больше не осталось, кроме звания да этого жалованья, едва хватавшего им на прожитие. Теодорих приказал передавать его их детям и их потомкам. 29. Нищим, которые жили около храма апостола Петра, он назначил ежегодно по 3 000 медимнов хлеба за счет государства. Эти выдачи и тем, и другим производились до тех пор, пока в Италию не прибыл Александр Псалидий («Ножницы»)². 30. Этот человек без малейшего колебания решил все это уничтожить. Узнав об этом, Юстиниан, римский император, нашел такие действия совершенно правильными и еще больше, чем прежде, держал Александра в чести. Во время этой командировки Александр сделал и с эллинами следующее: 31. Издревле заботу об охране Фермопильского прохода несли на себе земледельцы, возделывавшие здешние места и посменно охранявшие находящуюся здесь стену, когда ожидали нашествия каких-либо варваров, желавших прорваться в Пелопоннес. 32. Когда во время этой командировки Александр прибыл сюда, то, делая вид, будто он заботится об интересах жителей Пелопоннеса, он сказал, что нельзя поручать охрану этого прохода крестьянам. 33. Поэтому он поместил здесь отряд воинов, приблизительно в 2 000 человек, постановив, чтобы жалованье им шло не из императорской казны, а все деньги, предназначавшиеся на городское благоустройство и зрелища из всех эллинских городов³, под этим предлогом он перечислил в казначейство, с тем, чтобы на них содержать этот военный отряд. Вследствие этого в дальнейшем во всей Элладе, даже в самих Афинах, не производилось больше никакого ремонта зданий и не делалось ничего хорошего. 34. Однако Юстиниан без всякого колебания подтвердил все эти распоряжения Псалидия. 35. Вот что тогда произошло там. Теперь

¹ Феофан (I, 237, 8; 239, 24). Зонара (XIV, 63) рассказывает, что Юстиниан сам разрушил один из водопроводов, нуждаясь в свинцовых его трубах. Это было в 543 г., на 16-м году правления Юстиниана.

² Прокопий—Война с готами, кн. VII (III), гл. 1, § 30.

³ Ср. Панченко, стр. 164—169.

мне надо перейти к нищим в Александрии. Был там некто Гефест из числа адвокатов, который, сделавшись префектом Александрии, удержал народ от мятежа, нагнав страху на мятежников, и причинил крайние из крайних бед жителям этого города. 36. Обратив всю торговлю в городе в так называемую монополию, он не позволял ни одному купцу заниматься этим делом, но, став сам единственным торговцем, он продавал все товары, конечно, установив на них такие произвольные цены, на которые давало ему право его официальное положение. И вот весь город, все жители Александрии задыхались от недостатка предметов первой необходимости, которые в прежнее время мог легко покупать даже крайне бедный люд. Особенно же они почувствовали утеснение в хлебе. 37. Дело в том, что хлеб в Египте имел право скупать только он один и никому другому не давалось разрешения купить ни единого медимна, поэтому и (качество) хлеба, и цены на него он устанавливал, как хотел. 38. В результате этого в скором времени он сам собрал сказочное богатство и удовлетворил жажду императора к деньгам. 39. Из-за страха перед Гефестом народ Александрии молча переносил постигшие его бедствия, а самодержец в уважение к постоянно доставляемым ему деньгам любил этого человека превыше всех. 40. Возымев намерение еще более заслужить расположение императора, этот Гефест придумал следующее. 41. Став римским императором, Диоклетиан постановил каждый год раздавать большое количество хлеба из государственных складов нуждающимся александрийцам. 42. С тех пор беднейшее население города, распределив между собой эти раздачи, по наслышке передавало их своим потомкам вплоть до описываемого времени. 43. Но Гефест, отняв у людей, и без того уже нуждающихся в насущном пропитании, ежегодное количество хлеба в 2 000 000 медимнов, оставил их лежать в государственных кладовых, а императору написал, что эти люди получали до сих пор такие раздачи несправедливо и не соответственно пользе государства. 44. Поэтому император с большой охотой утвердил эту меру и почувствовал к нему еще большее расположение, а те из александрийцев, которые в этой раздаче видели единственную свою надежду на существование, почувствовали всю прелесть такой бесчеловечности, проявленной на том, что было самым необходимым для их существования.

XXVII. 1. Юстинианом совершено столько преступлений, что целого века нехватало бы, чтобы рассказать обо всех них. 2. Да будет дозволено мне выбрать несколько примеров из всей этой массы, рассказ о которых совершенно ясно обрисует всем будущим поколениям полностью весь его характер, показав, что был он двуличен и что ему не было никакого дела ни до бога, ни до священнослужителей, ни до законов, ни до того народа, о котором он должен был заботиться; что он не думал ни об уважении к кому бы то ни было, ни о пользе государства, ни о том, чтобы делом и словом послужить ему или чтобы под каким-нибудь предлогом постараться оправдать свои преступления. Ничто из этого ему не приходило на ум; его интересовало только одно: как бы ему ограбить деньги со всей земли. Я начну вот с чего¹. 3. Он сам назначил архиереем в Александрию некоего человека по имени Павла. Случилось, что в это время префектом Александрии был некто Родон, родом из Финикии. 4. Юстиниан поручил

¹ Дальнейший эпизод передает Л и б е р а т—Бревиарий, гл. 23. Ср. Кирилл Скийнополита—Житие Саввы; Кедрен (I, 555, 22); Феофан (I, 222, 18); Крамер—Anecdota (II, 110).

ему во всем содействовать Павлу со всяким старанием, с тем, чтобы ни одно из его, Павла, требований не осталось бы невыполненным. 5. Он думал, что таким образом ему удастся уговорить александрийских еретиков¹ присоединиться к исповеданию Халкедонского собора. 6. Был некий Арсений, родом из Палестины, который был принят императрицей Феодорой в число самих близких к ней лиц и поэтому получил большое влияние; он собрал огромное богатство, так что дошел до высокого звания сенатора, хотя был он самый грязный человек. 7. Был он самаритом, но, чтобы не потерять приобретенную им власть, он решил прикрыться именем христианина. 8. И вот, его отец и брат, полагаясь на его влияние, живя в Скифополе и скрывая свою отческую веру, с его согласия совершали невыносимые преступления против всех христиан. 9. Поэтому граждане, восстав против них, подвергли их обоих самой безжалостной смерти, а отсюда произошло много бед для жителей Палестины. 10. Тогда ни Юстиниан, ни императрица не сделали Арсению никакого зла, хотя именно он был главным виновником всех этих неприятных событий, но запретили ему впредь появляться во дворце, потому что из-за него они постоянно осаждались жалобами со стороны христиан. 11. Этот Арсений, думая, что он вновь заслужит расположение императора, немного спустя отправился вместе с Павлом в Александрию, чтобы во всем быть ему помощником и всеми силами содействовать в убеждении александрийцев. 12. За то время, когда он был лишен доступа во дворец, он усиленно показывал свою преданность ко всем христианским догматам. 13. Этим он вызвал неудовольствие Феодоры, так как в этих вопросах она придерживалась, как я указал в предыдущих рассказах², других взглядов, чем император. 14. Когда они прибыли в Александрию, то Павел передал на казнь Родону некоего Псоя, диакона, говоря, что он один мешает ему выполнить волю императора. 15. Руководясь письмами императора, частыми и очень настойчивыми, Родон решил казнить этого человека, и он, подвергнутый жестокой пытке, вскоре умирает. 16. Когда это известие дошло до императора, то он, под сильнейшим и настойчивым влиянием императрицы, возложил всю вину за это дело на Павла, Родона и Арсения, как будто забыв о всех данных им приказаниях этим людям. 17. Назначив Либерия, одного из патрициев города Рима, префектом Александрии, он послал туда нескольких чтимых иереев, с тем, чтобы они произвели расследование по этому делу; в числе их был и римский архидиакон Пелагий, являясь представителем от лица римского папы Вигилия, который возложил на него это поручение³. 18. Расследовав это дело об убийстве, они тотчас низложили Павла, лишив его архиерейства: бежавшему в Византию Родону император приказал отсечь голову, а его деньги конфисковал, хотя Родон предъявил 13 писем, которые ему написал император, неоднократно и со всей настойчивостью повелевая во всем подчиняться Павлу, если он прикажет что-либо сделать, и ни в чем не противодействовать ему, чтобы он мог относительно исповедания веры выполнить то, что было решено (на соборе). 19. Арсения, согласно решению Феодоры, Либерий посадил на кол, а император постановил конфисковать его имущество, хотя он не мог обвинить его в чем-либо, кроме совместного проживания с Павлом. 20. Правильно ли он тут поступил или нет, этого я сказать не могу, но сейчас покажу,

¹ Конъектура Хаури; другие конъектуры: «знатных» (А л е м а н н); «первых лиц» или «наибольшее число» (Р е й с к е); «священнослужителей» (И з а м б е р).

² Проконий, гл. X, § 15.

³ В качестве папского легата.

ради чего все это я рассказал. 21. Спустя некоторое время Павел прибыл в Византию и, преподнеся нашему императору 700 фунтов золота, просил его возвратить ему епископский престол, говоря, что он был лишен его противозаконно. 22. Юстиниан милостиво принял деньги и держал этого человека в большой чести и обещал, что очень скоро он назначит его александрийским архиереем, хотя это место было занято уже другим: при этом Юстиниан делал вид, будто он ничего не знает, что тех, кто жил с ним и кто решился ему служить, он же сам велел казнить и их имущество конфисковал. 23. Августейший император усиленно и настойчиво старался выполнить это дело, и относительно Павла определенно считалось, что он непременно получит опять эту епископию. 24. Но (папа) Вигилий, находившийся тогда в Византии, несмотря на приказание императора, решил ни в каком случае не уступать ему и, ссылаясь на точку зрения Пелагия, говорил, что для него невозможно, раз теперь вновь поднимается вопрос об этом процессе, отказаться от высказанного от его имени Пелагием суждения. 25. Таким образом, ясно, что этот император не заботился ни о чем другом, кроме возможности грабить и отнимать деньги. Я хочу рассказать еще следующий случай. 26. Был некто Фаустин, родом из Палестины, бывший в прежнее время самаритом, но по необходимости, боясь закона, принявший имя христианина. 27. Этот Фаустин дошел до звания сенатора и получил власть (префекта) над этой областью. Вскоре он был отрешен от этой должности и когда вернулся в Византию, то некоторые из священнослужителей стали обвинять его, донеся, что будто бы он тайно принадлежит к секте самаритов и по отношению к христианам, жившим в Палестине, позволил себе совершить ряд поступков. 28. Юстиниан сделал вид, будто он исполнен гнева и возмущен тем, что в то время, как он занимает престол римского императора, подвергается с чьей бы то ни было стороны осмеянию христово имя. 29. Сенаторы, произведя расследование этого дела, наказали Фаустина изгнанием, под сильнейшим давлением императора. 30. Но получив от Фаустина столько денег, сколько хотел, император, тотчас же подвергнув это решение вторичному рассмотрению, признал его не имеющим силы. 31. Фаустин вновь получил прежнее (сенаторское) звание, был принят императором в число друзей и, назначенный заведующим (прокуратором) императорскими имениями в Палестине и в Финикии, еще с большей смелостью и безопасностью для себя стал делать все, что ему было угодно. 32. Так вот каким образом Юстиниан считал нужным сохранять христианское православие; хотя я привел не много примеров, но даже из этого краткого изложения можно вполне вывести надлежащее заключение. 33. А как он без зазрения совести изменял законы, раз за это ему были предложены деньги, я расскажу в самых коротких словах.

XXVIII. 1. Был в городе Эмесе некий Приск, который замечательно хорошо научился подделывать чужие подписи; он был удивительно искусный специалист в этом гнусном деле. 2. Много лет тому назад церковь Эмесы одним из виднейших граждан города была сделана наследницей его имущества. 3. Этот человек, по своему званию патриций, по имени Маммиан— человек славного рода и исключительно богатый. 4. В правление Юстиниана вышеупомянутый Приск получил поручение произвести обследование всех домов этого города; и вот, если он находил какой-нибудь дом, цветущий богатством и вполне подходящий, чтобы с него можно было выискать крупные суммы, то тщательным образом разузнавал о предках вла-

дельцев этого дома и, найдя их старинные письма, составлял как будто бы от их имени целый ряд документов, в которых они заявляли, что обязаны возратить крупные суммы денег Маммиану, как полученные ими от него в качестве ссуды под залог их имущества. 5. Этих обязательств по таким поддельным документам собралось не меньше, чем на 10 000 фунтов золота. 6. Затем, чудесным образом подделав подпись того человека, который тогда, когда был еще жив Маммиан,—человека, пользовавшегося большой славой за свою справедливость и за другие достоинства, который, сидя на площади, составлял все документы для граждан, закрепляя каждый из них собственноручной подписью,—римляне называют такого человека «табеллионом» (нотариусом),—так вот, подделав его подпись, Приск передал все документы заведывавшим делами церкви в Эмесе, договорившись с ними, что ему будет дана часть полученных таким образом денег. 7. Но на их пути стоял закон¹, который для всех других видов судебных дел устанавливал срок давности в 30 лет, а для некоторых немногих, в том числе так называемых закладных, этот срок удлинялся до 40 лет. Тогда они придумывают следующее. 8. Отправившись в Византию и преподнеся этому императору большую сумму денег, они просили его помочь им в выполнении этого дела: погубить граждан, которые никогда и никому не были должны. 9. Получив эти деньги, Юстиниан без всякого промедления издает закон, по которому для судебных дел церковей о принадлежащем им имуществе устанавливается новый срок давности, не тот, который был до сих пор предписан, но удлиняется до 100 лет, и что это постановление должно иметь законную силу не только в Эмесе, но и во всей Римской империи. 10. Провести в жизнь это дело в Эмесе император поручил некоему Лонгину², человеку энергичному и обладающему огромной физической силой, который впоследствии был в Византии начальником над народом. 11. Заведующие делами церкви, сначала предъявив иск на основании вышеназванных документов к кому-то из граждан, получили тотчас же право на взыскание 200 фунтов золота с этого человека, так как он ничего не мог противопоставить в свою защиту ввиду столь большой давности и неведения того, что тогда происходило. 12. В великой печали сидели все люди, особенно же самые знатные из жителей Эмеса, отданные на произвол доносчиков и клеветников. 13. Когда же это бедствие постигло уже очень многих из граждан, то по божьему промыслу суждено было случиться следующему. 14. Приску, творцу этого гнусного дела, Лонгин приказал принести все документы, а когда он стал отказываться сделать это, он изо всей силы дал ему по уху. 15. Не выдержав удара столь сильного человека, он упал навзничь; дрожа и будучи в крайнем страхе, подозревая, что Лонгин уже все это дело заметил, он во всем сознался ему. Таким образом вся эта гнусность была вынесена на свет и всей этой ябедке суждено было увидеть конец. 16. Юстиниан не только для римлян постоянно, чуть ли не каждый день, издавал все новые и новые законы, но этот император старался разрушить и те законы, которые почитали евреи. 17. Если случалось, что по времени праздник пасхи у них приходился раньше, чем у христиан³, он не позволял иудеям справлять его в установленное время, совершать в эти дни поклонение своему богу или выполнять свои священ-

¹ Новелла 9; см. Новелла 111.

² Малала (482, 1). Вероятно, ему посвящена эпиграмма Арабия Схоластик в «Anthol. Palat.» (XVI, 39).

³ По словам Феофана, от которого эти сведения заимствует Иоанн Сикул, император Юстиниан не раз передвигал сроки празднования пасхи.

ные обряды. 18. И многих из них под предлогом, что они в это время вкушают мясо агнца, обвинив в нарушении государственных законов, поставленные на эту должность магистраты штрафовали на большие суммы. 19. Я знаю бесчисленное количество других подобного рода дел Юстиниана; я не стану их перечислять, так как нужно же положить конец рассказу. Ведь уж и из того, что сказано, достаточно ясно можно составить себе представление о характере этого человека.

XXIX. 1. Что был он притворщик и человек двуличный, я это сейчас покажу. Отрешив от занимаемой им должности того Либерия, о котором я недавно упоминал¹, на его место он поставил Иоанна, родом египтянина, по прозвищу Лаксариона. 2. Когда об этом узнал Пелагий, бывший очень большим другом Либерия, он спросил императора, справедлив ли слух относительно Лаксариона. 3. Юстиниан тотчас же отрекся, утверждая, что ничего подобного он не сделал; он вручил ему грамоты к Либерию, поручая ему очень крепко держаться за свою власть и никому никоим образом ее не передавать. 4. Он говорил, что в данный момент не желает его отрешать. Но в Византии у Иоанна был дядя, по имени Эвдемон; он достиг звания консула, был очень богат и до тех пор был заведующим (прокуратором) личным имуществом императора. 5. Этот Эвдемон, до которого дошли эти слухи, тоже с своей стороны спросил императора, твердо ли остается за его племянником это назначение на должность (префекта Александрии). 6. И вот, Юстиниан, отрицая то, что он написал Либерию, точно такое же письмо написал Иоанну, повелевая ему всеми силами сохранить за собой власть над провинцией. 7. Он утверждал, что по этому вопросу им не поставлено для него ничего нового. Полагаясь на эти письма, Иоанн потребовал, чтобы Либерий уходил из резиденции префекта, так как он снят с этой должности. 8. Либерий отвечал ему, что он вовсе не намерен его слушаться, само собой разумеется, тоже руководясь письмами императора. 9. И вот Иоанн, вооружив тех, кто составлял его свиту, пошел на Либерия, а Либерий со своими сторонниками решил сопротивляться. Произошла битва, в которой пало много народу, в том числе и сам Иоанн, получивший назначение в Александрию префектом. 10. Вследствие очень сильных и настойчивых просьб Эвдемона Либерий тотчас же был вызван в Византию, и сенат, произведя расследование всего этого дела, оправдал Либерия, так как не он напал, но ему пришлось совершить это убийство, защищаясь. 11. А император подтвердил это решение сената только после того, как тайно оштрафовал его на крупную сумму. 12. Вот как Юстиниан умел говорить правду и действовать прямо. Как бы в дополнение к своему рассказу я считаю вполне уместным передать следующее. Немного спустя этот Эвдемон скончался, оставив после себя много родственников. Он не написал никакого завещания, не высказал своей воли никаким-либо иным способом. 13. Приблизительно в то же время умер Эвфрат², начальник дворцовых евнухов, оставив племянника, но тоже никак не распорядившись своим огромным состоянием. 14. Имущество того и другого император отобрал в свою пользу, по собственному произволу назначив себя их наследником, а из законных наследников никому не дал ни гроша. 15. С таким-то уважением относился этот император к законам и к родственникам близких к нему людей. 16. Точно так же и много раньше этого времени,

¹ Прокопий, гл. XXVII, § 17.

² Прокопий—Война с готами, кн. VIII (IV), гл. 3, § 19.

после смерти Иринейя, он отобрал все его состояние, не имея на это никакого права. 17. Приблизительно в то же время произошло вот какое событие, о чем я не хочу умолчать. Был некий Анатолий, занимавший в списке сенаторов Аскалона первое место. Его дочь взял замуж один из жителей Кесарии, по имени Мамилиан, происходящий из очень знатного рода. 18. Эта девушка была единственной наследницей, так как у Анатолия она была только одна. 19. Издревле было установлено законом, если сенатор какого-либо (провинциального) города окончит свои дни, не оставив детей мужского пола, то из оставленного им состояния четвертая часть поступает в распоряжение сената этого города, всем же остальным могут пользоваться наследники умершего. Но и здесь император показал обычные качества своего характера, чуть ли не накануне успев издать закон, изменявший все дело, а именно: если умирает сенатор, не оставляя после себя потомства мужского пола, то наследники получают четвертую часть его состояния, а все остальное переходит в собственность государственного казначейства и сената данного города¹. 20. Однако никогда еще, с того времени как существуют люди, ни казначейство, ни император не имели права на получение доли из имущества человека сенаторского звания. 21. И вот, когда был издан этот закон, а для Анатолия наступил последний день жизни, его дочь внесла полагающуюся часть наследства после него в государственное казначейство и в сенат (своего родного) города на основании изданного закона, и сам император и сенаторы города Аскалона дали ей письменные расписки, признавая в них полный расчет и прекращение всяких претензий к ней по этому делу, так как она правильно и точно внесла все им причитающееся. 22. Несколько времени спустя умер и Мамилиан, который был зятем Анатолия; у него осталась только одна дочь, которая, естественно, одна только и была наследницей своего отца. 23. Затем и она еще при жизни своей матери дошла до предела своей жизни, бив замужем за каким-то человеком знатного рода, не оставив потомства ни женского, ни мужского пола. 24. Тогда Юстиниан тотчас же наложил руку на все их богатства, высказав следующее удивительное положение: будто противно установлениям религии и благочестия, чтобы дочь Анатолия, бывшая уже старухой, обогащалась состоянием и мужа, и отца. 25. Но чтобы эта женщина не стала затем нищей, он постановил, чтобы она получала на прожитие каждый день, вплоть до своей смерти, по золотому статеру. Юстиниан внес это постановление в тот документ, по которому он ограбил все ее состояние, заявляя, что этот статер он назначает ей ради своего благочестия: «Свойственно мне, — как он выразился, — действовать благочестиво и богобоязненно». 26. Но довольно говорить об этом, чтобы рассказ мой не перешел все границы, так как ни один человек не может рассказать всех своих воспоминаний. 27. Но что он не обращал внимания и на венетов («голубых»), которые, казалось, были его сторонниками, раз он видел перед собою деньги, об этом я все-таки расскажу. 28. Был в Киликии некто Малфан² зять того Льва, который, как я упоминал раньше³, занимал должность референдаря (докладчика). 29. Юстиниан послал его в Киликию с приказанием подавить враждебные выступления. Взявшись за дело, под этим предлогом Малфан совер-

¹ Ср. Новелла 38, гл. I.

² Хаури в аппарате делает замечание, что в Новелле 142 упоминается некто Морфан, равно и в письме Юстиниана и в актах Мопсуестенского синода — Морфаний. В рукописи, гл. XVII, § 32, гл. XIV, § 16.

шил ряд ужасных преступлений по отношению к очень многим киликийцам, грабя их деньги и имущество; часть этих денег он отправлял тирану, а другую часть он считал правильным прибавить к своему богатству. 30. Все остальные молча сносили выпавшие на их долю беды, венеты же («голубые»), которые были в Тарсе, уверенные, что благодаря расположению к ним императора¹ они могут говорить, что хотят, публично на городской площади в отсутствие Малфана очень ругали его. 31. Малфан, узнав об этом, собрал отряд воинов, тотчас же ночью направился в Тарс и, разослав ранним утром воинов по домам, велел покончить с ними. 32. Венеты («голубые»), считая это за вражеское нападение, стали защищаться, как и чем позволяли им обстоятельства. В темноте произошло много разных преступлений; между прочим, пораженный стрелой, пал и Дамиан, бывший сенатором. 33. А этот Дамиан был главою здешней партии венетов («голубых»). Когда слух об этом деле дошел до Византии, охваченные негодованием венеты («голубые») наполнили весь город великим шумом; они сильно надоедали императору с этим делом, а Льва и Малфана они очень поносили и страшно грозили им. 34. Самодержец тоже не в меньшей степени делал вид, что очень раздражен тем, что произошло. Он тотчас издал указ, повелевая расследовать дело и наказать Малфана за все его политические проступки. 35. Но Лев, преподнеся ему большую сумму золотом, тотчас успокоил и его гнев против Малфана, и его любовь к венетам («голубым»). Дело осталось нерасследованным, а когда Малфан вернулся в Византию и явился к императору, то был принят весьма милостиво и ему был оказан большой почет. 36. Подстерегли его, когда он выходил от императора, венеты («голубые») напали на него и изранили его во дворце; они собирались убить его, если бы некоторые из них не помешали им в этом, а именно те, которые уже заранее тайно получили за это деньги от Льва. 37. И кто бы не назвал такой политический строй заслуживающим всякого сожаления, при котором император, получив взятку, оставил нерасследованными обвинения, а мятежники во дворце, в присутствии императора, без всякого опасения решились напасть на одного из высших магистратов и поднять на него беззаконные руки?! 38. И, тем не менее, за все это не было никакого возмездия ни Малфану, ни тем, кто поднялся против него. Из этого всякий, кто хочет, пусть делает свое заключение о характере и нравственных качествах императора Юстиниана!

XXX. 1. А обращал ли он какое-либо внимание на пользу государства, это может стать ясным для всякого из его мероприятий по отношению к почте и к разведчикам. 2. Бывшие раньше римские самодержцы очень заботились о том, чтобы все сообщалось им возможно скорее и доходило без всякого промедления: как то, что совершается врагами в той или другой области, так и происходящие по городам восстания или какое-либо иное неожиданное бедствие; одним словом, они хотели, чтобы им становилось быстро известным то, что происходит повсеместно во всей Римской империи со стороны ли магистратов или кого бы то ни было другого; наконец, чтобы те, кто пересылает им ежегодные доходы, могли делать это без всякого промедления и опасности². В заботах об этом императоры повсеместно

¹ Другие рукописи дают чтение: «императрицы».

² И о а н н Л и д и е ц, 254, 16.

организовали быстрое почтовое сообщение следующим образом. 3. На расстоянии однодневного пути, который может пройти человек налегке, они устроили станции, иногда восемь, иногда меньше, но обычно число их не было никогда меньше пяти. 4. На каждой такой стоянке содержалось до 40 лошадей; соответственно количеству коней на всех стоянках находились и конюхи. 5. Так как лошади были очень хорошие, то благодаря частым сменам едущие, на которых возлагались все те поручения, о которых я только что говорил, иной раз, бывало, в один день на таких перекладных совершали десятидневный путь. Притом и владельцы имений, расположенных везде, даже в глубине страны, делались от этого очень зажиточными. 6. То продовольствие, которое оставалось у них от прошлого года, они ежегодно продавали государству на содержание лошадей и конюхов. За это они получали крупные суммы. 7. В результате этого государство всегда получало наложенные на каждого подати, и в свою очередь те, кто доставлял это продовольствие, сами тотчас же за него получали наличные деньги. И это давало возможность совершаться всему как следует к пользе государства. 8. Так шли дела прежде. Но этот властитель, прежде всего уничтожив почтовые станции от Халкедона до Дакибизы, заставил всех управляющихся из Византии прямо вплоть до Гелленополя, чего они вовсе не хотели, плыть на кораблях. 9. А плыть им приходилось на таких маленьких суденышках, на каких обыкновенно здесь переезжают через пролив. И если, случалось, поднималась буря, им приходилось подвергаться большим опасностям. При неотложной необходимости торопиться им не было никакой возможности подстергать благоприятный момент или выжидать, когда наступит спокойствие на море. 10. Затем почтовый тракт в прежнем виде он оставил только на дороге, которая вела к границам Персии, на всем же остальном Востоке вплоть до Египта, на дорогах длиною целого дневного пути, он оставил по одной только станции, да и то на них содержались не кони, а ослы в небольшом количестве. 11. Поэтому известия обо всем, что случалось в каждой области, приходили поздно и много времени спустя после нужного момента; а так как о событиях общались с опозданием, то делу, понятно, никак нельзя было помочь. Что же касается помещиков, то запасы продовольствия у них гнили или беспечно ждали, и для хозяев от них не было никакой пользы. 12. Относительно разведчиков дело обстояло вот как. В прежнее время много людей, получая содержание от государства, шли в пределы врагов и проникали даже в самый дворец персидского царя, под видом ли торговли или под другим какою предлогом; они до точности расследовали все и, вернувшись в пределы Римской империи, могли сообщать начальникам тайные планы врагов. 13. Начальники же, предупрежденные, принимали свои меры и поэтому для них ничего не случалось непредвиденного. Такие же методы были применяемы издревле и мидянами. Как говорят, Хозрой, введя более высокую оплату работы разведчиков, пожал богатые плоды такой предусмотрительности. 14. От него ничего не было скрыто, что делается у римлян. Юстиниан же, не потратив на них ни единой монеты, даже самое имя разведчиков уничтожил в Римской империи, вследствие чего ему пришлось совершить много ошибок. Между прочим, из-за этого врагами была захвачена Лазика, так как римляне совершенно не были осведомлены, куда пойдет персидский царь со своим войском. 15. В прежние времена обычно на государственный счет содержалось очень много верблюдов, которые следовали за римским войском, если оно шло против врагов, и везли для того все необходимое. 16. Вследствие этого ни крестьянам не приходилось

в принудительном порядке возить эстафеты¹, ни у войска никогда не было недостатка во всем необходимом. Но Юстиниан уничтожил и их почти всех. Поэтому теперь, когда римское войско направляется против неприятелей, оказывается невозможным, чтобы у римского войска было все, что сейчас требуется. 17. Так относился он к тому, к чему он в интересах государства должен был бы прилагать особое усердие. Кстати будет вспомнить и об одной из его шуток. 18. В числе юристов в Кесарии был некий Эвангел, человек неглупый, который, воспользовавшись благоприятным для себя стечением обстоятельств, оказался обладателем всякого рода богатств, и, между прочим, стал крупным землевладельцем. 19. Впоследствии он купил приморскую деревню, называвшуюся «Порфиреином»², за 300 фунтов золота. Узнав об этом, император Юстиниан тотчас отнял у него это имение, заплатив ему лишь малую часть его стоимости, причем произнес такую фразу, что Эвангелу³, будучи юристом, нет никакого блага в том, что он будет обладателем такой («порфиродостойной»)⁴ области. 20. Но будет говорить об этом: достаточно и того немногого, о чем я упомянул сейчас.

21. Из нововведений Юстиниана и Феодоры в придворной жизни надо отметить следующие. Издревде сенат, являясь к императору, обычно приветствовал его следующим образом. Кто был родом патриций, целовал его в правую часть груди, 22. а император, отпуская его, целовал его в голову; все же остальные уходили, преклонив перед императором правое колено. 23. Приветствовать и поклоняться императрице—такого обычая не было. При Юстиниане же и Феодоре все являвшиеся к ним на прием, не исключая и тех, которые носили высокое звание патрициев, падали перед ними ниц, вытянувши во всю длину руки и ноги, затем, облобызав и ту и другую ногу у обоих императоров, они поднимались⁵. 24. Таким образом, и Феодора не отказывалась от такого поклонения. Она считала вполне желательным для себя, чтобы к ней являлись послы персов и других варваров, и одаряла их ценными подарками, как будто бы она была носительницей власти в Римской империи,—дело, небывалое во все времена. 25. В прежние времена те, кто являлся во дворец, приветствовали самого государя именем императора, а его супругу—императрицей, а из остальных высших магистратов каждого они приветствовали именем той должности, какую он в данное время занимал. 26. Теперь же, если кто-нибудь в беседе с Юстинианом или Феодорой употреблял слово император или императрица, а не называл их владыкой и владычицей, магистратов же, какую бы высокую должность они ни занимали, не постарается назвать их рабами, то такого человека считали совершенно невоспитанным, дерзким и несдержанным на язык, и он уходил из дворца, как совершивший тягчайшее преступление (против этикета) и позволивший себе неслыханную и недопустимую дерзость. 27. В прежние времена не много и не часто люди бывали

¹ Некоторые рукописи дают чтение «возить с полей». Но это слово (*ἀγροεστῆν*) не встречается в греческой литературе, тогда как *ἀγροεστῆν*—довольно известное выражение (вплоть до Эсхила).

² Это местечко было, вероятно, названо «Порфиреином» потому, что здесь тирские моряки ловили «пурпурных» улиток.

³ «Благовествующему», проповеднику евангельской бедности.

⁴ Это место было настолько значительно, что уже во времена Юстиниана считалось епископией.

⁵ Обычно было принято считать, что такой церемониал был введен в подражание персидскому двору. Alföldi в своем докладе на Международном конгрессе в Варшаве в 1933 г.—«Die Einführung des persischen Hofzeremoniells im Römerreiche»—доказывает, что это—традиция не персидская, а римско-эллинистическая.

во дворце. Но с того времени, как Юстиниан и Феодора приняли власть, магистраты и прочие (виднейшие) люди все должны были непрерывно пребывать во дворце. 28. Дело в том, что в старину магистраты имели право судить и совершать законные действия самостоятельно. 29. Поставленные начальники выполняли обычные обязанности, оставаясь в своих присутственных местах, а подчиненные, не видя и не слыша по отношению к себе никакого принуждения, понятно, не надоедали императору. 30. Эти же властители, захватывая на горе и гибель своих подданных все дела в свои руки, заставляли всех магистратов, как самых последних рабов, вечно сидеть возле себя. Почти каждый день можно было видеть суды по большей части безлюдными, а в приемной императора толпу, оскорбления, великую толкотню и вечное и сплошное раболепство. 31. Те, которые считались наиболее близкими лицами к Юстиниану и Феодоре, непрерывно целыми днями, иногда и большую часть ночи, простаивали там в приемной, без сна и без еды, и, нарушая все привычные сроки жизни, безвременно погибали. Вот во что обращалось у них их кажущееся счастье! 32. А те люди, которые были свободны от всех забот, вели между собою разные речи о том, куда девались богатства Римской империи. 33. Одни утверждали, что все перешло к варварам, другие говорили, что император держит их спрятанными во многих тайниках. 34. И вот, когда Юстиниан, если он человек, отойдет в другой мир, или если он, владыка демонов, освободится от этого брэнного тела, те, которые тогда еще случайно останутся в живых, узнают о нем всю правду.

ЦИТИРУЕМЫЕ АВТОРЫ

- А г а ф и й: «Agathiae historiarum libri quinque», ed. Neib'uhrius. Bonnae 1828.
 Автор «О начале города Византии»: «Scriptores originum Constantinopolitanarum», rec. Th. Preger, Lips. 1901—1903.
 Б а р - Г е б р: «Gregorii Abulpharagii sive Bar-Hebraer. Chronicon Syriacum», ed. Bruns et Kirsch. Lips. 1789.
 «Chronica Minora», saeculi IV, V, VI, VII, ed. Th. Mommsen. Berolini 1892.
 «Chronicon Paschale», recens. L. Dindorfius. Bonnae 1832.
 «Хроника Эдессы»: L. Hallier—«Untersuchungen über die edessenische Chronik», Leipz. 1892.
 З а х а р и й: «Die Sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor», herausg. Ahrens u. Krüger. 1899.
 З о н а р а: «Ioannes Zonarae epitome historiarum», ed. L. Dindorfius, Lips. 1870.
 И о а н н А н т и о х и й с к и й: «Ioannis Antiocheni fragmenta» (у Müller'a, FHG, IV, S. 535).
 И о а н н и з Н и к и ю: «Chronicon ex Aethiopico sermone in Franco-gallico versus ab. Zetengerb» («Notices et Extraits», t. XXIV).
 И о а н н Э ф е с с к и й: «Die Kirchengeschichte des Iohannes von Ephesus», aus dem syrischen übers. v. Schönfeld. München 1862.
 И о р д а н: «Iordanis Romana et Getica», recens. Th. Mommsen. Berolini 1882.
 К е д р е н: «Georgius Cedrenus», ed. Imm. Bekker. Bonnae 1838.
 К р а м е р: С р а м е р—«Anecdota Parisina». Oxonii 1839. Lib. pontif. «Gestorum pontificum Romanorum». Berolini 1898.
 М а р ц е л л и н К о м е с: «Marcellini comitis Chronicon» (в «Chronica Minora», t. II).
 М а л а л а: «Ioannis Malalae Chronographia» ex recens. L. Dindorfii. Bonnae 1831.
 М и х а и л С и р и е ц: V. Sanglois—«Chronique de Michel le Grand». Venise 1868.

- Викт. Тонн: «Victoris Tonnennensis Chronica» (в «Chronica Minora», t. II).
Свида: Suidas—«Lexicon», ed. Gaisford. Охон. 1834 (выходит новое издание).
Никифор Каллист: «Nicephori Callisti ecclesiasticae historiae libri». XVIII.
Paris 1630.
Феодор Лектор: «Theodori Lectoris fragmenta» (у Срамер'а—«Anecdota»)-
Феофан: «Theophanis Chronographia», rec. C. deBoor. Leip. 1883.
ЭвагриЙ: «The ecclesiastic history of Evagrius», ed. Bidez and Parmentier.
Lond. 1898.
Гаммер: Н а м м е р—«Konstantinopel und Bosphorus». 1822.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ